

В. Г. СИРОТКИН

ИСТОРИЯ
ФРАНЦИИ:
ПЯТАЯ
РЕСПУБЛИКА

В. Г. СИРОТКИН

ИСТОРИЯ ФРАНЦИИ: ПЯТАЯ РЕСПУБЛИКА

*Допущено
Министерством высшего
и среднего специального образования СССР
в качестве учебного пособия
для студентов вузов, обучающихся
по специальности „История“*

Москва
«Высшая школа»
1989

Рецензенты:

кафедра новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (зав. кафедрой проф. *Е. Ф. Язьков*); старший научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР, д-р истор. наук *М. М. Наринский*.

Сироткин В. Г.

С40 История Франции: Пятая республика: Учеб. пособие для вузов по спец. „История”. — М.: Высш. шк., 1989. — 199 с.

ISBN 5-06-000018-4

В пособии излагается история страны за период с 1958 по 1988 год: ее социально-экономическое развитие, особенности государственного устройства, общественно-политическая жизнь. Специальный раздел освещает современный этап жизни Франции, в том числе советско-французские отношения. Книга снабжена кратким словарем-справочником французских терминов и сокращений, а также библиографией.

С $\frac{0503010000-035}{001(01)-89}$ 50-89

ББК 63.3(0)63
9(М)7

ISBN 5-06-000018-4

© Издательство „Высшая школа”, 1989

ОТ АВТОРА

В октябре 1958 г. после одержанной правительством де Голля победы на референдуме в силу вступила новая конституция Франции, установившая новый политический порядок. С этого времени началась жизнь Пятой республики, продолжающаяся и по настоящее время.

Традиционно во Франции нумерация республик (за исключением Первой) связана со счетом действующих конституций. Основных конституций с 1792 по 1958 год в стране было принято пять. Отсюда — и Пятая республика.

Первая республика (1792—1799) возникла в ходе обострения классовой борьбы во время Великой французской буржуазной революции конца XVIII в. В этот период было принято три конституции, но I Республика ведет свой отсчет от принятия декрета 21—22 сентября 1792 г. Национальным Конвентом, провозгласившим Францию республикой (первая и самая радикальная из конституций I Республики — якобинская — была принята позднее, в июне 1793 г.).

Вторая республика (1848—1852) возникла в результате буржуазно-демократической революции 1848 г. Как и Первая, она закончилась бонапартистским переворотом. Только в 1799 г. власть захватил Наполеон I, а в 1852 г. — „маленький племянник великого дяди” (К. Маркс) — Наполеон III.

Дольше всех существовала Третья республика (1875—1940), возникшая после франко-прусской войны 1870—1871 гг. и Парижской Коммуны 1871 г. Принятию республиканской конституции 1875 г. предшествовала острая борьба между монархистами и бонапартистами, с одной стороны, и буржуазными республиканцами — с другой, в которой последние победили. В конце 70-х — середине 80-х годов XIX в. конституция III Республики была дополнена рядом статей (о всеобщем обязательном бесплатном начальном образовании, о политических свободах и др.). Важнейшей тенденцией этих статей-поправок стало усиление роли парламента в ущерб власти президента, должность которого в республике была в значительной степени декоративной.

III Республика пала в июне 1940 г. в результате капитуляции тогдашних правящих кругов Франции перед фашистской Германией. Созданный по указке Гитлера марионеточный „режим Виши” (по названию курортного городка на юге Франции) во главе с маршалом Ф. Петеном большинство французских ученых считают „государством” лишь условно (отсюда термин „режим”).

Четвертая республика (1946—1958) возникла из движения Сопротивления, на волне антифашистской борьбы. Период со времени освобождения Франции от германской оккупации до принятия конституции (1944—1946) носит название „временного режима”. По сравнению с конституциями III и V Республик конституция IV Республики 1946 г. была более демократичной (в ней декларировалось даже право на труд).

Пятая республика, ведущая свой отсчет, как уже говорилось, с 1958 г., возникла в результате острого внутривнутриполитического кризиса, вызванного колониальной войной в Алжире, которую часть правящих кругов IV Республики развязала в 1954 г. В итоге к власти пришла „дирижистская” фракция крупной французской буржуазии, избравшая генерала Шарля де Голля „верховным арбитром нации”. Режим V Республики вобрал в себя как конституционные традиции и опыт четырех предшествующих Республик, так и то новое, что породил государственно-монополистический капитализм Франции после второй мировой войны, к концу 50-х годов.

Из всего многообразия проблем V Республики автор отобрал лишь три: социально-экономическое развитие страны; ее общественно-политическую жизнь; особенности государственного устройства. Заключает пособие раздел „Франция на современном этапе”, где рассматриваются два важных вопроса: успехи и трудности левых сил в период их пребывания у власти в 1981—1986 гг. и история советско-французских отношений 1966—1986 гг. Вместо заключения дается общий итог истории развития V Республики на фоне важных внутривнутриполитических событий конца 80-х годов.

В конце книги приводится краткий словарь-справочник терминов и сокращений, встречающихся в тексте (они выделены полужирным), а также краткая библиография основных работ советских и частично иностранных исследователей.

Ввиду ограниченного объема пособия автор вынужден был опустить другие важные вопросы: роль средств массовой информации, культуры и др. Но даже и в этом, сжатом виде такого рода пособие выпускается впервые. Автор стремился

максимально избежать дублирования материала, отраженного в других пособиях, в частности по новейшей истории Франции¹.

Изложенный в пособии материал апробирован в общих курсах лекций и спецкурсах, которые автор в 60–80-х годах читал в Московском государственном институте иностранных языков им. Мориса Тореза, Академии общественных наук при ЦК КПСС, Высшей комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ, Московском государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина и в Дипломатической академии МИД СССР.

¹ См.: *Смирнов В. П.* Новейшая история Франции: 1918–1975. М., 1979.

РАЗДЕЛ I

ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА

Современная Франция является одной из ведущих индустриально развитых буржуазных стран Запада и занимает четвертое место по объему промышленного производства в капиталистическом мире после США, Японии и ФРГ.

Франция сравнительно небольшая по площади (551 тыс. кв. км) и населению (около 55 млн. человек) страна (ее иногда называют „самой малой из великих и самой великой из малых держав”). К середине 70-х годов она достигла значительных успехов в промышленном развитии: по темпам роста экономики к началу 70-х годов обогнала даже США и уступала только Японии. К началу 80-х годов уровень производительности труда в стране составлял 63 % от уровня США (для сравнения: в ФРГ — 81 %, в Японии — 61, в Великобритании — 42 %). В целом за период с 1945 по 1975 г. экономический потенциал Франции возрос в 4 раза.

Экономические успехи объяснялись прежде всего традиционно высокой квалификацией французских рабочих, хорошей подготовкой инженерно-технических работников (ИТР, или „кадров”, как их называют во Франции), высвобождением значительных финансовых средств после провала колониальных авантур в Индокитае (1946—1954) и Алжире (1954—1962), научно-технической революцией (НТР), активным развитием международных экономических отношений Франции, связанным с началом разрядки напряженности в Европе. Заметный прогресс экономики позволил правящим кругам Франции в конце 60-х годов выдвинуть установку на „японский путь развития”: довести среднегодовые темпы роста валового национального продукта до 6 % в год, удвоить за десять лет объем промышленного производства и к началу 80-х годов по уровню индустриального развития догнать ФРГ. К концу века правящие круги намеревались вывести Францию на третье место в капиталистическом мире (после США и Японии) и на первое — в Западной Европе.

Однако начавшийся в середине 70-х годов энергетический кризис опрокинул все эти планы. Экономика Франции, как и вся экономика капиталистического мира, вступила в полосу затяжного кризиса.

1. Кризис финансово-ростовщического характера французского империализма и поиски выхода из него

Кризис финансово-ростовщического характера французского империализма. Экономика Франции в послевоенный период развивалась неравномерно.

Начиная с середины XIX в. французский империализм носит ярко выраженный финансовый, ростовщический характер в отличие, например, от колониального британского империализма. Это означало, что основную прибыль финансовая олигархия Франции извлекала не столько из промышленных капиталовложений внутри страны, сколько из процентов от предоставления внешних займов. За период с 1870 по 1913 г. вывоз капитала, главным образом в виде займов, вырос в 6 раз, тогда как капиталовложения в собственную промышленность увеличились лишь в 3 раза.

К началу XX в. во французскую промышленность было вложено 25 млрд. золотых франков, а в заграничные ценные бумаги (займы) более 45 млрд., из которых до 35 % приходилось на одну царскую Россию.

Такого рода источник обогащения породил тогда выражение — „стричь купоны от русских займов”. Дело в том, что ростовщические операции с точки зрения капиталистической рентабельности — самые выгодные и социально (для своей страны) наиболее безопасные. Не надо строить новые заводы, привозить из колоний сырье, нанимать рабочих, применять против них полицию и армию в случае забастовок, находиться под угрозой банкротства в случае экономического кризиса и т. д. Гораздо выгоднее предоставить, скажем, царской России или какой-либо балканской стране (Сербии или Румынии) крупный заем и затем спокойно получить с их правительств проценты — „стричь купоны”.

Такая многолетняя практика мирового ростовщичества породила во французском обществе конца XIX — начала XX в. даже целую социальную прослойку „рантье” — держателей ценных бумаг (облигаций), ибо необходимую сумму для заграничного займа государство брало преимущественно не из подвалов Парижского банка, а собирало, как правило, с мелких держателей облигаций — „рантье”, покупавших „купоны”

этих займов. До первой мировой войны среди мелкой французской буржуазии выработался даже особый стереотип „делания денег“. До 40—50 лет работа в лавке, накопительство, затем продажа своего „дела“ приказчику или более молодому конкуренту и вкладывание всей выручки в „русские ценные бумаги“, с тем чтобы до конца дней своих „стричь купоны“, нигде не работая и живя в свое удовольствие.

Однако такой, по выражению В. И. Ленина, паразитарный экономический характер французского империализма был чреват для Франции тяжелыми последствиями. Главным здесь было то, что международное ростовщичество могло сравнительно успешно функционировать в условиях „мирной“ эксплуатации стран-должников. С обострением межимпериалистических противоречий и началом борьбы великих держав за передел колоний и „сфер влияния“ возникла угроза нарушения статус-кво, разразилась первая мировая война, а вместе с ней — невиданное ранее обострение классово-борьбы и национальных конфликтов.

Великая Октябрьская социалистическая революция свергла прежние эксплуататорские классы царской России и Временное правительство, а Республика Советов отказалась платить их долги. В итоге французский империализм после 1917 г. лишился около $\frac{1}{4}$ своих прежних капиталовложений за границей, приходившихся на бывшую Российскую империю. Это вызвало массовое разорение мелких „рантье“, держателей небольших пакетов ценных бумаг по „русским займам“, и в известной мере объясняет довольно высокую волну антисоветских настроений среди части мелкой буржуазии Франции 20-х годов, так же как и превращение Парижа в основной центр белой эмиграции на Западе.

Еще больший удар по оставшимся ростовщическим позициям нанесли вторая мировая война и последовавшие за ней революционные изменения, окончательно похоронившие прежние финансовые претензии французского империализма: возникновение в Восточной и Юго-Восточной Европе целого ряда стран, вставших на путь демократического и социалистического развития, привело к потере Францией прежних финансово-ростовщических позиций в таких странах, как Польша, Чехословакия, Румыния, Югославия и др.

Начавшийся после второй мировой войны распад мировой системы колониализма, победа в 1949 г. китайской революции, начало в 1946 г. революции во Вьетнаме в еще большей степени усугубили экономические и финансовые трудности французского капитализма. Положение осложнялось тем, что прежняя

стабильность франка как мировой валюты канула в прошлое: с 1928 по 1958 г. он девальвировался (обесценивался) 15 раз.

После второй мировой войны со всей очевидностью проявился и другой порок ростовщического характера французского империализма: низкий (по сравнению с другими развитыми странами Запада) уровень промышленного развития и как следствие этого слабые экспортные возможности в конкурентной борьбе с соперниками на международных рынках сбыта.

Было бы неверно утверждать, что до второй мировой войны французская промышленность не развивалась совсем. Франция и пятьдесят лет назад располагала крупными промышленными предприятиями, такими, как металлургические заводы в Эльзасе и Лотарингии, крупнейшие в Европе автомобильные заводы братьев Рено, значительной оборонной промышленностью и т. д.

Однако основную прибыль все же давал не экспорт промышленных изделий (автомобили, паровозы, вагоны, станки и т. д.), а вывоз ссудного капитала (займы). Развитие современной промышленности осложнялось отсутствием в стране целого ряда жизненно важного промышленного сырья — нефти, природного газа, меди, молибдена и т. д. Все это приходилось либо привозить из своих колоний (но далеко не во всех из них были обнаружены эти полезные ископаемые, например нефть), либо покупать в других странах, а огромные расходы по импорту сырья необходимо было покрывать за счет дивидендов от зарубежных займов.

Сказывалась и отсталая с точки зрения современной капиталистической рентабельности структура французской промышленности. Она более чем наполовину была представлена карликовыми (с числом рабочих до 5 человек), по существу, ремесленными предприятиями-мастерскими, производившими всего понемногу, главным образом на внутренний рынок. 70 лет назад в таких мастерских работала половина всех рабочих Франции. (В настоящее время положение полностью изменилось: ныне только 10% рабочих занято в мастерских, остальные 90% — на крупных предприятиях.)

70 лет назад в индустриальном экспорте Франции ведущее место занимали не изделия промышленности группы „А” (средства производства), а товары промышленности группы „Б” (текстиль, готовое платье, обувь, парфюмерия, вина и т. д.). Традиционно высокая культура производства, мастерство французских модельеров, „законодательный диктат” Парижа

в модах и т. п. — все это обеспечивало надежный сбыт таких товаров на внутреннем и внешнем рынках.

В целях ограждения своей национальной промышленности сначала от английской, а затем от германской промышленной конкуренции французский финансово-ростовщический капитализм долгие годы, начиная с наполеоновской континентальной блокады 1806—1813 гг., проводил политику жесткого протекционизма, защищая внутренний рынок высокими заградительными пошлинами от иностранных товаров. Фактически это означало политику промышленной автаркии (самообеспечения), поскольку основная прибыль шла не от индустрии, а от ссудного капитала, дававшего огромные ростовщические доходы. Неудивительно, что за последние 40 лет нашего века удельный вес Франции в промышленном производстве капиталистического мира неуклонно снижался — с 7% в 1913 г. до 6,4% в 1929 г. и 4,6% в 1948 г.

Вторая мировая война и подъем национально-освободительного движения во французских колониях полностью подорвали прежние паразитарные основы „процветания” французского империализма. Нужно было в самые сжатые сроки менять характер былого могущества, перестраивать экономическую базу, догонять уходящие вперед другие капиталистические промышленно развитые страны.

Три концепции возможного выхода: „атлантисты”, колониалисты и „дирижисты”. В первые послевоенные годы в правящих кругах Франции складываются три различные концепции о выходе из этой кризисной экономической ситуации, осложненной к тому же ослаблением политических позиций французского империализма в результате дискредитации части правящего класса страны, запятнавшего себя сотрудничеством с нацистами и марионеточным „режимом Виши” маршала Ф. Петена.

В основу *первой*, так называемой атлантической концепции легла идея тесного экономического, политического и военного союза с США путем получения американской финансовой „помощи”, займов, кредитов, создания смешанных франко-американских промышленных компаний и т. д. Иными словами, не рассчитывая больше на свои собственные силы и пренебрегая внутренними ресурсами страны (а именно на них предлагали в первую очередь опереться министры-коммунисты, входившие в 1944—1947 гг. в первые послевоенные правительства Франции), определенная часть правящих кругов и крупной буржуазии — приверженцев этой идеи — готова была укрепить свои узкоклассовые позиции даже за счет потери части национального суверенитета и независимости.

В годы IV Республики (1946—1958) французской крупной буржуазии атлантического толка удалось взять верх, а „атлантизм” превратился в официальную доктрину правящих кругов. Результаты этой политики хорошо известны: участие Франции с 1949 г. в агрессивном Североатлантическом военно-политическом союзе (НАТО), американские базы на французской земле, проникновение с 1948 г. по каналам „помощи” в рамках „плана Маршалла” монополий США во французскую экономику и т. д. Идеологическим оформлением первой концепции стали лозунги франко-американской „дружбы”, „атлантической солидарности” перед мнимой „угрозой с Востока”, общности „атлантических цивилизаций”¹ и т. п.

Последствия недальновидной политики „атлантистов” сказываются во Франции до сих пор. Общая сумма иностранных капиталовложений во французскую экономику оценивается сегодня в 20—25 млрд. франков, 50 % из них приходится на транснациональные корпорации (ТНК). Ведущее положение среди этих ТНК занимают монополии США. К концу 60-х годов американский капитал все еще контролировал 500 из 700 иностранных компаний и фирм, официально зарегистрированных в стране. Отметим, что обратный процесс (проникновение в США французского капитала) выглядит пока более чем скромным: к концу 70-х годов французскому капиталу принадлежало всего 45 промышленных предприятий, им контролировалось около 65 средних фирм — чуть больше, чем имеют в США, например, „нефтяные шейхи” Кувейта.

Суть *второй*, колониалистской концепции поисков выхода из послевоенных экономических и финансовых затруднений заключалась в том, чтобы компенсировать потерю заграничных капиталовложений и ссуд в таких странах, как Польша, Чехословакия, Югославия, Китай, Сирия, Ливан и т. д., за счет усиленной промышленной эксплуатации оставшихся за Францией после 1945 г. колоний, главным образом в Африке.

Исторически сложилось так, что французские капиталисты по тем же соображениям ростовщичества не слишком вкладывали свои капиталы в колонии (исключая Алжир), многие годы отводя им роль аграрно-сырьевого придатка метрополии. Сказывалась и относительно слабая миграция французов в колонии сначала королевской, а затем и республиканской Франции. Более или менее компактные группы переселенцев

¹ Надуманность идеологических ширм НАТО видна хотя бы из того, что к числу „атлантических цивилизаций” были отнесены Греция и Турция, географически и исторически имеющие мало общего с Атлантикой.

в XVII—XVIII вв. образовались лишь в канадской провинции Квебек с центром в г. Монреаль, на островах Мартиника, Гваделупа в Атлантическом океане, Новая Каледония (остров многие годы служил местом ссылки и каторги), в Южном Вьетнаме и некоторых других регионах.

В этом отношении колониальная миграция из Франции значительно уступала английской (США, Канада, Австралия, Южная и Юго-Восточная Африка и т. д.). В первом десятилетии — в 20-х годах XIX в. переселение в колонии вообще прекратилось — после наполеоновских войн по решению Венского конгресса 1814—1815 гг. Франция потеряла почти все свои заморские владения и фактически во второй половине XIX — начале XX в. ей пришлось воссоздавать свою колониальную империю как бы заново. Но выезд в новые владения оставался все на том же низком уровне: демографический спад прироста населения в метрополии создавал относительно полную занятость и дома (до середины 60-х годов нашего века во Франции был более низкий уровень безработицы, чем в соседних с ней странах). Поэтому у французов не было большого экономического стимула искать счастья за морями; ехали работать преимущественно на время колониальными чиновниками, учителями, мелкими торговцами, соблазняясь более высоким „тропическим” жалованьем или надеждами на быстрое обогащение за счет туземцев.

Особняком стояли Алжир и в меньшей степени Тунис и Марокко. Географическая близость к метрополии и во многом схожие с южнофранцузскими природно-климатические условия сделали эти три колонии наиболее массовыми районами французской эмиграции, особенно Алжир (до 1962 г. там проживало около 1 млн. 200 тыс. европейского населения — больше, чем в любой другой колонии; во Франции их обычно называли „pieds-noirs” — „черноногие”).

В Алжире раньше, чем в других колониях, возникли значительная горнодобывающая и обрабатывающая промышленность, крупные капиталистические сельскохозяйственные экспортные фермы и т. д. Сахарский „нефтяной бум” начала 50-х годов еще более усугубил аппетиты колониалистских кругов во Франции, полагавших, что „алжеризация” остальных колоний в Африке и Азии и есть тот выход из тупика, куда загнала французский империализм устаревшая стратегия ростовщичества.

Насколько упорны были усилия этой колониалистской группировки правящих кругов Франции, свидетельствуют две кровавые колониальные войны в Индокитае (1946—1954) и в Алжире (1954—1962).

Нежелание проколониалистских кругов признать необратимость исторического процесса национально-освободительной борьбы в конце концов вызвало острый политический кризис во Франции, едва не поставивший страну на грань гражданской войны, приведя к падению парламентарного режима IV Республики.

Сторонники *третьей, д и р и ж и с т с к о й* (от франц. „diriger” — управлять, руководить) концепции — высокообразованные специалисты-технократы из числа крупной послевоенной буржуазии — связывали перестройку экономических позиций французского империализма внутри и вне страны не столько с помощью США (она, по их мнению, была необходима лишь на первом послевоенном, восстановительном этапе, и не так экономически, как политически — против коммунистов и левых антифашистских сил) или промышленной эксплуатацией колоний, сколько с интенсивным развитием внутренних ресурсов Франции, с кардинальным изменением архаической экономической структуры: упор — на крупные предприятия промышленности группы „А”, развитие новейших отраслей — электроники, химии, атомной индустрии и т. д. Традиционный (и более невозможный) экспорт капитала Франция должна была заменить на экспорт высококачественных промышленных товаров (станки, автомобили, самолеты, суда и т. д.). Поэтому следовало отказаться от прежней автаркии, снять заградительные пошлины и активнее выходить на международные рынки. Но чтобы французская экономика не была раздавлена иностранными конкурентами (прежде всего монополиями США), перестройкой и модернизацией промышленности на основе новейших достижений НТР должно заниматься государство. Уже имеющиеся у государства хозяйственные функции (управление национализированными предприятиями, планирование, ценообразование и т. п.) необходимо еще более усилить, особенно в сфере финансирования и кредита.

Поскольку такого рода перестройка была бы ориентирована не только на внутренний рынок, но и на широкие международные связи (экспорт товаров и импорт сырья), ряд „дирижистов” предлагали в определении перспектив французской экономики выйти за рамки национальных государственных границ Франции, создать единый „экономический фронт” некоторых наиболее развитых государств Западной Европы перед лицом торгово-экономической экспансии США (а позднее и Японии) и разработать единую неоколониалистскую стратегию в отношении развивающихся стран, оставшихся основными поставщиками сырья для западноевропейской промышленности.

Так родилась идея создания Европейского экономического сообщества (ЕЭС) — „Общего рынка“, „отцом“ которого считается французский министр финансов и экономики в правительствах IV Республики Робер Шуман.

В этих откровениях французских „дирижистов“ не было ничего нового — на процесс сращивания частного капитала с государственным аппаратом буржуазного общества и образование государственно-монополистического капитализма еще в 1916 г. указывал В. И. Ленин в работе „Империализм, как высшая стадия капитализма“. Усиленные попытки французской буржуазии после второй мировой войны найти выход из тяжелых экономических, финансовых и политических трудностей за счет превращения государства в орган централизованного управления экономикой (и даже социальной жизнью — определение уровня заработной платы, цен, пенсий, страхования и т. д.) лишь подтвердили гениальность ленинского предвидения.

В конце концов после завершения восстановительного периода в 1948—1950 гг., дискредитации „атлантистов“, привязавших Францию к военно-экономической колеснице США, и колониалистов, ввергнувших страну в кровавые и дорогостоящие колониальные авантюры, именно „дирижисты“ одержали верх в борьбе фракций французской крупной буржуазии за методы управления страной. Их триумфом стало создание V Республики в 1958 г.

2. Государство в экономической жизни страны.

Роль и влияние „Общего рынка“

Государство — владелец и совладелец крупных предприятий в ключевых отраслях экономики. Следует подчеркнуть, что процесс статизации (от франц. „état“ — государство) ключевых отраслей французской экономики начался задолго до того, как „дирижисты“ V Республики взяли в свои руки непосредственные рычаги управления государственным аппаратом.

Еще в годы первой мировой войны возник значительный государственный сектор в военной промышленности. В межвоенный период процесс статизации еще более усилился. При правительстве Народного фронта 1936 г. был национализирован ряд новых отраслей военной промышленности (авиация, танкостроение и др.), некоторые угольные шахты, весь железнодорожный транспорт, включая довольно разветвленную сеть частных железных дорог банкирского дома Ротшильдов. Национализация ряда ключевых отраслей экономики и транс-

порта во время Народного фронта была ускорена международной политической обстановкой: угроза фашизма во Франции побуждала часть антинацистских правящих кругов путем установления правительственного контроля не допустить возникновения во французской промышленности экономической „пятой колонны”, связанной с концернами гитлеровской Германии.

Второе крупное вмешательство государства в экономику произошло уже после второй мировой войны в 1945—1947 гг. Это были годы, отмеченные участием в правительстве антифашистских сил (правительственную коалицию образовали тогда голлисты, католики, социалисты и коммунисты). Именно благодаря министрам-коммунистам и министрам-социалистам была проведена тогда национализация ряда больших промышленных предприятий (например, автомобильных заводов братьев Рено, владельцы которых понесли судебное наказание за экономический коллаборационизм с нацистами) и целых отраслей промышленности (угольной, электроэнергетической, газовой, табачно-спичечной и др.). Это сразу выдвинуло государство в разряд главного собственника Франции. Тогда же произошло и юридическое оформление государственного (национализированного) сектора в виде создания „sociétés nationales” — „национальных обществ”, действующих и поныне.

Третье вторжение государства в частную капиталистическую экономику произошло через 35 лет, в 1981—1982 гг., и также было обусловлено правительственной коалицией левых сил (социалисты, левые радикалы, коммунисты). В феврале 1982 г. вступил в силу принятый в декабре 1981 г. Национальным собранием закон (331 депутат „за”, 153 — „против”) о национализации (переходе под полный контроль государства) двух крупнейших финансово-промышленных групп (монополий) Франции — „Париба” и „Суэж”, четырех тесно связанных с ними промышленных ТНК Франции (Сен-Гобен, Рои-Пуленк, Пешине-Южин Кюльманн, Томсон-Брандт) и 36 французских частных банков.

Третья национализация 1981—1982 гг. увеличила долю государственного сектора в промышленности страны с 12 до 17 %, а в сфере финансирования и кредита — до 95 %. Сегодня французское государство — самый крупный собственник в стране. Ныне на государственных предприятиях работают более 4 млн. рабочих и служащих из почти 22 млн. самостоятельного (взрослого) населения страны.

Однако роль государства в экономике не ограничилась обладанием полной собственностью в национализированном

секторе. Особенностью французского варианта государственно-монополистического капитализма стал процесс сращивания государственной и частной собственности при активном (в отличие от США или ФРГ) вмешательстве правительства в хозяйственную деятельность таких смешанных предприятий.

Этот процесс также начался в первые послевоенные годы. Целый ряд частных компаний и отдельных предпринимателей, разорившихся в годы войны и не имевших капиталов на восстановление, охотно откликнулись на предложение правительства либо выкупить их предприятия (так случилось с „Компанией морского транспорта”, которой угрожала конфискация за долги), либо „войти в долю”. Последний вариант получил наиболее широкое распространение, причем настолько, что сегодня во Франции практически нет ни одной отрасли промышленности группы „А”, морского, воздушного и наземного транспорта, индустриального и жилищного строительства, где бы государство не имело „своей доли”.

Возник даже специальный термин — „национальное общество смешанной экономики” — *société nationale mixte*. Таких компаний во много раз больше, чем полностью национализированных: только в 1975 г. их насчитывалось более 2 тыс., причем 150 — крупнейших.

Национализация 1981—1982 гг. ускорила процесс дальнейшего сращивания государственного и частного секторов. Вступивший в силу в феврале 1982 г. закон о национализации предусматривает выплату долгов металлургических трестов „Сасилор” („*Sacilor*”) и „Юзинор” („*Usinor*”) и постепенный переход их под контроль государства. Аналогичным образом левое правительство решило к середине 80-х годов выкупить 51 % акций (контрольный пакет) двух военно-промышленных компаний — „Дассо” („*Dassault*” — военные самолеты и вертолеты) и „Матра” („*Matra*” — военное вооружение, издательства, газеты), с тем чтобы постепенно превратить их полностью в национализированные. В случае реализации этого плана государственный сектор увеличился бы в промышленном производстве группы „А” с 17 до 32 %, т. е. французская экономика стала бы на $\frac{1}{3}$ национализированной и в ней могло бы трудиться до 23 % всех рабочих и служащих страны.

Таким образом, в результате третьей национализации французское государство стало крупнейшим собственником страны; по числу национализированных или контролируемых промышленных предприятий (более 3,5 тыс.) Франция до 1986 г. занимала первое место в капиталистическом мире.

Государственное финансирование и кредит. И все же определяющая роль государственного вмешательства в экономику и социальную жизнь страны проявляется не столько через национализированные и смешанные предприятия (хотя они играют огромную роль, так как занимают ключевые позиции в хозяйстве страны, — не случайно оба типа предприятий во Франции все чаще объединяют одним понятием „государственный сектор“), сколько через систему государственного финансирования и кредита.

В первые послевоенные годы в области финансов произошли те же процессы, что и в промышленности. Целый ряд частных финансовых гигантов, таких как „Банк де Франс“, субсидировавший еще Наполеона Бонапарта, „Креди Лионэ“, „Сосьете женераль“, „Национальный банк торговли в промышленности“ и другие, полностью подпали под контроль государства и были национализированы. Над остальными финансовыми группами государство установило надзор через Национальный кредитный совет и Комиссию по контролю над банками².

Обладание рядом крупных банков и контроль государства над другими финансовыми учреждениями страны позволили правительству через разветвленную сеть кредитных заведений (страховые компании, сберкассы, общества взаимного кредита и т. п.) еще до третьей национализации контролировать половину всех капиталовложений в экономику. Национализация 1981—1982 гг. увеличила роль государства в кредитно-финансовых операциях до 95 %.

Именно по каналам государственно-монополистического финансирования происходит процесс перекачки средств из традиционных отраслей (например, текстильной, обувной и т. п.) в новейшие — химическую, автомобильную, электротехническую, авиационную и другие, причем при предоставлении субсидий преимущество отдается крупным государственным или смешанным предприятиям³.

Определяющая роль государства в финансировании проявляется при распределении бюджета страны. Поскольку в

² Национальный кредитный совет и Комиссия имеют специальный аппарат ревизоров-бухгалтеров, контролирующих почти все банки страны. Исключение сделано лишь для девяти так называемых семейных банков (Ротшильдов, Лазаров, Вормсов и др.), а также мелких банков с годовым балансом до 5 тыс. фр.

³ Например, в 1966 г. 85 % всех субсидий за год получили три „национальных общества“ — железных дорог Франции, парижского траиспорта и национальная угольная компания.

послевоенной Франции прежние ростовщические дивиденды исчезли, львиную долю денежных поступлений дают прямые (подходный) и косвенные (на проезд в общественном транспорте, табак, алкогольные напитки, на акт купли-продажи и т. д.) налоги.

Капиталистическое программирование экономики и социальных отношений. Характерной чертой французского варианта государственно-монополистического капитализма является стремление вмешиваться в хозяйственные процессы не только государственного, но и частного сектора, ориентируя всю экономику на достижение определенных целей.

Эта ориентация проходит в рамках общегосударственного долгосрочного экономического программирования. В этом отношении Франция является единственной крупной развитой капиталистической страной Запада, где с 1947 г. развитие экономической и социальной жизни страны происходит в рамках четырех- или пятилетних планов (таких планов, например, в США или ФРГ нет).

Особенностью французского государственно-монополистического экономического программирования на первых порах (до 1958 г.) являлся его необязательный характер для частного сектора. В сущности, первые три плана (1947—1961) были лишь программой развития государственного сектора, поскольку и до сих пор юридически рекомендации планов обязательны только для национальных и смешанных (но с преобладанием государственного капитала) компаний. Однако по мере усиления доли государства в экономике и финансах страны положение частного сектора стало меняться: если „частник” хочет выжить, он должен считаться с национальным программированием, иначе его фирма не получит кредитов, сырья, электроэнергии, различных льгот и т. д.

Для осуществления такой задачи всеобъемлющей ориентации народного хозяйства (каждый план имел какую-нибудь главную идею: первый 1947—1953 гг. — модернизацию национального сектора, второй 1954—1957 гг. — повышение качества товаров и снижение себестоимости и т. д.) во Франции с 1946 г. действуют специальные плановые органы.

Главным из них является Генеральный комитет по планированию при правительстве. Комитет действует в тесном контакте с промышленными, сельскохозяйственными, социальными и другими министерствами и ведомствами. Из последних дополнительные функции по

планированию несут Генеральное управление цен и Генеральная инспекция финансов.

Для регулирования трудовых отношений между рабочим и работодателем (частным или государственным) также существуют специальные правительственные органы. Так, контроль за соблюдением трудовых договоров о найме осуществляет Высшая комиссия по коллективным договорам. Рабочий и служащий — „salarie” — могут опротестовать увольнение (обычно это делается через профсоюзы) в суде, профсоюз может также подать иск в суд на целую фирму в случае несоблюдения коллективного договора (плохие условия труда, злоупотребление системой сверхурочных часов и др.), и далеко не всегда такие процессы выигрывают капиталисты, как это имело место в XIX в.

В 1982 г. для координации социально-экономической деятельности в сильно разросшейся национализированной сфере был создан еще один орган — Высший совет государственного сектора экономики, формируемый на паритетных началах из парламентариев, представителей крупнейших профсоюзов и административных советов национализированных компаний.

При всех недостатках такого государственно-монополистического программирования, которое оказывается бессильным перед кризисными явлениями в капиталистической системе, следует отметить, что оно все же оказывает существенное воздействие на экономические и социальные сферы жизни во Франции, являясь весьма сильным инструментом в руках правящих кругов.

Франция и „Общий рынок” (ЕЭС — СЕЕ). Огромное воздействие на структурные изменения в экономике и дальнейшую монополизацию капитала оказало участие Франции в Европейском экономическом сообществе („Общем рынке”). Договор о его создании был подписан 25 марта 1957 г. в Риме шестью государствами Западной Европы.

Первоначально, в 50-х годах, идею объединения экономического потенциала ряда западноевропейских стран в противовес лагерю социализма активно поддерживали монополии и правящие круги США, рассматривавшие ЕЭС как своеобразный „атлантический филиал” американского сверхрынка так называемых Объединенных штатов мира. Именно поэтому США одобрили создание в 1951 г. и первой „копии” ЕЭС: межевропейского отраслевого объединения шести стран (Франции, ФРГ, Италии и Бенилюкса) — Европейского объединения угля и стали, — и более тесного объединения на этой первоначальной

базе — „Общего рынка”. Стратегам американского империализма вначале казалось, что едва вышедшие из послевоенной разрухи и находившиеся на финансовой дотации „плана Маршалла” западноевропейские страны, создав таможенный союз о взаимосбыте товаров (отсюда и ходячее название ЕЭС — „Общий рынок”), все равно не обойдутся без поддержки крупнейшей капиталистической державы.

Кроме того, те же стратеги считали, что в условиях „холодной войны” 40-х — начала 50-х годов главная проблема — военная, и не случайно созданию ЕЭС вначале предшествовала попытка милитаристских кругов США создать „европейское оборонительное сообщество” в составе тех же стран будущего „Общего рынка” как военный филиал агрессивного блока НАТО⁴.

Недооценка экономических и торговых возможностей нового объединения нагляднее всего проявилась в позиции английских правящих кругов. Англия вначале отвергла идею вхождения в „Общий рынок” и в противовес „шестерке” в 1960 г. создала свое торговое объединение из семи стран — Европейскую ассоциацию свободной торговли — ЕАСТ (Великобритания, Швеция, Норвегия, Дания, Швейцария, Австрия и Португалия). Западная Европа оказалась разделенной на „шестерку” и „семерку”, между которыми в начале 60-х годов разгорелась острая конкурентная борьба.

В этой борьбе „Общий рынок” одержал убедительную победу: темпы прироста промышленной продукции в ЕЭС оказались на 50 % выше, чем в ЕАСТ, за десять лет (1960—1970) доля „Общего рынка” в мировом капиталистическом экспорте выросла с 26 до 32 %, а доля „ассоциации” упала с 16,5 до 15 %. В результате ЕАСТ развалилась, а ее участницы одна за другой стали стучаться в двери ЕЭС.

Пример подала сама Англия. С 1967 г. английское правительство все настойчивее домогалось вступления страны в ЕЭС, и в 1970 г. его усилия увенчались успехом. После двухлетнего „испытательного срока” с 1 января 1973 г. Англия и еще два государства — Дания и Ирландия — были приняты в „полные члены” ЕЭС, превратившегося таким образом из

⁴ Попытка провалилась в связи с тем, что французский парламент в 1954 г. не ратифицировал договор о создании единой „европейской армии”, где главенствовал бы западногерманский бундесвер.

„шестерки” в „девятку”⁵, а в 80-х годах, после вступления Греции, Португалии и Испании, — в „дюжину”⁶⁻⁷.

Воздействие „Общего рынка” прежде всего сказалось на французской внутренней торговле. К середине 70-х годов до 75 % товаров в „парижском ГУМе” — „Галери Лафайет” — являлись иностранными, привезенными из стран — партнеров Франции по ЕЭС. Итальянские холодильники и стиральные машины, западногерманские радиоприемники, голландская мебель — все это сегодня широко представлено в крупных американизированных (с открытым доступом к товарам) супермаркетах — универсальных магазинах, широко торгующих европейскими изделиями.

Следует, правда, отметить, что несмотря на политику „выравнивания цен”, одни и те же товары стоят в разных странах ЕЭС по-разному. Западногерманский транзистор, например, стоит на 50 % дороже в Париже, нежели в Гамбурге. Жители пограничных районов Франции (Лотарингия, Эльзас) предпочитают поэтому покупать радиотовары в ФРГ. Наоборот, немцы из ФРГ, пользуясь безвизным въездом и выездом в ЕЭС, едут за мясом, сахаром, кофе во Францию — здесь они несколько дешевле, чем в Западной Германии.

Важную роль в промышленном развитии страны играют также тесные связи между финансовыми группами и концернами Франции и ФРГ в рамках „Общего рынка”. Во Франции образовался даже целый „промышленный треугольник” Париж — Лилль — Страсбург, где возникла серия смешанных франко-западногерманских, а также франко-бельгийских, франко-голландских и других „европейских” предприятий.

Вместе с тем франко-западногерманские экономические отношения в ЕЭС характеризуются не столько сотрудничеством, сколько скрытой конкуренцией. Это „соревнование” идет с переменным успехом: с 1962 г. (год заключения двустороннего соглашения в рамках ЕЭС, так называемой оси Париж — Бонн) и до 1974 г. Франция опережала ФРГ по основным показателям промышленного роста, хотя и уступала Бонну по общему индустриальному потенциалу. Но с середины 70-х годов после начала энергетического кризиса ситуация изменилась — вперед вырвалась ФРГ. В 1975—1980 гг. промышленное

⁵ Заявку на вступление в ЕЭС подало и правительство Норвегии, но норвежский народ не одобрил на референдуме вступление страны в „малую Европу трестов”.

⁶⁻⁷ На очереди — прием в ЕЭС Турции.

производство ФРГ выросло на 19%, в Франции — только на 16%, капиталовложения — соответственно на 25 и на 8%. ФРГ по-прежнему опережает Францию в сфере внешней торговли (французский экспорт с 1960 г. не превышает 57,5% экспорта ФРГ).

Экономический кризис середины 70-х годов оказал на Францию значительно большее воздействие, нежели на ФРГ. За 1975—1980 гг. в ФРГ цены выросли на 22%, а во Франции — на 64,5% и продолжают расти. Уровень безработицы в ФРГ на 1,5% ниже, чем во Франции. Этот разрыв в 80-х годах не только сохраняется, но и заметно увеличивается, т. е. ФРГ еще больше обгоняет Францию в рамках ЕЭС.

Наибольшее влияние „Общий рынок” оказал на сельское хозяйство Франции. Участие в ЕЭС ускорило процесс концентрации и специализации. Многие крестьянские хозяйства разоряются. На смену им приходят крупные капиталистические фирмы, причем зачастую сельскохозяйственные монополии прямо вмешиваются в организацию производства (выращивание риса в Лотарингии, в дельте р. Рона и других районах).

Крупные оптовые фирмы взяли под свой контроль не только сбыт, но и поставку полуфабрикатов. Мелким и средним крестьянам они доставляют корм, яйца или цыплят, а затем забирают готовую продукцию. Сейчас таким образом во Франции производится до $\frac{1}{3}$ битой птицы.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на существующие внутри „Общего рынка” экономические противоречия и далеко не редкие таможенные „войны” („винные”, „селедочные”, „мясные” и т. п. — споры из-за квот на продажу внутри рынка отдельных членов ЕЭС), общая тенденция вела за последние тридцать лет не только к экономической, но и к политической (Европейский парламент в Страсбурге, „европейские” гимн и флаг), и культурно-бытовой интеграции 12 членов ЕЭС. Впрочем, его все чаще называют уже не „экономическим”, а просто „Европейским сообществом” — *Communauté européenne*. Для граждан „Сообщества” не нужны въездные визы в страны — члены „Сообщества” (в аэропортах для них существуют особые входы), в некоторых странах введены даже единые „европейские” удостоверения личности, где в графе „национальность” вместо традиционных „француз”, „бельгиец”, „датчанин” и т. д. стоит — „европеец”. Недавно все страны — участницы „Сообщества” подписали соглашение о еще большей интеграции его членов: с 1 января 1993 г. окончательно упраздняются не только таможенные, но и государственные границы, признаются дипломы о высшем образовании и сертификаты о

профтехобразовании, планируется введение „европейских” денег и т. д.

Интеграция национальной экономики в мировое капиталистическое хозяйство. Жизнеспособность участия Франции в ЕЭС отразила общее усложнение хозяйственной жизни современного мира. В эпоху бурного развития НТР крупное специализированное производство перерастает географические границы национальных рынков как для монополистических объединений, так и для отдельных государств. Автаркия (самообеспечение) с ее традиционным протекционизмом уходит в прошлое. Новые отрасли промышленности требуют огромных капиталовложений, которые под силу поднять лишь небольшим межнациональным крупнейшим государственно-монополистическим группам.

Возникновение целого ряда „европейских” проектов (строительство энергосистемы ЕЭС, нефтепровода Марсель — Страсбург — ФРГ, реконструкция Мозельского канала, строительство железнодорожного тоннеля под Ла-Маншем к концу 90-х годов и др.) также обусловлено тем, что одна страна не в состоянии их осуществить. То же самое касается ассигнований на современные научные исследования (электроника, космос, атомная энергетика и т. д.), которые даже отдельные государства ЕЭС типа Дании или Люксембурга не могут финансировать в одиночку.

В рамках ЕЭС его участникам к началу 80-х годов удалось наладить известное программирование развития экономики и ее специализацию по странам. Так, сегодня Франция специализируется на экспорте малолитражных автомобилей, женской одежды, обуви, белья; ФРГ — грузовиков, мужской одежды; Италия — дешевых легковых автомашин, холодильников, летней одежды, шляп; Голландия — мебели; Бельгия — электротехники, стали, ковров и т. д.

Под флагом капиталистической рентабельности идет и размещение производительных сил (закрытие угольных шахт в Бельгии, как „нерентабельных”, и расширение добычи угля в Италии), создание общего рынка рабочей силы (юридически любой гражданин страны — участницы ЕЭС без паспортных формальностей может жить и работать в любой стране ЕЭС).

„Правительство” ЕЭС (Комиссия европейского сообщества с резиденцией в Брюсселе) определяет квоты на экспорт промышленной и сельскохозяйственной продукции внутри „Общего рынка” и за его пределами. В рамках Европейского фонда валютного сотрудничества происходит девальвация и ревальвация национальных валют.

В 70-х годах правящие круги Франции, стремясь выйти из внутриэкономических трудностей, активизировали свою внешнеэкономическую политику за пределами ЕЭС. Наряду с заключением долгосрочных соглашений со странами — участницами СЭВ (прежде всего с СССР) правительство стало поощрять проникновение французских государственных и частных фирм в развивающиеся страны Африки, Азии и Латинской Америки. Целый ряд национализированных фирм („Рон-Пуленк“, „Пешине-Южин Кюльманн“, „Сен-Гобен“ и др.) открыли свои филиалы (заводы, фабрики) за границей, куда переместили из Франции от 40 до 70 % своих капиталовложений (дешевое сырье и рабочая сила). Так, в 1974 г. „Сен-Гобен“ сократила объем производства во Франции на 23 %, уволила 12 тыс. работников, но расширила производство за границей на 40 %.

Под патронажем правительства в 70-х годах был заключен ряд крупных контрактов на строительство метрополитена в некоторых крупных городах мира (например, в столице Венесуэлы г. Каракас), крупных строительных комплексов (Саудовская Аравия, Берег Слоновой Кости и др.), плотин (Пакистан). В результате промышленный экспорт Франции за десятилетие (1973—1983) вырос с 4,6 % до более чем 25 %.

В промышленном экспорте Франции все большую долю занимает экспорт обычного вооружения. С 1970 г. Франция находится на втором месте (после США) в капиталистическом мире по поставкам оружия: они составляют по стоимости около 20 % промышленного экспорта страны.

Еще одним источником поступления валюты является изготовление оружия в самой Франции по заказам из-за границы. Так, в 1975 г. таких заказов поступило на 30 млрд. фр., причем до 50 % приходилось на авиационную промышленность. Если готовое оружие покупают главным образом развивающиеся страны (Ливия, Египет и др.), то заказывают его на французских оружейных заводах преимущественно малые промышленно развитые капиталистические страны Западной Европы и ряд стран Латинской Америки ($\frac{2}{3}$ всех заказов).

Интеграция экономики Франции в ЕЭС и мировую хозяйственную систему капитализма поставила целый ряд препятствий на пути традиционных социал-демократических экспериментов „социального партнерства“. Если ранее, в период Народного фронта середины 30-х годов и даже политики „третьей силы“ 1947—1956 гг., французские социалисты могли экспериментировать внутри национальных границ, опасаясь лишь политического давления Германии, США или НАТО, то отныне им приходится считаться с уровнем индустриального развития

ЕЭС и еще шире — промышленной „семерки” ведущих капиталистических стран.

Именно эти обширные экономические связи Франции делали все экономические и социальные мероприятия левого правительства в 1981 — 1986 гг. весьма чувствительными к колебаниям международной конъюнктуры в экономике и финансах. Не случайно закон о национализации 1982 г. не затронул иностранные фирмы в самой Франции и вынудил президента Ф. Миттерана заявить, что кроме объявленной в предвыборной программе Социалистической партией на президентских выборах 1981 г. национализации 11 французских промышленных групп никакой другой национализации левое правительство проводить не будет.

Таким образом, за последние 50 лет во французской экономике произошли качественные изменения. На смену прежнему финансово-ростовщическому капитализму пришел современный промышленный капитализм с довольно высокой степенью концентрации и значительной ролью государства в определении программ развития страны. Выравнивание экономической структуры сделало Францию более равноправным партнером в ЕЭС, хотя и не сняло межимпериалистических противоречий этой замкнутой экономической группировки. Как писал один из французских журналов по политэкономии, экономика Франции приобрела наконец те черты, которые делают ее „более похожей на немецкий, японский или американский образцы”.

3. Социальные сдвиги в классовой структуре

За сорок послевоенных лет в социальной структуре французского общества произошли глубокие сдвиги. Некогда классическая страна мелкособственнического крестьянства, мелкой торгово-ремесленной буржуазии и „рантье”, сегодня Франция изменила свою социальную физиономию. Конечно, основное деление французского общества на три класса — буржуазию, крестьянство и рабочий класс — сохранилось. Но внутри этих классов, особенно у крестьянства и буржуазии, произошли качественные сдвиги. Кроме того, для Франции, где всегда была многочисленная прослойка промежуточных слоев, характерна тенденция ее резкого количественного роста, причем преимущественно как лиц наемного труда (служащие).

Буржуазия. Общей чертой класса буржуазии является обладание собственностью и эксплуатация наемного труда. Но количество этой собственности и число эксплуатируемых далеко не одинаково. Поэтому во французской буржуазии

следует различать крупную, среднюю и самую многочисленную — мелкую.

Крупной буржуазии⁸ принадлежит реальная экономическая и политическая власть во Франции. Вместе с тем по времени возникновения и сферам приложения капитала крупная буржуазия обычно делится на три основные группировки.

Старые **финансовые династии** наиболее известны и во Франции, и за рубежом. Традиционно именно с ними связывается представление о „двухстах семействах”⁹, которые руководят страной. Это банки Ротшильдов, Лазаров, Вормсов и другие (всего около девяти). Обычно их финансовые группы имеют особый статут „семейных банков”, они редко публикуют данные о вложенных капиталах и вообще стараются не афишировать свою деятельность. Остановимся на двух из них — Ротшильдов и Лазаров.

Семейство Ротшильдов вкладывает капиталы в традиционную для них банковско-кредитную сферу (страховые компании, поскольку сегодня страхование во Франции стало практически всеобъемлющим — страхуют детей, квартиры, личные автомашины и т. д.). Деньги Ротшильдов вложены в жилищное и промышленное строительство, морской транспорт, цветную металлургию (медь, никель). Кроме того, Ротшильды — самые крупные „помещики” Франции: им принадлежит около 8 тыс. га земли.

Банк Ротшильдов всегда имел широкие заграничные связи, прежде всего с английской ветвью „клана Ротшильдов” в Западной Европе, затем в Бельгии. Крупные вложения (в морской транспорт, железные дороги) сделаны банком в бывших африканских колониях Франции.

Необходимо отметить, что Ротшильды, как и другая „семейная группа” — Лазары, сумели довольно быстро приспособиться к новым послевоенным условиям функционирования французского империализма и умело интегрировались в финансово-промышленную систему ЕЭС. Уже в 1958 г. банк Ротшильдов устанавливает связи с бельгийскими, итальянскими, западногерманскими и голландскими финансовыми группами „Общего рынка”, образовав единый фонд капиталовложений.

⁸ По переписи 1968 г. она составляла около 3 % самодеятельного населения страны.

⁹ Термин „двести семейств” возник в конце XIX в. и происходил от количества акционеров Парижского банка. В число его совладельцев допускались лишь те, кто имел не менее 1 млн. фр. наличного капитала. Таковых тогда было около 200 человек.

Еще более тесные заграничные финансово-экономические связи имеет банк Лазаров, особенно с финансовой группой Моргана в США. Лазаров иногда называют „доверенными лицами” американского банкирского дома Моргана во Франции. Связь их банков имеет исторические корни: банк Лазаров первоначально возник в Америке и лишь в 1858 г. переехал в Париж. Как и Ротшильды, Лазары вкладывают деньги в строительство, морской транспорт, а также в авиационную промышленность и автомобилестроение.

И все же, несмотря на приспособляемость к новым условиям, „семейные банки” Ротшильдов и Лазаров уже не обладают былым могуществом.

Промышленная олигархия образует вторую группировку, действующую главным образом в промышленности. Эта группировка менее персонифицирована и более подвержена процессу концентрации, нежели „семейные банки”. Однако и здесь можно выделить несколько известных имен, чьи фамилии стояли или стоят на этикетках товаров легкой промышленности или клейме тяжелого оборудования, военной техники.

В промышленности группы „А” (тяжелая промышленность) многие десятилетия действовали два старых семейства: *де Вейлей* (группа „Сасилор”) и *Шнейдер – Крезо* (группа „Юзинор”). Первые являлись металлургическими магнатами (до 40 % продукции черной металлургии Франции), вторые до недавнего времени объединяли около 20 компаний с 50 тыс. рабочих по добыче железной руды и цветных металлов, электронике, строительству, производству обычного вооружения (в первую и вторую мировые войны во французской армии были хорошо известны пушки „Шнейдер – Крезо”). Шнейдеры имели также широкие международные связи как в странах ЕЭС, так и в Новом Свете (США, Канаде, Бразилии).

Давление „Общего рынка” на эти две старейшие промышленные олигархии привело к тому, что они не выдержали конкурентной борьбы с более мощными фирмами ФРГ. В металлургической промышленности Франции (главным образом в традиционном промышленном регионе Эльзасе и Лотарингии) начался застой: закрывались сталелитейные заводы, гасли доменные, началось массовое увольнение рабочих и служащих. Финансово-промышленные группы „Сасилор” и „Юзинор” задолжали государственным банкам огромные суммы и оказались на грани банкротства. Закон 1981 г. о национализации постановил: выплатить все долги „Сасилор” и „Юзинор” при условии их полной национализации к середине 80-х годов.

Таким образом, некогда могущественные „семейные фирмы” де Вейлей и Шнейдер — Крезю к 80-м годам обанкротились и перешли в собственность национализированного сектора страны.

В послевоенные годы приобрел большую известность концерн молодого энергичного предпринимателя *Марселя Дассо* с его авиационными заводами под Парижем и Тулузой, главными поставщиками известного французского реактивного военного самолета „Мираж”. Подъем концерна М. Дассо связан с обильными военными заказами правительства в связи с реализацией военных программ перевооружения французской армии современным обычным и ракетно-ядерным оружием, начатой еще в 1959 г. генералом де Голлем¹⁰.

М. Дассо принимал активное участие во французском экспорте обычного вооружения (самолеты, стрелковое оружие, боеприпасы и т. д.). По согласованию с правительством концерн М. Дассо продавал готовые военные самолеты на Арабский Восток (Ливия, Египет и др.), а также строил их во Франции по заказам малых капиталистических стран Западной Европы и некоторых стран Латинской Америки (в 1975 г. таких заказов было на 15 млрд. фр., большая их часть досталась Дассо).

Быстрый рост финансовой группы М. Дассо (помимо военной она действовала в пищевой промышленности, владела компаниями по продаже домов, земельных участков и другой недвижимости) объяснялся также тесными связями главы группы с голлистами (М. Дассо являлся членом голлистской партии Объединение французского народа — ОПР, был депутатом парламента от этой партии и т. д.).

Наряду с концерном Дассо в области производства оружия активно действовала промышленная группа „Матра”, имевшая капиталовложения также и в других экономических сферах, например в полиграфии, где группе принадлежало крупнейшее издательство страны „Ашетт”.

Экономический кризис и острая конкурентная борьба на международных рынках побудили владельцев концернов Дассо и Матра искать защиты у государства путем создания смешанных частногосударственных компаний. В 1981 г., после

¹⁰ С 1959 по 1980 г. действовали четыре долгосрочные программы перевооружения, на реализацию которых ежегодно шло до 17 % бюджета страны. За это время французская армия оснастилась атомным и термоядерным оружием, сверхзвуковыми бомбардировщиками „Мираж IV” с атомными бомбами на борту, атомными подводными лодками, баллистическими и тактическими ракетами и т. д.

прихода к власти левого правительства, Дассо и руководители фирмы „Матра” сами предложили в течение 80-х годов передать под контроль правительства их многочисленные заводы во Франции и за границей. Еще в октябре 1981 г. Дассо продал 26 % своих акций государству. Тогда же концерн Дассо и группа „Матра” подписали соглашение о постепенном увеличении доли государства в акционерном капитале до 51 %.

В промышленности группы „Б” во Франции обычно были известны многие годы только две фамилии — текстильного магната *Марселя Буссака* (50 % всех хлопчатобумажных изделий во Франции) и „шерстяного короля” *Жака Пруво*, возглавлявшего группу текстильных фабрикантов Северо-Восточной Франции ($\frac{1}{3}$ всех шерстяных изделий страны).

Особенно типичной для французского бизнеса была фигура М. Буссака. Сын крупного оптового торговца текстильными изделиями, он нажился еще в 20-х годах на перепродаже оставшегося неиспользованным военного имущества (брзента, парашютного шелка и т. д.). Вырученные деньги Буссак пустил в оборот, создав целую „текстильную империю” (65 хлопчатобумажных фабрик в Вогезах, Эльзасе, Нормандии и Центральном французском массиве с 11 тыс. рабочих и служащих). В межвоенные годы Буссак активно „играл в политику”, назначая и смещая целые правительства. После второй мировой войны от прямого участия в политической жизни он отошел, но косвенное влияние сохранил. Он приобрел крайне правую газету „Орор” и два спортивных журнала. Затем в „империю Буссака” перешла всемирно известная фирма мод „Кристиан Диор”. Буссак скупал землю, доходные жилые дома в Париже, купил ипподром под Парижем, в Сен-Клу, держал лучшую во Франции конюшню скаковых лошадей, конкурируя с Ротшильдами, имел личный самолет, автомашину марки „Роллс-ройс” по спецзаказу — словом, Буссак с 1909 до 1978 г., т. е. почти 70 лет, олицетворял типичного преуспевающего французского капиталиста старого образца („все принадлежит лично мне”).

Но в 1978 г. наступил крах. Оказалось, что 90-летний глава „империи” — банкрот, задолжал различным кредиторам около 800 млн. фр. и пытался переложить эти долги на 11 тыс. рабочих и служащих своих фабрик, не платя им зарплату. Это вызвало крупные социальные выступления. Правительство Раймона Барра вынуждено было вмешаться, и „империя” Буссака в августе 1978 г. была продана за долги более молодым „текстильным королям” — *братьям Вийо*. Теперь они сосредоточили в своих руках более половины хлопчатобумажных фабрик Фран-

ции с оборотным капиталом более 3 млрд. фр. Но у Буссака остались „Кристиан Диор”, „Орор”, доходные дома, ипподром и т. д.

Сегодня главную роль в рядах крупной французской буржуазии играет государственная технократия. Эта третья и самая многочисленная группировка (435 тыс. к концу 70-х годов) фактически срослась с высшими эшелонами государственного аппарата. Во Франции ее обычно называют сокращенно П.-ДЖ — P.-DG, а официальная статистика зачисляет ее в разряд „высших административных кадров”. Как правило, это люди послевоенного поколения, из высших слоев „бомонда”, получившие высшее специальное образование в одной из „больших школ” (вузов) — *les grandes écoles* Франции.

Крах таких старых финансовых и промышленных империй, как „Париба”, Буссак, де Вейли, Шнейдер — Крезо и другие, отражает продолжающийся процесс окончательного вытеснения ростовщического французского капитала с его „непредпринимательской” психологией, боязнью риска, вкладыванием капитала в „верное дело” и т. д.

Уход „столпов” старого капитализма типа Марселя Буссака — это больше, чем смена поколений „капитанов индустрии”. Это необратимый процесс огосударствления капитала, переход главных финансовых и экономических рычагов власти во Франции в руки новой технократической элиты или „новой” буржуазии страны, которая формируется уже на другой основе. Если Буссак, Пруво и другие „выбились в люди” имея минимальное образование, зачастую в одиночку, благодаря природному уму и волчьей изворотливости, то нынешние П.-ДЖ получают прежде всего солидное высшее образование в одной из „больших школ” и завершают образование в трехгодичной Национальной школе администрации — ЭНА — ENA.

Обычно после этого П.-ДЖ, используя родственные и вузовские связи, довольно быстро получают место либо в государственном аппарате (начальник департамента в министерстве, советник в посольстве, секретарь канцелярии министра и т. д.), либо в государственном, смешанном или частном секторе с перспективой вскоре стать президентом компании, генеральным директором фирмы, членом наблюдательного совета банка и т. п.

Формально многие из них не являются обладателями крупной частной собственности, и это обстоятельство позволяет некоторым апологетам неокapитализма утверждать, что П.-ДЖ — всего лишь „служащие” у государства. Но все вместе эти

„служащие” получают такое жалование и обладают такими национальными богатствами, которые и не снились Ротшильдам.

Именно среди П.-ДЖ находятся убежденные дирижисты и практические проводники политики „согласованной экономики”. Они же образуют партийный костяк и руководящую элиту буржуазных партий ¹¹.

Средняя буржуазия. Некогда, в годы III Республики (1875—1940), средняя буржуазия была основным поставщиком политических деятелей Франции, поскольку финансово-промышленные магнаты до поры до времени предпочитали управлять страной через „приказчиков”. Многие видные политики Франции второй половины XIX в. — первых сорока лет XX в. вышли из среды средних предпринимателей или торговцев средней руки. Долгие годы средняя буржуазия имела довольно прочные позиции в экономике — в промышленности и внутренней оптовой торговле ¹². Еще в 1959 г. только в электротехнической отрасли, например, было 1785 таких средних предприятий. Сегодня положение кардинально изменилось.

Ликвидация в начале 60-х годов системы высоких заградительных пошлин, некогда надежно защищавшей средних предпринимателей, положила начало процессу поглощения средних предприятий. Чаще всего такое поглощение имеет своеобразную форму: будучи не в состоянии выдержать конкуренцию, средний предприниматель заключает контракт с крупной фирмой о субподряде. Например, гигантская национализированная автомобильная фирма „Режи Рено”, занятая массовым серийным выпуском машин, не желает возиться с мелкими индивидуальными заказами или прихотями покупателей (навесить дополнительные фары, перекрасить машину в два-три цвета и т. д.). Эти заказы „Рено” направляют с субподрядные средние и мелкие частные мастерские, в необходимых случаях предоставляя материал.

Точно так же крупные страховые компании, не желая создавать собственную сеть ремонтных мастерских, заключают соглашения с владельцами средних и мелких мастерских и направляют застрахованные, но поврежденные личные машины владельцев именно туда.

¹¹ В начале 70-х годов усилился приток П.-ДЖ в Социалистическую партию из „кузницы” высших кадров — ЭНА, где до 12 % слушателей сегодня — социалисты.

¹² По французским понятиям владелец мастерской с числом рабочих более 5 человек относится к средним предпринимателям.

Однако велико число и „чистых” банкротств, особенно в периоды экономических спадов. Так, в результате энергетического кризиса 1973—1974 гг., вызванного повышением в 1973 г. продажной цены нефти в 4 раза арабскими странами-экспортерами, только в 1974 г. во Франции разорилось около 12 тыс. средних предприятий — на 27 % больше, чем в 1973 г.

Более устойчиво положение средней буржуазии во внутренней торговле, куда государство непосредственно не вмешивается, предпочитая оказывать косвенное влияние через систему кредитов. Поэтому в оптовой торговле, как и в промышленности, идет тот же процесс концентрации, поощряемый правительством. Генеральный комиссариат по планированию в каждый план развития „закладывает” цифру в 5—7 %, на которую за очередное пятилетие должно сократиться число средних и мелких торговых точек.

Растет сеть крупных универсальных магазинов типа „Монопри” или „Призюник” (универсамы „Единая цена”, где товары и продукты на 5—6 % дешевле, чем у мелкого лавочника), предпочитающих обходиться без оптовика и непосредственно закупающих продукты у крестьян.

Мелкая буржуазия представляет самую многочисленную категорию французской буржуазии. В конце 70-х годов мелкособственническая буржуазия насчитывала около 2 млн. человек, или примерно 10 % всего самостоятельного населения страны. Основная масса мелких буржуа — м е л к и е т о р г о в ц ы (BOF) — является владельцами разного рода торговых заведений (магазинчиков, кафе-„бистро”, ресторанчиков — в середине 60-х годов около 630 тыс.). Сфера французского обслуживания на 90 % представлена такого рода небольшими частными предприятиями, особенно в сельской местности (около 200 тыс. мелких частных магазинчиков).

Одна из причин такого обилия мелкой розничной торговли — историческая традиция максимально приблизить товар к потребителю. Несколько маленьких специализированных магазинчиков (мясные, овощные, хлебобулочные) и кафе-„бистро” — обязательный атрибут городского квартала в любом городе Франции. Сами эти торговцы ничего не производят, и их прибыль — это торговая наценка на приближение продукта к потребителю.

Значительную группу мелкой французской буржуазии образуют р е м е с л е н н и к и (в конце 70-х годов около 800 тыс.). Как правило, это владельцы мелких мастерских, ателье, парикмахерских с массажными кабинетами и т. д. с

1—3 наемными рабочими, нередко из числа иммигрантов ¹³. Высокая культура производства, работа по индивидуальным заказам (обувь, одежда, мебель и т. п.), готовность принять заказ в любое время дня и ночи и выполнить его в максимально короткие сроки — все это позволяет ремесленнику хотя и с трудом, но выживать в конкурентной борьбе. Мелкая буржуазия экономит на всем, в том числе и на зарплате наемного рабочего (она обычно на 15—20 % ниже, чем на крупном промышленном предприятии). Как и средний предприниматель, мелкий ремесленник сегодня все чаще вступает в субподрядные, договорные отношения с крупными фирмами (сырье, станки, оплата электроэнергии за счет фирмы). К началу 80-х годов до $\frac{1}{3}$ французских ремесленников — владельцев мелких мастерских — работали на крупные фирмы.

В капиталистическом обществе мелкая буржуазия всегда занимала промежуточное положение между крупным капиталом и пролетариатом. Владельцы мелких предприятий наиболее подвержены процессу разорения. Сегодня они полностью зависят от крупных оптовых торговцев или капиталистических компаний, больших торговых домов готовой одежды и обуви и от государства, которое диктует цены и продает сырье, определяет налог на прибыль и регулирует трудовые отношения с наемными работниками. Как и в других развитых капиталистических странах, во Франции существует специальный налог на прибыль — *TVA*. Но для крупных монополистических и национализированных фирм (до реформы налогообложения левым правительством в 1981—1983 гг.) *TVA* составляла около 11 %, а для мелких и средних — свыше 17 % ¹⁴. В то же время крупным фирмам государственные банки дают краткосрочные кредиты на развитие производства исходя из 10 % годовых, а мелким ремесленным — из 15 % годовых.

Поэтому во Франции ежегодно исчезают 40—45 тыс. мелких торговых и промышленных предприятий, а их бывшие владельцы пополняют ряды рабочих и служащих. С 1954 по 1972 г. в стране таким образом разорились 200 тыс. мелких

¹³ Нередко такой мальчик-иммигрант лет 14—15 на побегушках. Но хозяин обязан предоставить ему жилье, обязательно направить в школу и следить за его учебой (если его родители живут в другом городе). За всем этим следит специальная инспекция по несовершеннолетним.

¹⁴ Следует подчеркнуть, что классовый характер налога на крупные состояния во Франции проявляется наиболее наглядно — он один из самых низких в капиталистическом мире (для сравнения: в США он равен 15 % от совокупного дохода за год, в Великобритании — 17 %).

лавочников, т. е. розничную торговлю оставлял один из четырех мелких торговцев и владельцев небольших кафе.

Чтобы выжить в этих условиях, мелкий хозяйчик увеличивает продолжительность работы магазина или кафе, экономит на найме (до 70 % мелких французских предприятий в торговле и сервисе — это „семейные заведения” без наемных работников; типичная схема такого „семейного бизнеса” — отец за стойкой бара, мать — у кассы, дочь — официантка), вступает в субподрядные отношения с государством („национальное общество” по строительству и эксплуатации автострад сдает мелким буржуа в аренду придорожные кафе, мотели, бензозаправочные станции и т. д.). Не случайно доход основной массы мелких буржуа ненамного выше зарплаты квалифицированного рабочего или среднеоплачиваемого служащего. Нивелировка в имущественном положении все более приводит к сближению экономических интересов тысяч мелких хозяйчиков с рабочими и служащими, ибо у всех у них один общий противник — государство и крупный капитал.

Крестьянство. За послевоенные годы самые глубокие изменения произошли во французской деревне. 70 лет назад в сельской местности проживало более половины населения страны. Еще 30 лет назад, в 1946 г., в деревнях жило 34 % французов. Сейчас там осталось менее 7 %, т. е. деревню покидал каждый второй фермер. Только за период с 1954 по 1968 г. из сельской местности в крупные города переселились 1,5 млн. человек. Согласно правительственным экономическим прогнозам, к 1990 г. во французской деревне будут жить лишь 5—6 % самостоятельного населения, или столько же, сколько сейчас живет в деревнях ФРГ.

Тенденция к уходу из деревни является общей для развитых капиталистических стран Западной Европы (Франция, Италия, Испания). Во Франции и Италии она, кроме того, искусственно ускоряется участием в „Общем рынке”, где Франция, как отмечалось выше, является главным экспортером сельскохозяйственной продукции. Больше всего товарную экспортную продукцию дают крупные фермерские (кулацкие) хозяйства (20—50 га каждое) и капиталистические сельскохозяйственные предприятия (от 50 га и выше). К началу 70-х годов именно они (около 500 тыс. хозяйств) давали 70 % всей сельскохозяйственной продукции и применяли более половины всей наемной рабочей силы (батраков, среди которых значительную часть занимали сезонные рабочие-иммигранты — африканцы, португальцы, испанцы и др.).

Остальные 62 % крестьянских хозяйств с наделом от 5 до 20 га попадают в разряд малоимущих или вовсе нерентабель-

ных с точки зрения капиталистической экономики и, по мнению „дирижистов” V Республики, обречены на „исчезновение”. Действительно, под влиянием капиталистической концентрации и жестокой конкуренции быстрыми темпами идет разорение традиционных мелких крестьянских хозяйств — семейных ферм (не применяющих наемного труда), так хорошо известных по классической французской литературе XIX в. Только за 15 лет (1955—1970) число мельчайших хозяйств (до 5 га) сократилось в 2,5 раза, с 800 до 360 тыс., а мелких (5—10 га) — с 477 до 270 тыс.

Процесс разорения „нерентабельных” хозяйств целенаправленно поощряется режимом V Республики. Еще в 1960 г. был принят закон „О сельскохозяйственной ориентации”, где официально объявлялось о намерении правительства оказывать поддержку только „рентабельным” (кулацким) хозяйствам и через 15—20 лет оставить в деревне не более 10 % самостоятельного населения страны.

С 1960 г. во Франции действуют специальные государственные или полугосударственные органы по кардинальной перестройке структуры сельского хозяйства и переводу его целиком на рельсы крупного капиталистического хозяйствования („Фонд ориентации и регулирования сельхозрынков”, „Фонд социальных мероприятий по урегулированию аграрной структуры” и др.).

Поставленная правящими кругами Франции в 1960 г. задача была к началу 80-х годов не только выполнена, но и перевыполнена (не 10, а 9 % крестьян). Это ставит перед французскими коммунистами, как и перед коммунистическими партиями других развитых капиталистических стран, проблему поисков новых союзников в классовой борьбе трудящихся против современного государственно-монополистического капитализма (в Англии сегодня в сельском хозяйстве занято всего 3 % населения, в США — 5 %, в Бельгии — 2,5 %).

Рабочий класс. Самой большой социальной категорией современной Франции является рабочий класс. Рабочих сегодня в шесть раз больше, чем крестьян, и в семь раз больше чем мелких буржуа (более 14 млн. человек, или 66 % самостоятельного населения).

Рабочий класс непрерывно пополняется за счет разоряющегося мелкого крестьянства, обычно идущего в отрасли, которые требуют большого физического труда (угольные шахты, земляные работы в строительстве и т. д.). Они образуют первую, самую низшую по квалификации группу чернорабочих (manœuvres — по-франц.), которые по переписи 1982 г. вместе с учениками-рабочими составляли значительную прослойку — 1,7 млн., или 20 % — всего рабочего класса Франции.

По мере дальнейшей специализации промышленного производства и введения на крупных заводах конвейеров по сборке автомашин, самолетов, тракторов, телевизоров, радиоаппаратуры и т. д. резко возросла численность рабочих низкой квалификации — специализированных рабочих (от франц. *les ouvriers spécialisés* — OS), выполняющих у конвейера одни и те же простейшие операции. К началу 80-х годов OS составляли 30 % промышленного пролетариата страны (около 2,6 млн. человек).

Рабочие транспорта, торговли, сферы обслуживания составляют еще одну профессиональную категорию, которая очень быстро растет (около 6 млн. человек). Характерно, что при уменьшении числа „частников” на транспорте (в Париже, например, с частником успешно конкурирует более мощная городская муниципальная компания такси), в торговле и обслуживании число наемных рабочих и служащих неуклонно увеличивается (подсобники-рабочие и продавцы в магазинах, персонал отелей, пансионатов и т. д.).

Самым зримым проявлением влияния „Общего рынка” на социальную и национальную структуру рабочего класса современной Франции стало присутствие в стране большой массы иностранных рабочих — рабочих-иммигрантов.

...Человек, впервые попадающий в Париж, первое время теряется — на каком языке здесь говорят? Дежурные по этажу в гостинице обмениваются репликами по-испански, белье в номере меняют португальские девушки, кофе в баре продают молодые итальянские парни. На соседней улице, где идут дорожные работы, гортанно перекликаются по-арабски смуглые рабочие — марокканцы или алжирцы... А на соседней стройке слышится славянская речь югославы.

Уже отмечалось, что Римский договор 1957 г. предусматривал свободную миграцию (перемещение) рабочей силы шести стран — участниц ЕЭС. Мыслилось, что западные немцы в случае экономической необходимости смогут работать во Франции, итальянцы — в ФРГ, бельгийцы — в Голландии и т. д. Делалось это прежде всего в интересах межнациональных супермонопольей „Общего рынка”, стремившихся обеспечить себе постоянный рынок труда, который не зависел бы от забастовочной борьбы в той или иной стране ЕЭС.

Однако неравномерности капиталистического развития стран ЕЭС вскоре привели к тому, что миграция иностранных рабочих пошла сначала только в одном направлении — преимущественно во Францию и ФРГ. Главным резервом дешевой рабочей силы для Франции в 60-х — начале 70-х годов стал Юг Италии (более 612 тыс. в 1972 г.) и бывшие французские ко-

лонии — арабские (Алжир — 608 тыс., Марокко — 143 тыс., Тунис — 90 тыс.) и африканские (Сенегал, Мавритания, Мали и др. — около 70 тыс.). К последней категории следует добавить чернорабочих-иммигрантов из „Заморской Франции” — остатков колониальной империи (о-ва Мартиника, Гваделупа, Реюньон и др. — 120–150 тыс. в 1972 г.). Крупным источником дешевой рабочей силы были до середины 70-х годов франкистская Испания (около 600 тыс.) и салазарско-казтановская Португалия (480 тыс.). К настоящему времени четыре национальные группы — испанцы, итальянцы, португальцы и алжирцы — составляют более половины (2,3 млн.) всех рабочих-иммигрантов Франции (4,5 млн. человек).

Для страны с относительно небольшой долей самостоятельного населения (около 23 млн. человек в 1988 г.) дополнительные 4,5 млн. пар рабочих рук образуют весьма внушительный трудовой резерв — более 20 % всей рабочей силы страны.

Интеллигенция, ИТР, служащие. „Маргинальный” рабочий класс (сезонники). Некогда прослойка лиц со средним и высшим образованием, занимающая промежуточное между буржуазией и рабочим классом положение, была относительно невелика. Она была представлена основными категориями — служащими государственных, муниципальных и частных учреждений (министерств, ведомств, коммунальных служб, банков, управленческий персонал заводов и фабрик и т. д. — по французской терминологии — *le cadre*) и лицами свободных профессий (адвокаты, врачи, художники, писатели, профессора, журналисты и т. п.), т. е. теми, кого сегодня все чаще на русский манер называют во Франции „интеллигенцией”.

Части служащих, имевших диплом о высшем и среднем специальном образовании¹⁵, занимавших относительно не-

¹⁵ Французская система образования сложилась в прошлом веке и в наши дни подвергается постоянной критике; в последние 20 лет были проведены реформы: К. Фуше — в 1965–1966 гг., Э. Форэ — в 1968–1974 гг., П. Аби — в 1975–1980 гг. Главный объект критики в высшей школе — социальная сегрегация студентов (в 1967 г. дети рабочих и крестьян составляли всего 10–12 %) и содержание образования (в 1967 г. в университетах 56 % студентов — гуманитарии, только 23 % — естественно-научной специализации). Сложна и запутанна система поступления: в университеты — без экзаменов, по записи; в „большие школы” — институты — до полутора десятков вступительных, устных и письменных, экзаменов. Обучение делится на „циклы”; в зависимости от того, сколько „циклов” кончил студент университета (к 1987 г. — более 70 университетов в стране), он получает диплом 3-й (DEUG), 2-й (licence) или 1-й (DESS) степени. Кроме того, есть еще диплом 4-й степени (DUT), который дают „университетские технологические институты” — IUT.

большой удельный вес в самодеятельном населении страны (в 1906 г. было всего 8 % таких „кадров”), крупный капитал создавал привилегированные экономические условия (более высокое по сравнению с рабочими жалование, доплаты за выслугу лет, персональные пенсии). В еще более привилегированных условиях находились лица свободных профессий (интеллигенция). Университетский диплом или диплом одной из „больших школ” автоматически означал высокий „буржуазный” уровень жизни. Адвокатская контора, мастерская художника, частный кабинет (или даже частная клиника) врача, кафедра профессора — словом, „свое дело” обеспечивало „лицам свободных профессий” известную независимость материального положения.

Сегодня для подавляющего большинства служащих („кадров”) и интеллигенции положение полностью изменилось. Развитие ИТР расширило доступ к среднему и высшему инженерно-техническому образованию, превратив прежние редкие специальности в массовые. На смену интеллигенту-гуманитарию, типичному для периода финансово-ростовщического капитализма, пришел интеллигент-инженер. В современной Франции уже далеко не каждый интеллигент имеет „свое дело”. Массовой фигурой стал специалист, работающий по найму, за зарплату, в государственном или частном секторе.

И сейчас в стране есть лица свободных профессий (140 тыс. по переписи 1968 г.). Но даже официальная статистика, как правило, не выделяет их в особую категорию, а объединяет с высшим управленческим персоналом (П.-ДЖ).

Во французской интеллигенции доминирующее положение заняли инженерно-технические кадры. Число ИТР быстро растет: в 1968 г. их было около 1,5 млн. человек, а к концу 70-х годов эта цифра уже удвоилась¹⁶. Конечно, такому числу „кадров” крупный капитал уже не может обеспечить прежний высокий уровень жизни. Так, если еще в 1950 г. разрыв в зарплате ИТР и квалифицированного французского рабочего составлял 16 % в пользу инженера или техника, то ныне — всего 4—6 %. Таким образом, различие в экономическом положении низшего и среднего звена ИТР и рабочих не так уж велико, особенно в государственном секторе. Общий процесс — нивелировка уровня жизни подавляющего большинства ИТР и рабочих и сближение их экономических интересов.

¹⁶ В профессиональном составе ИТР Франции сохраняется пропорция 1 : 2, т. е. на одного инженера в среднем приходится два техника.

Эта тенденция еще более типична для конторских служащих или, как их еще называют на Западе, „белых воротничков”. Классический французский чиновник уходит в прошлое. На смену ему пришел служащий, который теперь только по характеру труда (за конторкой, а не у конвейера) отличается от рабочего. Гигантское увеличение управленческого труда, бюрократизация руководства, рост сферы услуг и т. д. — все это привело к огромному количественному росту служащих (более 3 млн. человек). „Белые воротнички” вместе с ИТР уже заняли по количеству (5,6 млн. человек) второе, после рабочих, место в социальной структуре Франции, более чем вдвое превысив численность крестьян-собственников.

Количество перешло в качество. Подавляющее большинство мелких служащих в государственном и муниципальном аппарате, а также в сфере обслуживания сегодня получают жалованье на уровне зарплаты квалифицированного рабочего, а служащие-женщины — даже меньше на 10—15 %¹⁷.

Чтобы как-то свести концы с концами в семье, многие служащие (как правило, их жены и взрослые дети-студенты) вынуждены подрабатывать на сезонных работах у крупных фермеров в сельском хозяйстве (уборка овощей и фруктов), в сфере обслуживания (ночной портье в гостинице, ночной сторож на складе), в качестве приходящей няни в состоятельных семьях (девушки-студентки), в качестве таксистов (на частную машину ставится счетчик, платится государственный налог *ТВА*, а за рулем обычно неработающая жена служащего или ИТР, которая развозит клиентов, пока дети в школе), посудомоек и официанток в обеденное время и т. д. Эту категорию работающих на повременной оплате (2—6 часов в день) за пределами официального штата во Франции обычно называют **м а р г и н а л ь н ы м** (от франц. „en marge” — на полях, за пределом листа) **р а б о ч и м** **к л а с с о м**. В данном случае понятие „класс” носит условный характер. Основную массу этих сезонников образуют замужние неработающие в штате женщины с детьми из семей мелких служащих и учащаяся молодежь.

С началом экономического кризиса середины 70-х годов маргинальный рабочий класс сильно возрос и к 1981 г. (3 млн.

¹⁷ Следует отметить что у рабочих есть такая форма приработка, как сверхурочные часы (*les heures auxillières*), оплачиваемые по повышенным ставкам и поощряемые администрацией предприятий, поскольку это дает экономию фонда заработной платы (один работает за двоих, но получает не две, а 1,5 зарплаты).

человек) почти сравнялся с иностранными рабочими-иммигрантами. Предприниматели и кулаки (*les gros paysans*) и здесь увидели дополнительный источник извлечения прибыли, ибо сезонникам платят на 25–30 % меньше, чем штатным рабочим и служащим, и не отчисляют на них положенные 10 % в государственный фонд социального обеспечения.

Однако наличие большого числа „маргинальных” рабочих дает властям возможность оспаривать статистику профсоюзов о числе безработных в стране: профсоюзы зачисляют в безработные и „маргиналов”, а официальная статистика заносит их в число полубезработных, работающих неполный рабочий день (хотя пособие по безработице таким „маргиналам” не выплачивается, так как оно дается только „чисто” безработным, т. е. не имеющим никакого приработка).

Система социального обеспечения и страхования — экономическая платформа солидарности „сalarье”. Социальные сдвиги в положении рабочего класса и крестьянства, различных прослоек (интеллигенция, служащие и их резерв — учащаяся молодежь) имели своим главным результатом выравнивание экономического положения подавляющего большинства трудящихся, из которых ныне 82 % — это лица, работающие по найму, за заработную плату (45 % — рабочие и 27 % — служащие). Поэтому во Франции все чаще этих наемных рабочих, служащих и интеллигенцию объединяют под общим экономическим понятием „сalarье” (от фр. „*le salaire*” — зарплата).

Общность экономических интересов „сalarье” определяется сегодня рядом факторов. Во-первых, они не имеют других источников доходов, кроме продажи своих рабочих рук или „серого вещества” (умственной энергии и знаний у „кадров” и интеллигенции), получая лишь заработную плату, уровень которой определяется государством. Во-вторых, для всех „сalarье” обязательным становится участие в государственной системе социального обеспечения и страхования, которая все более приобретает характер общей экономической платформы трудящихся, ибо по ее каналам идет перераспределение бюджета страны на социальные нужды.

Введение общенациональной системы социального обеспечения и страхования, которая сегодня охватывает до 90 % населения (что отличает Францию от других развитых капиталистических стран типа США, ФРГ, или Швеции, где соцобеспечение идет по каналам профсоюзов), явилось прямым результатом борьбы пролетариата Франции, в данном случае отстаивавшего интересы всех работающих по найму.

Система соцобеспечения и страхования Франции включает следующие составные компоненты: **SMIC** (гарантированный минимум зарплаты), **ACE** и **ASSEDIC** (пособия по безработице), **indemnité journalière** (пособия по болезни, частично оплачиваемые больным — **tickets modérateurs**), **AF** (семейные пособия при рождении ребенка и на детей), **AL** (жилищное пособие), пенсии по старости и инвалидности и др.¹⁸

Поскольку система социального обеспечения и страхования во Франции в силу ее государственного характера стала всеобъемлющей, в ее сохранении и увеличении выплат по соцстраху заинтересованы практически все трудящиеся, ибо это существенное подспорье к заработной плате и даже к доходам мелкого буржуа. Не случайно в забастовках, направленных на расширение этой системы, участвуют теперь все „саларье”. Выравнивание заработной платы, одинаковые пособия по соцстраху для „саларье” и нивелировка доходов мелкого частного собственника, которые, как правило, не превышают доходов квалифицированного рабочего или низшего служащего, в 70–80-х годах привели к сближению уровня и стиля жизни подавляющего большинства французов (личные автомашины, телевизоры, покупка товаров в кредит, оплачиваемый пятидневный отпуск, потребление массовой культуры и т. д.).

На эту тенденцию еще в конце 60-х годов указал известный леворадикальный социолог А. Турзн. Хотя буржуазная пропаганда сильно преувеличивает это экономическое и духовное сближение, утверждая, подобно правому журналу „Экспресс” (1983), что „население Франции превращается в огромный средний класс”, сама по себе эта тенденция к превращению прежде различных социальных прослоек и классов в некое „среднее состояние” является сегодня преобладающей не только во Франции, но и в других странах ЕЭС, а также в США и в Японии.

Именно опираясь на общность экономических и духовных интересов „саларье”, мелких крестьян, средних городских слоев в борьбе против крупного капитала, за сохранение государственной системы пособий, Французская коммунистическая партия (ФКП) еще в 70-х годах выдвинула программу создания „союза народа Франции”, цель которого — социализм.

¹⁸ Подробнее расшифровку этих сокращений и их смысловое содержание см в конце пособия — в „Кратком словаре-справочнике”.

РАЗДЕЛ 2

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

1. Политические партии

Истоки многопартийной системы. Центризм в политической жизни Франции. Франция издавна считается классическим образцом буржуазной многопартийности. Десятки политических партий и группировок, политических клубов, сотни общественных организаций, профсоюзов, крестьянских ассоциаций и т. д. породили в буржуазной литературе о политической системе во Франции устойчивый предрассудок, что эта многопартийность якобы проистекает чуть ли не от „особого” характера французов с их крайним индивидуализмом, нежеланием подчиняться дисциплине и т. д. Бесспорно, что индивидуализм в личной и общественной жизни много десятилетий культивируется идеологами французской буржуазии, и детям еще в школе путем системы распределения мест за успеваемость в четверти и за способности к наукам (первое, второе, третье и т. д.) стремятся внушить идею — „рассчитывай только на самого себя”. И тем не менее истоки многопартийности следует искать не в индивидуалистской психологии французов, а в особенностях социальной структуры Франции, а также в исторической традиции страны.

Главная причина многопартийности во Франции — пестрота классово-социальной структуры. Отсутствие четких социальных граней между классами, наличие большого числа промежуточных социальных слоев, большой удельный вес мелкой буржуазии города и деревни и широкое распространение мелкобуржуазной идеологии среди „саларье” — служащих и интеллигенции, — а также региональные, возрастные, религиозные особенности — все это, вместе взятое, и питает многопартийную структуру общественной жизни Франции.

Важную роль играет также историческая традиция. Еще во времена Великой французской буржуазной революции в стране возникло множество политических клубов (якобинцев,

кордельеров, фейянов и т. д.), положивших начало многопартийной структуре. В свою очередь, многообразие политических клубов явилось прямым результатом кардинального характера самой Французской революции, которая, как известно, не закончилась компромиссом с дворянством, духовенством или легитимизмом, как, скажем, Английская революция XVII в. (отсюда и истоки английской двухпартийной политической системы), а решительно порвала с феодальным прошлым. Поскольку французской буржуазии пришлось, по существу, заново создавать механизм своего политического господства в противовес дореволюционному абсолютизму, она со временем приспособила режим многопартийности к специфическим условиям развития капитализма во Франции.

Необходимо подчеркнуть, что и многопартийная, и двухпартийная системы являются лишь формами государственно-монополистической буржуазии и не меняют принципиального характера власти — в обоих случаях она остается в руках крупного капитала.

В современной Франции легально существуют и действуют десятки политических партий и группировок. Однако подавляющее большинство из них создают как бы фон многопартийной системы, а в реальной общественно-политической жизни страны действуют всего несколько крупных партий.

За первые годы существования V Республики резко снизилась сфера деятельности традиционных буржуазных, мелкобуржуазных и реформистских партий ввиду заметного сокращения полномочий Национального собрания и значительного уменьшения зависимости правительства от расстановки сил в парламенте. Отсюда наметился и кризис традиционной французской многопартийной системы. В условиях неоспоримого приоритета исполнительной власти (правительства) перед законодательной (парламентом), при решающей роли президента в формировании состава кабинета, назначении высших чиновников государственного аппарата и при законодательном праве приглашать в правительство не лидеров тех или иных политических партий, а так называемых беспартийных специалистов — технократов („без этикетки”, как говорят во Франции) многие старые партии потеряли главный форум своей политической деятельности — парламентскую трибуну. Да и само избрание в парламент отныне вовсе не обязательно открывает дорогу к министерскому креслу, как это было ранее в III и даже IV Республиках. Для нынешних „коридоров власти” старая, проверенная десятилетиями эпохи буржуазного парламентаризма схема: мэр — депутат Национального собрания — министр —

почти заменена другой: учеба в высшей Национальной школе администрации — секретарь личного кабинета министра либо начальник департамента в одном из министерств — министр или государственный секретарь в правительстве.

Если роль парламентской трибуны заметно уменьшилась, то резко возросло значение так называемой внепарламентской борьбы — забастовок, демонстраций протеста, сбора подписей под петициями и т. д. вплоть до баррикадной борьбы (события мая — июня 1968 г.). Однако здесь преимущество имели те партии, которые издавна наладили тесные связи с общественными организациями (профсоюзами, молодежными, женскими и другими ассоциациями).

Питательной средой для центристских настроений издавна была мелкобуржуазная прослойка многочисленных провинциальных маленьких городков и поселков страны, недовольных „гегемонией” парижских политиканов. Жесткая централизация государственного устройства, ограниченные права местного самоуправления (даже по сравнению с другими промышленно развитыми странами, например США или ФРГ), урезанный бюджет „местных коллективов” — все это породило фронду провинциальных буржуазных „нотаблей” (*les notables*), что, однако, не мешало им всеми силами стремиться к месту депутата или креслу министра все в той же „проклинаемой” столице. Отражением этого противодействия провинции стала французская поговорка: „Париж — это не Франция, а Франция — это не Париж”.

Центризм в политической жизни — это не только социальные и региональные различия столицы и провинции. Многие десятилетия он покоился на главном постулате французской буржуазии, что лучшая позиция — это позиция „золотой середины”. Еще во времена Великой французской буржуазной революции конца XVIII в. известная писательница и идеолог умеренного либерализма мадам де Сталь писала: „Чтобы закончить революцию, надо найти центр и общую точку: центр и точка... это собственность, а собственность — это личный интерес”.

В конце XVIII — начале XIX в. либералы искали „золотую середину” между „тиранией” Робеспьера и „военным деспотизмом” Наполеона. В наши дни их духовные последователи, избравшие лозунгом формулу — „ни революции, ни реакции”, искали ту же середину между коммунистами и голлистами или продолжают искать ее между социалистами и неофашистами из Национального фронта Ж.-М. Ле Пэна.

Известный французский социолог и государствовед Морис Дюверже, отмечая живучесть мелкобуржуазных идей „золотой

середины” в политической жизни Франции, в своей работе „Вечное болото: очерк о французском центризме” в середине 60-х годов справедливо писал: „При большинстве режимов — Директории, Первой империи, Июльской монархии, Второй империи, III и IV Республиках во французской политике доминировал центр. Хотя колебания слева направо и обратно имели место, амплитуда их была невелика. Маятник политических часов перемещался в сравнительно узком диапазоне: не между левым и правым флангами вообще, а между левым и правым флангами центра. Центризм является характерной чертой французской политики”.

Устойчивости центризма в немалой степени также способствовали французская избирательная система и характер предвыборных обещаний центристских кандидатов. Поскольку во Франции сегодня нет системы голосования по спискам партий (как, скажем, в ФРГ, когда избиратель голосует за весь список в целом), а кандидат в „нотабли” или в депутаты Национального собрания выступает как бы единолично (хотя за каждым обычно стоит партия или блок партий), большое значение имеют индивидуальные качества претендента и, главное, знание им местных проблем данного избирательного округа. При этом чем ближе к центру от левого или правого политического фланга кандидат, тем охотнее дает он любые обещания, оставляя у рядовой массы сторонников „золотой середины” надежду, что из этих обещаний он все-таки что-то выполнит быстрее, чем одержимые „партийными доктринами” представители крайне левых или крайне правых партий.

И хотя центристские депутаты очень скоро забывали свои предвыборные обещания, вступая в беспринципные парламентские комбинации ради министерского кресла, ставка политиканов на веру провинциального избирателя в „золотую середину” многие десятилетия оправдывала себя.

Именно на этой десятилетиями существующей базе (центризм) с начала 70-х годов во Франции складываются два блока политических сил — коалиции правых партий и партий левой оппозиции.

Партии правой коалиции. В коалицию правых партий входят две партии: Объединение в поддержку республики (ОПР — RPR) и Союз за французскую демократию (СФД — UDF). Удельный политический вес этих двух партий в общественной жизни Франции неравнозначен.

ОПР — старейшая партия V Республики, возникшая одновременно с ее учреждением. До 1974 г. она была главной партией французской буржуазии и пользовалась массовой поддержкой

кой правого и центристского избирателя. ОПР имеет определенную партийную доктрину (голлизм), четко оформленное членство (устав), давно сложившийся и хорошо функционирующий партийный аппарат и активистов в столице и провинции. В этом смысле ОПР — одна из крупных правых партий не только во Франции, но и во всей Западной Европе.

Иное дело СДФ. Она возникла как блок центристских партий и группировок накануне парламентских выборов 1978 г. и, по существу, представляет собой конгломерат трех исходных компонентов ее образования. Новая партия с самого начала не имела четкой партийной доктрины, оформленного членства, активистов, партийной прессы и т. д. Фактически ее партийной платформой стала книга президента Франции В. Жискара д'Эстена „Французская демократия”, вышедшая в 1976 г. и призванная сыграть роль антипода совместной правительственной программы левых сил 1972 г.

RPR (ОПР) — Объединение в поддержку республики — составляет костяк правых партий, относясь к числу так называемых новых партий. Новых не столько по времени создания, сколько по принципу отличия от традиционных аморфных французских партий. У колыбели этой доктрины стоял сам генерал Шарль де Голль, который еще в 1943 г., в разгар движения Сопротивления, определил ее так: Франции необходим такой „...экономический и социальный режим, при котором ни одна монополия, ни одна партийная коалиция не могла бы вмешиваться в дела государства... при котором все богатства страны находились бы в ведении нации или, по крайней мере, контролировались бы ею”.

На практике именно голлисты создали партийную коалицию для контроля над „богатствами страны” в интересах крупного капитала. Но это не мешало им разрабатывать доктрину партии, представляя ее „внеклассовой”, „общенациональной” и т. д. В основе этой доктрины лежали высказывания де Голля, объединенные общей мыслью о необходимости вернуть Франции ее бывшее „величие”. В своих „Военных мемуарах” (1954) он писал: „... Франция лишь в том случае является подлинной Францией, если она стоит в первых рядах, что только великие деяния способны избавить Францию от пагубных последствий индивидуализма, присущего ее народу; что наша страна перед лицом других стран должна стремиться к великим целям и ни перед кем не склоняться, ибо в противном случае она может оказаться в смертельной опасности. Короче говоря, я думаю, что Франция, лишенная величия, перестает быть Францией”.

В программных документах ОНР прямо подчеркивалось: „Партия обладает общим фондом доктринальной мысли, вдохновленным произведениями и действиями генерала де Голля”.

Доктрина „величия Франции” включала два основных аспекта — *внешнеполитический* и *внутриполитический*. Первый теоретически и практически разработал сам де Голль (который формально не является членом ОНР, поскольку как президент он представлял не партийные, а общенациональные интересы, и на съездах партии присутствовал лишь в виде большого портрета над столом президиума). Внешнеполитическая программа ОНР ныне хорошо известна: независимый курс Франции в международных делах, ликвидация военно-политической зависимости от США, активная „восточная политика” — тесные политические, экономические и культурные связи с СССР и странами — участницами СЭВ¹.

Разработка внутриполитического аспекта почти целиком легла на плечи тогдашних руководителей ОНР — теоретиков голлизма Мишеля Дебре, Жака Шабан-Дельмаса, Роже Фрэ и др., а также „левых голлистов” из небольшой партии Демократический союз труда — Рене Капитана, Луи Валлона, профессора Луи Амона.

Особенно много для разработки внутриполитической доктрины голлизма сделал Мишель Дебре, голлист „первого часа” (т. е. примкнувший к де Голлю с момента создания в Лондоне эмигрантского голлистского комитета „Свободная Франция” в 1940 г.), претендовавший на роль первого интерпретатора мыслей де Голля и их идеологическое оформление в виде партийной программы ОНР. Стержнем доктрины М. Дебре являлась идея о сглаживании классовых противоречий французского общества во имя „величия Франции”. В роли примирителя классовой борьбы должно выступить голлистское государство во главе с „арбитром нации” — президентом. „Чтобы существовать в этом трудном мире, — писал М. Дебре в книге „На службе нации” (1963), — нация должна смягчить все то, что является причиной внутреннего раскола, и акцентировать все то, что является фактором союза”.

Сама по себе идея государства — примирителя классов — не была оригинальным изобретением М. Дебре. За много десятилетий до голлистов те же идеи в зародыше можно проследить в политике Наполеона Бонапарта и особенно Наполеона III с его Второй империей 1852—1870 гг. Новым здесь была не

¹ Подробнее см. разд. 4, § 2.

теория, а практика: будучи премьер-министром и министром в голлистских правительствах V Республики, М. Дебре пытался воплотить в жизнь эту партийную доктрину, благо лидеры ОПР с 1959 и до 1976 г. беспрерывно возглавляли правительства Франции.

Поскольку „величие Франции” не может базироваться на одних только лозунгах или дипломатических акциях, а должно быть основано на прочной экономической базе, все французы, независимо от социального положения, по мысли М. Дебре, должны быть заинтересованы в росте благосостояния страны. Но так как отношения между классами строятся в зависимости от уровня доходов (Ротшильд и безработный), необходимо перестроить с помощью государства-арбитра эти неравноправные социальные отношения в самом „низу”, на уровне предпринимателя и рабочего, заинтересовать последнего в росте производительности труда, прибыли, экспорте и т. д., иными словами, превратить рабочего и служащего в экономически заинтересованное лицо. Все это вместе получило название „ассоциация труда и капитала”.

Особенно много об этой „ассоциации” пеклись „левые голлисты”, в своих теоретических трудах немало писавшие о стремлении сочетать голлизм и... социализм, с тем чтобы построить во Франции некое „третье общество” путем „синтеза” положительных сторон капитализма и социализма².

Суть внутривластной доктрины и практики ОПР в 1967 г. четко сформулировал тогдашний премьер-министр и будущий президент страны Жорж Помпиду: „... надо непосредственно заинтересовать трудящихся в развитии предприятий, превратив их в собственников. Нет необходимости превращать их в капиталистов — не в этом задача, не в этом идеал, а надо сделать так, чтобы французская промышленность, французские предприятия стали в конце концов достоянием всех, в том числе и трудящихся, а не собственностью небольшой социальной категории”.

Поскольку ОПР являлась правящей партией, в 1959, 1961 и 1967 гг. были приняты законы, призванные на практике воплотить эту утопическую идею „ассоциации труда и капитала”. Ордонанс (президентский декрет) 1959 г., в частности, предусматривал „повышение заинтересованности рабочих в доходах

² Отличительной особенностью выступлений „левых голлистов” была социальная демагогия Л. Валлон требовал освободить Францию от „капиталистической олигархии”, а Р. Капитан даже более того — „уничтожить капитализм”

предприятий” и в их „социальном выдвижении”. Он давал право администрации поощрять тех, кто повышал производительность труда, материально (денежные премии) и социально (выдвижение на низшие руководящие посты: бригадир, мастер, начальник участка и т. д.). На деле же закон 1959 г. укреплял позиции капитала и ослаблял позиции труда, ибо отстранял от участия в борьбе за права трудящихся профсоюзы и их боевые комитеты предприятий, поскольку договоры об „ассоциации” заключались без привлечения профсоюзного руководства, непосредственно с рядовыми рабочими и служащими.

В связи с тем что крупнейшие профцентры, и прежде всего Всеобщая конфедерация труда, активно выступили против этой попытки голлистов подорвать их позиции, ордонанс 1959 г. успеха не имел. Тогда теоретики и практики ассоциации в двух последующих ордонансах 1961 и 1967 гг. сделали упор на финансовой заинтересованности рабочих и служащих в увеличении прибылей предприятий: им предлагалось покупать по льготной цене акции национализированных и частных предприятий по месту их работы, тем самым „участвовать” в расширении производства; частным же предпринимателям и администраторам государственных предприятий выдавались премии за рост количества „ассоциированных” трудящихся, особые правительственные ссуды, льготы по экспорту и т. д.

Однако из всех этих теоретических и практических экспериментов социального реформизма мало что получилось. К началу майско-июньских классовых боев 1968 г. „ассоциированными” оказалось всего чуть более 1 % рабочих и служащих Франции. Сам же „красный май” 1968 г. до основания подорвал всю голлистскую концепцию сплочения классов во имя высших государственных интересов — „величия Франции” — и в конечном итоге, после проигрыша 27 апреля 1969 г. референдума, вызвал уход с политической арены самого де Голля.

На досрочных выборах в мае 1969 г. Ж. Помпиду был избран президентом Франции. Партия ОНР сохранила высший государственный пост страны в своих руках. Однако теперь предстояло удержать позиции партии без де Голля, а это ставило перед партийными стратегами новые и гораздо более сложные задачи.

В первые три года президентства Помпиду внутривнутриполитическая тактика ОНР была основана на компромиссе между классическим наследием де Голля в области внешней политики и поисками новых путей в политике внутренней. Теоретики ОНР окрестили ее „постголлизмом”. В первом случае, кроме отдельных отклонений (снятие „вето” де Голля на принятие

Англии в „Общий рынок”, нормализация отношений с США и некоторые др.), общее направление было сохранено, причем „восточная политика” была активизирована Ж. Помпиду даже больше, чем при де Голле: за период с октября 1970 г. по март 1974 г. президент Французской республики трижды приезжал в СССР; за тот же период Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев дважды посетил Францию.

Но особое значение приобретала новая тактика ОПР внутри страны. Общее ее направление осталось прежним — укрепить позиции постголлизма без де Голля. Но выбор средств уже был иным. Де Голль хотел, игнорируя сложившуюся политическую и профсоюзную структуры, прямо установить связи с рядовыми избирателями, для чего он пытался создать новые органы самоуправления (региональные советы) в провинции. Провал апрельского референдума 1969 г. показал всю рискованность такого эксперимента, направленного на подрыв власти „нотаблей”. При Помпиду ОПР начало „диалог” с уже давно существующими политическими и профсоюзными формациями, стремясь прежде всего привлечь их на свою сторону, а уже через них — и избирателей этих формаций, не затрагивая в то же время позиций „нотаблей”.

„Политический диалог” был начат с центристскими политическими группировками, лидеры которых были недовольны главным образом лично де Голлем и некоторыми аспектами его внешней и внутренней политики (отказом принять Англию в „Общий рынок”, провести давно назревшую девальвацию франка и др.). В целом эта часть диалога прошла для ОПР успешно. Сразу после избрания Помпиду в правительственную коалицию вернулись „независимые республиканцы”, а их лидер В. Жискард д’Эстен вновь получил пост министра финансов и экономики.

Сложнее проходил „профсоюзный диалог”, имевший гораздо большее значение ввиду возросшей роли „саларье” в социальной структуре страны и их экономических представителей — профсоюзов. Здесь партия ОПР попыталась взять на вооружение старую реформистскую концепцию „социального партнерства”, уже давно эксплуатируемую крупной буржуазией США, Англии и ФРГ, — заключение долгосрочных отраслевых и общенациональных коллективных договоров, по которым хозяин (государственная или частная фирма) обеспечивает работой, улучшает условия труда, привлекает к участию в прибылях, добровольно соглашается на повышение зарплаты в случае инфляции и роста цен и т. п., а профсоюзы следят за производительностью труда и трудовой дисциплиной, совместно

с администрацией решают „миром” назревающие трудовые конфликты, заботятся о социальном и трудовом страховании рабочих и служащих и т. д. и лишь в исключительных обстоятельствах объявляют забастовку. В качестве наглядного примера „социального партнерства” идеологи постголлизма избрали Швецию и Австрию, где эта практика приняла наиболее широкие размеры.

„Профсоюзный диалог” начался с речи нового премьер-министра первого правительства при президентстве Помпиду, одного из старейших деятелей голлистского движения Жака Шабан-Дельмаса в Национальном собрании 16 сентября 1969 г. В традициях голлизма Шабан-Дельмас подал старую идею „социального партнерства” в форме декларации о начале строительства во Франции „нового общества” на основе „социального контракта” (термин, заимствованный из названия работы Жан Жака Руссо „Об общественном договоре”, — „le Contrat social”) между трудом и капиталом, гарантом которого выступило бы государство. Дабы продемонстрировать идею преемственности политики голлизма и постголлизма, строительство этого „нового общества” объявлялось продолжением „третьего пути” де Голля между капитализмом и коммунизмом, созданием, по выражению Шабан-Дельмаса, „подлинного социализма сегодняшнего дня”.

На практике все эти широковещательные декларации преследовали вполне реальную и конкретную цель — обеспечить французской буржуазии временную передышку в классовой борьбе, особенно важную после грандиозных классовых боев мая — июня 1968 г.

Однако новый подъем забастовочной борьбы в начале 70-х годов и подписание летом 1972 г. совместной правительственной программы трех левых партий, кардинально изменившей всю расстановку политических сил во Франции, наглядно показали, что очередная попытка ОНР найти поддержку у массовых политических и профсоюзных сил страны потерпела провал: „классового мира” у „гибкого голлиста” Шабан-Дельмаса, как и у его предшественника — де Голля, явно не получилось.

Все это побудило президента Помпиду окончательно отказаться от социальных голлистских экспериментов, сместить Шабан-Дельмаса с поста премьера в июле 1972 г. и заявить, что отныне он будет опираться не на партийное (ОНР, „независимые республиканцы”, правые центристы), а на президентское большинство, т. е. на всех тех рядовых избирателей, которые голосовали за него в 1969 г. Фактически это заявление

означало, что президент и большая часть старых голлистов больше не верили в способность ОПР отколоть от левых партий основные профсоюзные и общественные организации страны и перестроить классовые отношения во Франции в духе шведского или австрийского „социального партнерства”.

Политическая обстановка кардинально меняется в 1974 г., когда на досрочных президентских выборах, вызванных скоропостижной кончиной 2 апреля 1974 г. Ж. Помпиду, партия ОПР впервые с 1958 г. потеряла важнейший государственный пост президента – им избран был „младший партнер” голлизма В. Жискара д’Эстен.

Ситуация усугубляется кризисом в руководстве ОПР: впервые с 1958 г. „старая гвардия” голлизма оказалась за пределами правительства и высших эшелонов государственного аппарата. В. Жискара д’Эстен взял к себе только молодых голлистов, поддержавших его с первого тура президентских выборов; их лидера Ж. Ширака он назначил премьер-министром своего первого правительства. „Баронов” же голлизма в отместку за выдвигание ими Ж. Шабан-Дельмаса в 1974 г. как соперника на президентских выборах В. Жискара д’Эстен оставляет „за бортом”. Сам состав первого правительства нового президента, в котором молодые голлисты и сторонники Жискара д’Эстена получили примерно равное количество портфелей при наличии „промежуточной группировки” из беспартийных специалистов-технократов, естественно тяготевших к „работодателю” – президенту, впервые превращал ОПР как партию в „младшего партнера” правящей коалиции. Это явно не импонировало „баронам” голлизма, имевшим преимущество перед „независимыми республиканцами” в парламенте по числу депутатских мандатов.

Однако, как отмечал журнал ФКП „Нувель критик”, крупный капитал был по-прежнему заинтересован в сохранении сильной ОПР, но „преобразованной, освобожденной по мере возможности от „отцов-основателей” типа Мишеля Дебре, пополнившей свои ряды за счет нового поколения”. Инициативу „преобразования” взял на себя Ж. Ширак.

Однако начало „преобразования” не обошлось без потерь. Еще в марте 1975 г., будучи несогласной с политикой „молодых волков” (так на партийном жаргоне голлистов называли сторонников Ж. Ширака), из партии вышла небольшая фракция постголлистов во главе с бывшим генеральным секретарем Елисейского дворца и бывшим министром иностранных дел при Ж. Помпиду Мишелем Жобером, образовавшая самостоятельное „Движение демократов”. В ноябре 1976 г. от ОПР

откололась фракция „левых голлистов” во главе с бывшим министром промышленного развития Жаном Шарбоннелем, сформировавших независимую „Федерацию прогрессивных республиканцев”. Их программа оказалась настолько близкой к совместной программе левых сил, что ФКП даже высказала пожелание, чтобы „левые голлисты” вскоре „стали четвертой составной частью союза левых сил”.

И хотя этого не произошло, „прогрессивные республиканцы” (как и „жобертисты”) не пошли на предвыборный блок ни с ОНР, ни с президентским Союзом за французскую демократию, выставив на парламентских выборах 1978 г. самостоятельных кандидатов.

Вместе с тем в целом „преобразование” ОНР Ж. Шираком прошло успешно, особенно после того, как ему удалось укрепить свои личные позиции не только в партийном (председатель ОНР), но и в национальном масштабе: в марте 1977 г. на муниципальных выборах он победил и стал первым после более чем столетнего перерыва мэром Парижа. Этот пост, фактически считающийся во Франции вторым по значению после президента, значительно усилил политические позиции Ширака в партии и открыл ему возможность быть кандидатом ОНР на президентских выборах.

Укрепление личных политических позиций несколько примирило Ж. Ширака со „старой гвардией”, в массе своей оставшейся в рядах ОНР потому, что она не хотела окончательно рвать „пуповину” партии с государственным аппаратом, так как именно последний обеспечивал голлистам власть в стране.

„Обновление” ОНР свелось к расширению социального состава партии за счет средних слоев и молодежи. Ж. Шираку удалось создать в 1975 г. вместо отколовшейся и ушедшей с „жобертистами” старой голлистской молодежной организации „Фронт прогресса” свою — „Молодые голлисты ОНР”. Все эти меры по работе ОНР в средних слоях и среди молодежи позволили увеличить численность „обновленной” партии вдвое — с 250 тыс. в 1974 г. до 500 тыс. к началу 80-х годов.

UDF — С о ю з з а ф р а н ц у з с к у ю д е м о к р а т и ю — вторая по численности партия правительственной коалиции. Созданная буквально накануне парламентских выборов 1978 г. как избирательный блок правоцентристских партий (председатель Жан Леканюз), СДФ сумела заметно продвинуться на выборах и по количеству мандатов в Национальном собрании почти сравнялась с ОНР (137 против 148 у голлистов). Что касается второго правительства Р. Барра, сформированного В. Жискар д’Эстеном сразу после мартовских выборов 1978 г.,

то в нем члены СДФ вместе с „беспартийными специалистами” (к которым относится и сам премьер) образовали абсолютное большинство (25 портфелей) по сравнению с голлистами (10 портфелей).

СДФ во Франции чаще всего называлась „президентской партией”. Действительно, у истоков этой новой политической формации стоял В. Жискара д’Эстен. Начиная с мая 1974 г., сразу после своего избрания на пост президента, он активно стремился создать над „президентским большинством” (голосами избирателей, высказавшихся за него во втором туре) политическую надстройку в виде крупной массовой партии, имеющей свою политическую доктрину, партийный аппарат, прочные связи с общественными организациями. Выдвинувшая его в президенты в 1974 г. „Национальная федерация независимых республиканцев” — в 1966–1974 гг. „младший партнер” ОНР в правительстве — не могла считаться таковой, ибо до мая 1974 г. была, по существу, парламентской фракцией „независимых республиканцев”.

Создание крупной массовой партии в современной Франции — дело чрезвычайно сложное и длительное. Поэтому говорить о том, что СДФ стала хотя бы такой же партией, как ОНР Ж. Ширака, преждевременно. Фактически СДФ все еще остается конгломератом трех ее основных компонентов — „независимых республиканцев”, центристов-католиков и правых радикалов, хотя В. Жискара д’Эстен с середины 70-х годов лично взялся за идеологическое вооружение реально существующего центризма средних слоев („избирательного болота”). Для этого Жискара д’Эстен пренебрег всеми традициями президентов Франции и написал целый трактат. В 1976 г. вышла его книга „Французская демократия” — катехизис нецентризма конца 70-х — начала 80-х годов.

Книга откровенно адресована „среднему французу”. Это видно во всем — от популярного изложения до формата и крупного шрифта (чтобы пенсионеры могли читать без очков). Содержание книги было направлено против совместной программы левых сил. Автора интересовали два основных объекта: социально-экономическая основа современного французского общества и его политическая надстройка, определяемая как „плюралистическая демократия”.

За точку отсчета Жискара д’Эстен берет 1950 год и считает, что за минувшие четверть века в социально-экономической структуре Франции под влиянием научно-технической революции произошли такие кардинальные изменения, что они не поддаются анализу с помощью традиционных концепций, к

числу которых автор относит „классический либерализм” и марксизм.

В отличие от многих буржуазных авторов д’Эстен не отрицает познавательные возможности марксизма и высоко отзывается об учении К. Маркса. Более того, автор считает, что „марксизм помог индустриально развитым обществам на западе Европы лучше понять самих себя, а рабочему классу этих обществ завоевать свои законные права, столь долго непризнаваемые”.

Но все это было хорошо в XIX в., а ныне марксизм, как и буржуазный либерализм с его безудержной конкуренцией миллионов мелких фирм, по мнению В. Жискар д’Эстена, „безнадежно устарел”, поскольку и рабочий класс „не тот”, и буржуазия совсем другая. Какой-либо замены марксизму или либерализму как инструментам познания нового французского общества нет, ибо, как полагает автор, в условиях научно-технической революции всеобъемлющая социально-политическая доктрина и не нужна. Вообще, по мнению Жискар д’Эстена, французам не следует „изобретать велосипед” — он уже есть. Это режим V Республики, который вполне отвечает новым потребностям эпохи, поскольку в состоянии выполнить требования большинства французов. Более того, „французская демократия”, воплощенная, как считает автор, в режиме V Республики, это и есть... социализм, к которому призывают левые силы. Если что и нужно делать, так это только усовершенствовать уже существующую систему в плане борьбы с „индивидуальным” (терроризм и насилие гангстеров) и „коллективным” (левые партии, профсоюзы, молодежные организации) экстремизмом. А гарантом нового экономического порядка и личных свобод граждан должно по-прежнему выступать государство.

Что касается перспектив, то автор видел их в еще более активном участии французов в „строительстве новой Европы” и в достижении к середине 80-х годов экономического уровня ФРГ.

В целом книга „Французская демократия” в теоретическом плане явилась популярным изложением модных сейчас на Западе теорий „постиндустриального общества”, а в практическом — перепевом ранее изложенных Ж. Шабан-Дельмасом и правой западноевропейской социал-демократией идей „нового централизма” на базе НТР. Разница была лишь в том, что отныне этим идеям под пером президента Франции придавался характер государственной идеологии, поданной в упаковке „французской демократии”.

Партии левой оппозиции. На левом фланге французской политической жизни находятся несколько политических партий и группировок. Однако, когда говорят о партиях левой оппозиции, имеют в виду главным образом три левые политические партии, подписавшие в 1972 г. совместную правительственную программу левых сил, — Французскую коммунистическую партию, Французскую социалистическую партию и Движение левых радикалов.

РСФ, Французская коммунистическая партия (ФКП), является главной партией оппозиции. Стратегической целью своей политической деятельности ФКП ставит построение во Франции социализма. Стратегия компартии учитывает глубокие революционные преобразования как в мире (образование мировой системы социализма, распад колониальных империй, общий кризис капитализма), так и в самой Франции (резкое усиление и влияние государственно-монополистического капитализма в годы V Республики в социально-экономической и политической жизни страны, углубление поляризации классовых сил, появление новых антимонаполистических слоев — союзников рабочего класса по антикапиталистической борьбе).

Важнейшим принципиальным условием построения социалистического общества французские коммунисты, как и коммунисты других стран, считают уничтожение крупной частной собственности на основные средства производства и обмена, ликвидацию эксплуатации человека человеком, установление политической власти рабочего класса и его союзников.

Что касается путей перехода к социализму, то, не отрицая в теоретическом плане возможности насильственной революции, ФКП отдает предпочтение „демократическому пути к социализму цветов Франции” (Жорж Марше). „В конечном итоге, — писал Почетный председатель ФКП Вальдек Роше, — в настоящее время никто не может сказать, каким путем будет совершаться переход к социализму во Франции, но французские коммунисты решительно направляют всю свою деятельность на то, чтобы создать условия, благоприятствующие переходу к социализму мирным путем, прилагают все усилия, чтобы завоевать на свою сторону большинство народа в борьбе за такую перспективу”.

Начиная с XX съезда (декабрь 1972 г.) на всех последующих съездах руководство ФКП прилагало значительные усилия для теоретического обоснования и широкой популяризации (в том числе и среди некоммунистов) концепции перехода к социализму мирным путем. Эта концепция развита в книгах Генерального секретаря ЦК ФКП Ж. Марше „Демократический вызов”,

„Поговорим откровенно” и др. При этом основной упор делался на меры переходного от капитализма к социализму периода. Важнейшим рычагом кардинальных социально-экономических преобразований ФКП считает дальнейшую национализацию крупных частных компаний как французского, так и иностранного капитала.

Вместе с тем ФКП не возводила национализацию в абсолют. Крестьяне-труженики сохраняют частную собственность на землю. То же самое относится к собственности мелких и средних предпринимателей, торговцев, ремесленников, к сфере обслуживания (небольшие гостиницы, мотели, кафе и т. д.). В целом это была „модель” советского нэпа 20-х годов.

На XXII съезде ФКП (февраль 1976 г.) было подчеркнуто, что мирный переход к социализму будет осуществляться в рамках традиционных демократических институтов Франции. Вместе с тем эта программа имеет целью коренную перестройку социально-экономических отношений в интересах большинства трудящихся. Для коммунистов и их союзников парламентские методы (выборы в местные и высшие законодательные органы власти) — не самоцель, а лишь метод завоевания политической власти. Для этого необходимо привлечь на свою сторону большинство трудящихся — „саларье”, страдающих от гнета крупного капитала (по определению Ж. Марше, создать „союз французского народа”). Но этот союз, считают коммунисты, должен быть создан не на базе широковещательных предвыборных обещаний накануне парламентских выборов (как это делают социал-демократы ряда стран Западной Европы), а должен опираться на тесное сплочение всех антимонополистических сил, причем прежде всего „внизу” — коммуна, департамент, предприятие, вуз и т. д. Усиление позиций левых сил в сфере экономического управления (в производственных комитетах на предприятиях) — это первая ступень к укреплению их позиций в политической сфере, т. е. в сфере парламентского и правительственного управления. Отсюда упор ФКП на программу „демократизации управления” государства на всех его уровнях.

Программа мирного перехода к социализму, выдвинутая ФКП на XX съезде партии, не предусматривает полного слома старой государственной машины. Коммунисты исходят из того, что в условиях современного государственно-монополистического капитализма подавляющее большинство государственных и муниципальных служащих отстранено от реального решения вопросов управления: оно в руках узкой группы

высших чиновников — П.-ДЖ — или привилегированной верхушки „нотаблей” из буржуазных и мелкобуржуазных партий.

Таким образом, у широких антимонополистических слоев народа Франции есть общая платформа социально-экономической борьбы и общая цель — социализм. Однако политические концепции реализации этой цели существенно расходятся. Поэтому объединенные общей целью антимонополистические слои могут иметь самостоятельные политические представительства. Отсюда линия ФКП на переход к социализму в условиях многопартийности и даже наличия оппозиционных партий при условии соблюдения ими законов социалистического общества и отказа от сопротивления социалистическим преобразованиям силой (экономический саботаж, военно-политические заговоры, иностранная помощь извне и т. д.). Гарантией легального существования многопартийности в условиях мирного перехода к социализму станет отсутствие официальной государственной идеологии.

Как отмечал Генеральный секретарь ЦК ФКП товарищ Ж. Марше на XXIII съезде ФКП (май 1979 г.), французские коммунисты осознают, что если сегодня они могут намечать свой оригинальный путь продвижения к социализму, то этим они в значительной мере обязаны существованию социалистических стран. Построение социалистического общества зависит от реальных условий каждой страны. Чем больше стран будут становиться на путь социалистического развития, тем больше будет разнообразных форм. Вместе с тем французские коммунисты постоянно подчеркивают, что осуществление „демократического пути к социализму цветов Франции” возможно лишь при руководящей роли рабочего класса и его авангарда — ФКП.

По уставу, членом ФКП может быть каждый признающий ее программу и устав, состоящий в одной из первичных организаций (ячеек), принимающий активное участие в ее работе и регулярно уплачивающий членские взносы. Прием в партию несложен: бланки для вступления широко распространяются на митингах, праздниках печатного органа партии газеты „Юманите”, встречах руководителей ФКП с трудящимися и т. д. Но окончательное решение принимает ячейка, где каждый новый член обязан активно участвовать в работе начиная с обычных поручений — продажа газеты „Юманите” на улицах и предприятиях, расклейка предвыборных афиш партии, сбор добровольных пожертвований в кассу партии и т. д. Ежегодно идет обмен партийных карточек; таким образом осуществляется учет членов партии; не обменявший карточку считается автоматически выбывшим.

Партия строится по территориально-производственному принципу. Например, к XXIII съезду ФКП насчитывала более 28 тыс. ячеек, из которых около 12 тыс. действовало на промышленных предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях, 10 тыс. — по месту жительства и около 6 тыс. — в деревне. Из территориальных организаций наиболее массовыми являлись рабочие пригороды столицы — „красный пояс” Парижа (Иври, Романвилль и др.), Гавр, Лилль, Марсель. Форпостами ФКП (до 2 тыс. членов и более) служили производственные первичные организации на национализированном автообъединении „Режи Рено” в Парижском районе, заводах резинотехнических изделий „Мишлен” в Клермон-Ферране, на заводе грузовых автомобилей „Берлие” близ Лиона, в парижских университетах³.

Первичные партийные организации объединены в федерации, в основном отражающие административно-экономическую структуру Франции. Самыми крупными являлись федерации департамента Сена Сен-Дени (департамент, где расположена столица Франции) и городская Парижская федерация. Свыше 25 тыс. насчитывали федерации в так называемом большом промышленном треугольнике Париж — Лилль — Страсбург (департаменты Валь-де-Марн, Верхняя Сена, Нор и др.), а также департамент Буш-дю-Рон (Марсель) и др.

В низовых партийных организациях (ячейках) вся работа выполняется на общественных началах во внеурочное время. Освобожденные партийные работники⁴ (как правило, секретари федераций и их заместители, у которых есть 2—3 технических работника) составляют исключение. Основная масса „перманан” работает в центральном аппарате партии, в ее печатных органах и партийном издательстве, а также в связанных с ФКП общественных организациях.

Основой внутривнутриполитической жизни ФКП и ее организационного построения являются ленинские принципы демократического централизма. Наличие каких-либо фракций в партии не допускается. Решения партийных съездов и руководящих органов партии обязательны для всех коммунистов. Принципы демократического централизма не препятствуют рядовым коммунистам активно участвовать в разработке и

³ После „красного мая” 1968 г. правительство разделило некогда единый Парижский университет (Сорбонну) на несколько самостоятельных университетов (Université de Paris-Sorbonne : I, III, V и т. д.).

⁴ „Le Permanent” — по партийной терминологии ФКП. Освобожденные секретари партийных федераций утверждаются Секретариатом ЦК ФКП.

обсуждении документов съездов, в широком развитии внутрипартийной демократии⁵.

Вместе с тем необходимо отметить, что с середины 80-х годов в своей работе ФКП испытывает определенные трудности, можно даже сказать — кризис. Этот кризис нашел свое отражение как в идеологической („Манифест коммунистов-обновленцев” 25 федераций партии, принятый на их собрании 31 января 1987 г.), так и в организационной сфере: отставка члена Политбюро Клода Попрена, выход из ЦК бывшего министра-коммуниста Марселя Ригу, выход из ЦК и выставление собственной кандидатуры на президентских выборах Пьером Жюкенем в противовес кандидату ФКП А. Лажуани. XXVI съезд ФКП (2–6 декабря 1987 г.) подтвердил линию предыдущего, XXV, съезда (1985) и осудил фракционность в партии.

Советская исследовательница внутривнутриполитической жизни ФКП профессор АОН при ЦК КПСС А. И. Перминова в работе „Французская коммунистическая партия в 80-е годы” (1987) так оценивает эти трудности: „К причинам активизации в ФКП новой волны оппортунистических взглядов можно отнести такие объективные факторы, как оживление с середины 70-х годов оппортунизма во французском рабочем движении в условиях серьезных изменений в структуре рабочего класса и его пополнения новыми слоями с мелкобуржуазной психологией; успех и последующие издержки достигнутого компартией политического союза с социалистической партией... распространение во французской, как и в других компартиях... так называемого еврокоммунизма... общие трудности, переживаемые западноевропейским коммунистическим движением, в том числе в связи с происходящим размыванием его традиционной социальной базы”.

Вместе с тем, по мнению А. И. Перминовой, сказались и сложности субъективные: „... коммунистической партии не всегда удавалось уверенно утверждать себя в качестве революционной силы. Отставание с адаптацией к происшедшим сдвигам во французском обществе и разработкой научного, марксистского анализа новых реалий могло привести... к утрате ею четких ориентиров классовой борьбы... Сыграли свою роль и негибкая линия руководства ФКП, его нежелание дать развернутую самокритичную оценку недостатков собственного курса...”

⁵ Одним из внешних проявлений внутривнутрипартийного демократизма ФКП является обращение на „ты” на всех уровнях партии — от рядового коммуниста до члена Политбюро.

Еще более резкую оценку дал политический обозреватель А. Е. Бовин: „Дело, как мне кажется, серьезнее. У коммунистов — и это касается не только ФКП — нет программы, нет лозунгов, которые могли бы увлечь широкие слои населения, прежде всего — рабочего класса. Стратегия и тактика коммунистов заметно отстали от новых условий, которые созданы перестройкой капитализма, высокой степенью его приспособляемости к реальностям второй половины XX века. На ослаблении авторитета и влияния коммунистов сказываются и негативные процессы и явления, которые долгое время были характерны для нашей страны” (Известия. 1988. 2 мая).

PS, Французская социалистическая партия (ФСП), является крупной партией левой оппозиции. Конечной целью своей деятельности она провозглашает трансформацию Франции в государство „демократического социализма”.

Теоретические основы реформистской концепции „демократического (гуманистического) социализма” разработал сразу после окончания второй мировой войны „отец-основатель” Французской социалистической партии (СФИО — **SFIO**) бывший школьный учитель и журналист Леон Блюм. Его апологеты называли эту концепцию „духовным синтезом учения Маркса и Жореса”, новой политической доктриной, которая „превзошла классический марксизм”. Сам автор нового „социалистического евангелия”, выступая 20 мая 1945 г. на конференции секретарей федерации СФИО, так определил новую идеологию партии: „Сохранять и расширять права человеческой личности в обществе, полностью подчиненном интересам коллективного блага, — это сама формула социализма. Именно она содержится в этих двух словах: „социал-демократия”, которые не случайно соединены. Это есть синтез, который Жорес в течение всей своей жизни пытался осуществить между основными понятиями марксистской критики и старыми принципами революции 1789 г.”.

Ядром блюмовской концепции „демократического социализма” являлась теория о „мирном вращении” социализма в капитализм, который якобы после второй мировой войны полностью изменил свою природу. Не случайно принятая незадолго до подписания совместной программы левых сил собственная правительственная программа ФСП (март 1972 г.) под громким названием „Изменить жизнь” не вышла за рамки частичного ограничения власти национальных и транснациональных монополий и провозглашения некоторых мер (повышение уровня зарплаты, пенсий, пособий, реформа образо-

вания и др.) по улучшению положения трудящихся, но в рамках существующего капиталистического строя.

Давая оценку этой программы, Генеральный секретарь ЦК ФКП Ж. Марше так определил реформистский путь к „демократическому социализму” лидеров ФСП: „Опирайтесь на стремление к социальному прогрессу, к демократии. социализму, которое находит в стране все большее распространение, но не связывать себя на будущее, избегая решительного разрыва с крупным капиталом как в национальном, так и в международном плане”.

Теоретический эклектизм партийной доктрины „гуманистического социализма”, в которой мирно уживаются отдельные положения и марксизма, и мелкобуржуазного радикализма, и „обновленных” религиозных догматов, проецируется на организационную структуру ФСП. Формально устав партии декларирует: „Никакая организованная группа (фракция) не может быть терпима внутри партии”. На практике в партии с самого начала, после раскола на коммунистов и социалистов (1920), ни на один месяц не прекращалась фракционная борьба. Отражением ее являлось выдвижение на съездах нескольких, иногда взаимоисключающих, проектов резолюций с сопровождающейся закулисной возней за места в руководстве партии.

В ФСП ведущую роль всегда играли высшие чиновники, вузовские преподаватели и представители „либеральных профессий” (адвокаты, нотариусы, врачи, архитекторы, журналисты). Большим влиянием в партии пользовались „социалистические нотабли”. Как и все другие мелкобуржуазные партии Франции, ФСП пост мэра традиционно рассматривала как мерило политического веса того или иного деятеля и своеобразную заявку на руководящую роль в партии. Следующий критерий партийного престижа — депутат Национального собрания или Сената.

„Нотабли” ФСП всегда занимали в партии особую позицию, мало считаясь с решениями съездов и программными документами: ведь своим избранием они, как правило, были обязаны не партии, а голосам мелкого избирательного округа. Поскольку за таких „нотаблей” голосовали не только социалисты, но и представители широких средних слоев, многих из которых отпугивала „марксистская окраска” ФСП, именно среди „социалистических нотаблей” во главе с мэром Марселя Г. Деффером (много лет занимавшим этот пост, ныне покойным) чаще всего раздавались голоса выкинуть эту „марксистскую окраску” за борт. Один из теоретиков СФИО Пьер Боннель, отражая эти настроения „нотаблей”, писал в теоретическом

органах партии „Ревю сосьялист” еще в 1959 г.: „Официально марксизм не является нашей основной доктриной, практически он совершенно не влияет на нашу повседневную деятельность”.

Действительно, повседневная деятельность лидеров социалистической партии в годы IV Республики даже отдаленно не ассоциировалась с марксизмом.

Плоды этой пагубной соглашательской политики в полной мере сказались вскоре после установления V Республики. Привыкшие за годы IV Республики к министерским креслам лидеры партии были безжалостно выброшены де Голлем из правительства, несмотря на то что большинство депутатов СФИО проголосовало в Национальном собрании за предоставление генералу чрезвычайных полномочий, что и позволило ему упразднить режим IV Республики. Лишившись парламентской трибуны, СФИО начала деградировать. Имевшая в своих рядах в 1945–1946 гг. до 250 тыс. членов, партия стала быстро таять (к 1971 г. она насчитывала всего 75 тыс. человек). В 1958 г. от нее откололось левое крыло, образовав Автономную социалистическую партию. Традиционный электорат (*électorat*) СФИО все чаще голосовал за де Голля и его партию. Процент поданных за социалистов голосов упал с 24 (1945) до 12,6 % (1962), т. е. почти вдвое.

Революционные события „красного мая” 1968 г. еще более усугубили кризис соцпартии. Срочно собранный в июне 1969 г. в г. Исси-ле-Мулино чрезвычайный съезд ФСП принес победу левому крылу партии. Важным моментом этого съезда было принятие резолюции, провозгласившей стремление ФСП к союзу всех левых сил как „естественной оси стратегии социалистов”. Эта резолюция явилась серьезным ударом по заскорузлomu антикоммунизму „нотаблей”, практически открыла путь к переговорам с ФКП и подписанию летом 1972 г. совместной правительственной программы левых сил.

Правда, этому предшествовала острая борьба за лидерство в ФСП, завершившаяся приглашением „варяга”: на объединительном съезде в Эпине в июне 1971 г. в соцпартию вошла небольшая левая партия IV Республики Конвент республиканских институтов (около 4 тыс. человек), а его лидер Франсуа Миттеран был избран первым секретарем ФСП. В партии усилилась борьба за обновление идеологической доктрины, за возврат на антимонополистические позиции, активную роль стало играть левое крыло.

Союз с коммунистами на базе совместной программы минимум укрепил позиции ФСП во внутривнутриполитической жизни

Франции: за социалистами пошла значительная часть колеблющихся левых избирателей. С 1972 г. стала заметно расти численность партии и примыкающих к ней общественных организаций. ФСП значительно увеличила в 70-х годах свое представительство в местных органах власти. Сдвиг влево в настроениях большинства избирателей принес самую крупную победу для ФСП: ее кандидат, первый секретарь партии Ф. Миттеран, поддержанный ФКП и другими партиями левой оппозиции, в мае 1981 г. был избран президентом Франции⁶.

MRG — Д в и ж е н и е л е в ы х р а д и к а л о в — третья небольшая партия левой оппозиции. Левые радикалы не участвовали в разработке совместной правительственной программы, а полностью присоединились к ней 12 июля 1972 г. В тот период Движение левых радикалов возглавлял депутат Национального собрания владелец аптеки Робер Фабр. В руководство Движения вошли также несколько видных радикалов послевоенного периода: бывший председатель Сената и один из непримиримых противников де Голля Гастон Миннервиль, бывший государственный секретарь в министерстве иностранных дел при правительствах IV Республики Морис Фор и ряд других.

В традициях радикалов Движение не имело ни четкой программы, ни оформленной партийной структуры. В 1972—1978 г. совместная правительственная программа левых сил была одновременно и программой Движения. Участие в союзе левых сил Р. Фабр определял следующим образом: „Будучи радикалами, мы являемся бдительными защитниками собственности индивидуальных предприятий. Это не противоречит планированию на уровне крупных предприятий, даже напротив, ибо именно транснациональные компании дают мелкие и средние предприятия”.

Фактически левые радикалы стояли на реформистских позициях, близких к ФСП. По всем вопросам, вызывающим разногласия, левые радикалы блокировались с социалистами, а в Национальном собрании их депутаты (31 человек) вошли в парламентскую фракцию социалистов. Такой „союз в союзе” объяснялся тем, что и социалисты, и радикалы опирались на одни и те же средние слои.

Вместе с тем лидеры Движения левых радикалов были самой неустойчивой частью левого союза, постоянно заигрывая с партиями правящего большинства. Не случайно сразу после поражения левых партий на парламентских выборах 1978 г.

⁶ Подробнее о союзе коммунистов и социалистов в 1981—1984 гг. см. разд. 4, § 1.

руководители Движения встали на путь сотрудничества с властями. Однако победа левых сил на выборах 1981 г. вновь вернула левых радикалов на путь союза с социалистами, что обеспечило им министерские посты в левом правительстве.

PSU — Объединенная социалистическая партия (ОСП) — четвертая партия левой оппозиции (около 10 тыс. членов), формально не участвовавшая в союзе, но на практике поддерживавшая на выборах кандидатов союза левых сил.

В 1968–1969 гг. ОСП претендовала на то, чтобы политически возглавить разношерстное левацкое (гошистское) молодежное движение, провозгласив себя „партией студентов и молодых рабочих”. На практике даже в лучшие для партии годы (1968–1969 гг., 15 тыс. человек) студенты и рабочие составляли менее четверти (23 %) ее членов, основная же масса ее состояла из преподавателей (14 %), мелких служащих (14%) и... пенсионеров (10 %). На съезде в Дижоне в марте 1969 г. руководство ОСП разработало программу в духе модного среди левых социалистов синтеза политической теории с „революционными надеждами молодых, забегающих вперед, борцов”.

Политическая теория ОСП в основном отражала популярное в период „красного мая” 1968 г. требование „самоуправляемого социализма” — расширение экономических и политических прав „местных коллективов” (коммун, производственных комитетов заводов, учреждений, вузов и т. д.). Амбиции лидеров ОСП в тот период шли далеко, вплоть до создания „социалистического фронта трудящихся”, который противостоял бы и СФИО, и ФПК. Однако по мере того, как взростели „молодые бунтари” 1968 г., расходясь по различным „партийным квартирам”, влияние ОСП падало.

С конца 70-х годов ОСП переживает острый кризис. Очередная смена руководства (в январе 1979 г. партию возглавила преподавательница философии и профсоюзная активистка Югетт Бушардо) не принесла облегчения: ОСП по-прежнему не имела четкой политической программы, массового членства, влиятельного печатного органа. С 1981 г. ОСП отказалась от фронды в отношении ФСП и перешла на платформу сотрудничества с левым правительством. В поисках массовой опоры ОСП с начала 80-х годов переориентировалась на „новые движения” — экологическое (французский вариант „зеленых” в ФРГ), феминистское и регионалистское. ОСП поддерживает некоторая часть левых католиков.

2. Предпринимательские организации

Особенности предпринимательской деятельности французской буржуазии. Во Франции, как и в других современных промышленно развитых капиталистических странах, давно действуют предпринимательские (патрональные — от франц. *le patron* — хозяин) союзы, отстаивающие классовые интересы капиталистов и крупных торговцев. Однако исторически французская буржуазия сравнительно поздно (только после второй мировой войны) вступила на этот путь классовой организации, по которому уже шла буржуазия США, Германии, Англии.

Две основные причины тормозили создание этой организации: финансово-ростовщический характер французского империализма и консерватизм предпринимательской психологии патронов. В силу действия первой из них буржуазия получала основную прибыль за счет значительных капиталовложений за границей (займы) и поэтому стремилась видеть свою главную организацию в самом государстве, чтобы с помощью армии, дипломатии и внешней политики защищать интересы вкладчиков заграничных займов.

Вторая причина была тесно связана с первой: консерватизм патронов объяснялся относительно второстепенным положением торгово-промышленной буржуазии в иерархии финансового капитала Франции, ее зависимостью от государственного протекционизма. Французская промышленная буржуазия, например, в отличие от американской всегда была мало расположена к риску, предпочитая сохранять статус-кво.

Именно поэтому французские предприниматели с большой опаской относились ко всякого рода техническим новинкам, не сулившим гарантированной прибыли. Из истории известно, что даже Наполеон I не принял идею создания парового флота, хотя крайне нуждался в таких транспортных средствах для планировавшегося в 1803—1804 гг. десанта в Англию. Позднее, в конце XIX — начале XX в., многие технические нововведения — бессемеровский процесс в сталелитейном деле, новая технология производства соды, электролитические методы производства алюминия и т. д. — встретили непонимание и сопротивление промышленников. И это при том, что научно-техническая мысль Франции — со времени Просвещения XVIII в. — всегда стояла на очень высоком уровне: именно французская техническая мысль дала миру автомобиль, аэроплан, подводную лодку. Но французские капиталисты побоялись рисковать и не воплотили в свое время технические новшества в серийное производство. Это сделали предприниматели

США, Англии, Германии. Только первая мировая война с ее гарантированными французским правительством серийными заказами побудила патронов поставить производство автомобилей и аэропланов на поток.

К. Маркс, отмечая исторический консерватизм предпринимательской психологии французской буржуазии, писал, что ей присуща „...страсть к обогащению не путем производства, а путем ловкого прикармливания уже имеющегося чужого богатства”⁷.

Тормозом к созданию собственных классовых организаций патронов были еще две особенности исторического развития французской буржуазии: 1) стремление сохранить и приумножить свои богатства не столько путем внедрения новой технологии, сколько за счет „династических” браков по расчету (создание „семейных дел”); 2) патернализм (покровительство) хозяина в отношении рабочего, восходящий к средневековым цехам.

В первом случае на протяжении десятилетий основой укрепления „своего дела” был выгодный брак. Дочь владельца прядильни выходила замуж за сына хозяина ткацкой фабрики. Мезальянс (неравный брак) рассматривался в буржуазной среде как чрезвычайное происшествие. Так возникали „семейные дома”, начиная с Ротшильдов и кончая мелкими предпринимателями. В некоторых районах Франции, например на Северо-Востоке, все промышленные династии (текстильные, шерстяные, угольные и другие „короли”) на протяжении XIX — начала XX в. породнились между собой, что превратило их „организацию” в замкнутую касту и смягчило конкурентную борьбу⁸.

Патернализм в отношениях хозяина и наемного пролетария был тесно связан с концепцией „семейного дела”. Многие десятилетия патроны рассматривали свой завод или фабрику как расширенную модель семьи, „родной дом”, где хозяин — это „отец”, а рабочие — его „дети”. В чем-то это напоминало нынешнюю „модель” японского капитализма. Один из президентов старейшей французской фирмы Сен-Гобен писал в середине XIX в.: „Дух фирмы — это дух семьи... Сен-Гобен —

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 11.

⁸ Эта особенность „семейной организации” французской буржуазии хорошо отражена в классической литературе Франции XIX в., в частности в романах Эмиля Золя „Деньги”, „Дамское счастье” и др., а также в произведениях современногo писателя Эрве Базена („Семья Резо” и др.).

это большая семья, включающая акционеров, администраторов, директоров, мастеров и рабочих, которых сплачивает чувство взаимной привязанности...”

Распространение патерналистских идей не только среди буржуазии, но и в рабочем классе (идеи прудонизма) облегчалось структурой французской промышленности, где долгое время преобладали мелкие (3—5) и средние (10—15 рабочих) предприятия. Конечно, хозяину предприятия с пятью — десятью рабочими было легче договориться с каждым, нежели на крупном заводе с тысячами рабочих. Однако и крупные промышленные предприятия типа автомобильной фирмы „Ситроен” в Париже или металлургических заводов де Ванделей в Лотарингии стремились внедрить психологию патернализма на современном индустриальном производстве. В последнем случае „забота” о рабочих нередко носила социально-экономический характер: пролетарии с многолетним стажем работы на предприятии сразу не увольнялись, старикам фирма платила пенсии, „послушным” рабочим предоставлялись квартиры (или целые дома) в жилом фонде фирмы, строились школы, ясли и больницы за счет предприятия. (Схожие явления наблюдались и в дореволюционной России, например аналогичная опека была у фабрикантов Морозовых.) Один из современных профсоюзных лидеров Франции писал в этой связи о патернализме „семейной фирмы” де Ванделей: „Рождаются в больнице де Ванделей, лечатся в клинике де Ванделей, учатся в школе де Ванделей, профессии получают в центрах обучения де Ванделей, становятся рабочими у де Ванделей, а когда умирают, то надгробие получают от де Ванделей”.

Во Франции патернализм вплоть до 40-х годов XX в. был коллективной доктриной всего класса французских капиталистов, важным инструментом, при помощи которого они вели борьбу с рабочим классом. И горе было тем рабочим, которые выступали против патерналистских отношений. В этом случае французская буржуазия была беспощадна, считая, что она уже достаточно „позаботилась” о своих „детях”. „Заблудших” и „плохих детей” встречали, по выражению Ф. Энгельса, „ружейные залпы”, и поэтому „...в республике со всеобщим избирательным правом у рабочих почти не остается иного средства для достижения победы, кроме насильственной революции”⁹.

Французская буржуазия гораздо позднее, чем английская или германская, встала на путь социального маневрирования

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 397.

и частичных уступок рабочему классу как средства сохранения своего господства. Фактически это произошло только в период Народного фронта 30-х годов, тогда как в Англии основы социального законодательства были приняты в конце XIX в., а в Германии — в начале XX в.

Однако по мере укрупнения и усложнения промышленного производства, появления больших отрядов рабочего класса и его профессиональных организаций крепнет тенденция предпринимателей к объединению. Не случайно одна из первых предпринимательских организаций — Союз металлургической и горно-рудной промышленности — возникла в 1901 г. в отрасли тяжелой промышленности, где был сосредоточен наиболее значительный контингент рабочих как прямой ответ на созданную в 1895 г. первую общепольскую ассоциацию рабочих — Всеобщую конфедерацию труда.

Под воздействием первой мировой войны и Великой Октябрьской социалистической революции, вызвавшей мировой революционный подъем, польская буржуазия, потерявшая свои капиталы в Советской России, осознала необходимость собственной национальной классовой организации. Такая организация была создана в 1919 г. под названием Всеобщая польская конфедерация польского производства. Однако сколько-нибудь серьезной силой в межвоенный период она так и не стала, оставшись, по существу, лишь „информационным агентством” для связи между наиболее крупными трестами, главным образом в железнодорожном, химическом, электротехническом и страховом деле.

Потребовались новые экономические, социальные и военно-политические потрясения 1929—1945 гг. (экономический кризис, Народный фронт, военная катастрофа 1940 г., движение Сопротивления), чтобы польский патронат, окончательно потерявший сферу приложения капитала за границей, начал круто перестраиваться.

В 1944—1946 гг. возникают три общепольские предпринимательские организации — Всеобщая польская конфедерация мелких и средних предприятий, Национальный совет торговли и самая главная — Национальный совет Польского патроната.

Всеобщая польская конфедерация мелких и средних предприятий (ВКМСП). ВКМСП — CGPME — была создана в октябре 1944 г. по инициативе мелкого фабриканта Леона Жанжамбра, ставшего на многие годы бессменным президентом этой конфедерации. Политика конфедерации отражала двойственный характер положения мелкой буржуазии при капитализме. С

одной стороны, ВКМСП выступала против крупного капитала, этатизма, дирижизма, планирования — словом, против любых попыток монополистического капитала при поддержке государственного аппарата подчинить (или поглотить) мелкие предприятия. Отсюда их лозунг о расширении частной инициативы, требования кредитов, укрепления власти патронов на предприятии.

С другой стороны, конфедерация всячески противилась расширению национализации (и выступала поэтому против ФКП и других левых партий), усилению позиций профсоюзов, вела атаку против права на забастовку, т. е. в борьбе с рабочим классом стояла на одной классовой платформе с крупным бизнесом.

На практике при определении общей линии патроната в отношении социальных требований трудящихся между крупной и мелкой буржуазией никогда не было принципиальных разногласий. При переговорах с профсоюзами, выработке единой линии в консультативном органе при правительстве — Экономическом и Социальном совете — ВКМСП и Национальный совет Французского патроната (НСФП) всегда выступали единым фронтом. Единство этих двух патрональных организаций закреплялось тем, что около 80% первичных организаций (синдикатов) ВКМСП одновременно входили и в НСФП.

ВКМСП отличали рыхлость структуры и отсутствие „синдикальной” дисциплины. Если в НСФП ведущую роль играют отраслевые (вертикальные) федерации (химическая, металлургическая и другие отрасли промышленности), то в ВКМСП всегда заправляли региональные (горизонтальные) объединения мелких торговцев и промышленников в рамках отдельного департамента и даже одного города. Фактически это было не столько профессиональное объединение мелких и средних предпринимателей и торговцев (обмен опытом, улучшение технологии, повышение квалификации своих членов и т. п.), сколько политическая группа давления на НСФП и правительство, причем руководство ВКМСП во главе с Л. Жан-жамбром обычно даже не консультировалось с рядовыми членами конфедерации.

Политиканство лидеров конфедерации особенно отчетливо проявилось в середине 50-х годов, когда усиливалось давление со стороны крупного капитала и поддерживавшего его буржуазного политического течения „Союз защиты торговцев и ремесленников” во главе с Пьером Пужадом, чья программа во многом напоминала лозунги нынешнего лидера ультраправых Жан-Мари Ле Пена.

Особенностью предпринимательской организации Франции, отражавшей значительный количественный состав мелких и

средних бизнесменов в промышленности и торговле, являлось влияние ВКМСП вплоть до конца 60-х годов на всю политику французского патроната, рассматривавшего „пехоту бизнеса” как своеобразную массовую опору крупного капитала. Однако эта стратегия имела и свои отрицательные последствия. Руководители старого НСФП (кстати, вышедшие в большинстве своем из средней буржуазии) во имя сохранения равновесия внутри господствующего класса старались не ссориться со своей „пехотой”. Но это балансирование между противоречивыми интересами крупной, средней и мелкой буржуазии не могло продолжаться вечно.

Вступление Франции в 1957 г. в „Общий рынок”, дирижистский авторитарный режим V Республики и особенно самый серьезный за всю послевоенную историю социально-экономический кризис мая – июня 1968 г. вынудили крупный капитал отказаться от стратегии сохранения патронального статус-кво, „единства ради единства”.

В жертву крупному капиталу была принесена ВКМСП: после реформы структуры НСФП в 1969 г. она потеряла прежнее гарантированное представительство в руководстве французского патроната, что привело к заметному полевению ее рядовых членов. Не случайно в 70-х годах многие мелкие предприниматели, торговцы и ремесленники – члены ВКМСП – поддержали совместную программу левых сил, а некоторые вступили в ряды социалистической и даже коммунистической партий.

Национальный совет торговли (НСТ). НСТ – СНС – был создан в 1946 г. как коллективный автономный член НСФП. Структура НСТ почти копирует структуру НСФП: основное звено совета торговли составляют 100 национальных федераций (Национальная конфедерация французских мясоторговцев, Федерация промышленной торговли г. Бордо, Федерация оптовых торговцев тканями, Генеральный синдикат торговли бакалейными товарами и т. д.).

Высшим органом НСТ является съезд – Генеральная ассамблея, обычно собирающаяся одновременно со съездом НСФП. Однако на практике „автономия” НСТ в рамках НСФП носит весьма условный характер. Фактически НСТ в повседневной торгово-предпринимательской практике постоянно прибегает к услугам аппарата (функционеров) НСФП. Но заправила французского крупного капитала хотят сохранить „демократический” и „плюралистический” фасад своей организации. Поэтому и после реформы НСФП в 1969 г., упразднившей представительство „бунтарской” ВКМСП, за НСТ сохранились прежние 75 мест в Генеральной ассамблее НСФП.

В повседневной деятельности НСТ представлен главным образом торговыми палатами отдельных городов, ведущими свою родословную от эпохи средневековья. Таких палат сейчас более 160, и они являются координирующими центрами между промышленностью и торговлей, а также между правительством (префектами) и местными органами власти (муниципалитетами). На торговые палаты возлагаются некоторые административные функции: контроль за деятельностью фондовых и торговых бирж, управление портовым хозяйством в городах — морских портах — Марселе, Бордо, Гавре и т. д.

Поскольку во Франции нет монополий внешней торговли, торговые палаты выступают также в роли посредников при торговле с иностранными фирмами и государствами, заключая от имени французских фирм данного города или региона соответствующие международные экономические соглашения. В целях расширения международных торговых связей и изучения торговой конъюнктуры торговые палаты имеют постоянные представительства за границей. Особенно много таких представительств (в том числе и в Москве) имеет крупнейшая торговая палата — Парижская.

Национальный совет французского патроната (НСФП). НСФП — CNPF — возник в июне 1946 г. в условиях серьезного ослабления позиций крупного капитала (сотрудничество с немецко-фашистскими оккупантами и предательским режимом Виши¹⁰) и как ответ на усиление антифашистских и демократических сил во главе с их авангардом — рабочим классом. НСФП объединил патронов, на предприятиях которых было занято до 60 % лиц наемного труда и вложено до 90 % капитала.

Структура НСФП сложная и многоступенчатая. Она строится по вертикальному и горизонтальному принципам. *Вертикальная* структура идет от предприятия данной отрасли к первичному синдикату (около 800) и далее к союзу, федерации и конфедерации (около 200) по отраслям промышленности. *Горизонтальная* структура включает объединение предпринимателей разных отраслей на уровне коммуны (около 500), департамента и экономического региона (национальные ассоциации). Работу местных предпринимательских организаций

¹⁰ Встречая вскоре после освобождения Парижа в 1944 г. делегацию французского патроната, глава Временного французского правительства генерал де Голль презрительно заявил: „Я не видел ни одного из вас в Лондоне (где находилась резиденция „Свободной Франции“ в 1940–1942 гг. — В. С.), хотя, конечно, вы пока и не в тюрьме”.

координирует специальный орган НСФП — Федерация региональных ассоциаций, имеющая статут автономного коллективного члена.

Между вертикальными и горизонтальными предпринимательскими организациями существует определенное „разделение труда”. Первичный отраслевой синдикат объединяет промышленников какой-либо отрасли в данном городе или местности. Выборный комитет синдиката периодически собирает хозяев предприятий — членов синдиката для обсуждения социальных вопросов (противодействие требованиям рабочих и служащих о повышении зарплаты, единая линия в отношении забастовок и т. д.), правительственной экономической политики (налоги на прибыль, политика цен и т. д.), экспорта-импорта готовых изделий и закупки сырья и т. п. Важное место в работе синдикатов в последние годы занял обмен техническим и управленческим опытом: взаимопосещение заводов, лекции буржуазных профессоров-экономистов по социальной психологии и науке управления и т. п.

Региональные ассоциации на уровне департамента занимаются социальными проблемами „зарпарт” (заработная плата, забастовки, пикетирование), точнее — коллективным противодействием акциям профсоюзов рабочих и служащих. Для более эффективного противодействия натиску трудящихся такие ассоциации с помощью отраслевых вертикальных федераций создают специальные службы и исследовательские группы — по коллективным договорам, увольнениям, безработице и т. д., — которые помогают предпринимателям вести переговоры с профсоюзами. Что касается отраслевых национальных федераций и конфедераций, то они занимаются „глобальными вопросами” — защитой интересов предпринимателей в масштабах страны, взаимоотношениями с государственными органами (министерствами, ведомствами, планирующими и ценообразующими организациями), прессой и т. д., благо штаб-квартиры этих федераций и конфедераций, как правило, находятся в Париже.

В целом структура и влияние вертикальных организаций НСФП прочнее и сильнее по сравнению с горизонтальными. Это объясняется тем, что в вертикальных предпринимательских организациях заправляют представители крупного монополистического капитала, среди которых наибольшим влиянием пользуются отраслевые национальные федерации типа старого Союза металлургической и горнорудной промышленности, Синдикальной палаты французской черной металлургии, Синдикальной палаты судостроения, Союза химической про-

мышленности и др. В горизонтальных же объединениях количественно преобладают предприниматели среднего и мелкого бизнеса, интересы которых часто сталкиваются с политикой крупного бизнеса, что затрудняет горизонтальным ассоциациям выработку согласованной с вертикальными организациями политики.

Согласно уставу, НСФП — это не сообщество отдельных предпринимателей, а ассоциация коллективных членов (каждый отдельный патрон вступает в нее через низовую синдикальную организацию; чем больше в той или иной федерации синдикатов, тем больше у нее мандатов на съезде НСФП). Высшим органом НСФП считается Генеральная ассамблея (съезд), созываемая два раза в год. Каждый предпринимательский союз имеет на ассамблее НСФП определенное количество мест и делегирует на съезд своих представителей (часто это даже не сами патроны, а их „приказчики” — освобожденные функционеры из аппаратов союзов).

Генеральная ассамблея НСФП заслушивает доклады по важнейшим политическим, экономическим и социальным вопросам, принимает резолюции и избирает постоянную ассамблею (пленум) из 215 членов. Постоянная ассамблея созывается ежемесячно, но реальная власть принадлежит не ей, а выбираемому на съезде исполнительному совету во главе с президентом НСФП. Именно исполнительный совет и является генеральным штабом французского монополистического капитала.

В конце 60-х годов стратегические установки французского патроната подверглись кардинальному пересмотру. Мощным толчком к переоценке старой предпринимательской концепции экономического либерализма и социального патернализма всего французского патроната послужили классовые выступления трудящихся Франции в мае — июне 1968 г. До 1968 г. „отцы-основатели” НСФП — его первый президент Ж. Вилье (владелец среднего предприятия в Лионе), его заместители М. Менье (хозяин небольшой фабрики телефонного оборудования), Э. Майоль (глава „семейного” мыловаренного дела) и П. Лагини [крупный оптовый торговец, директор известной фирмы универсальных магазинов „Прэнтан („Весна”)] — стремились прежде всего сохранить баланс сил внутри патроната между крупной, средней и мелкой буржуазией. „Единство ради единства” оборачивалось для НСФП крупными издержками. На практике вплоть до реформы структуры НСФП в октябре 1969 г. (принятие нового устава, заменившего устав 1946 г.) высшие органы Национального совета не могли диктовать

свою волю низовым предпринимательским федерациям. Многие из них (химическая, нефтяная, текстильная, металлургическая и др.) вели себя как „государство в государстве“, мало считаясь с вождями НСФП. В немалой степени такое независимое положение диктовалось тем, что именно на взносы этих крупнейших вертикальных отраслевых федераций и существовал весь аппарат НСФП, включая его президента и вице-президентов (80 % всех расходов). В то же время мелкие, преимущественно горизонтальные объединения никакой роли не играли, и вся их объединительная предпринимательская деятельность, по меткому заключению одного наблюдателя, „ограничивалась ежегодным банкетом“.

Более того, старый устав НСФП запрещал его лидерам вести переговоры с профсоюзами, эта прерогатива целиком возлагалась на отраслевые вертикальные федерации. Такое положение было резко нарушено в мае 1968 г., когда НСФП был вынужден совместно с представителями правительства начать переговоры с профсоюзами и подписать от имени всего патроната общенациональное соглашение о повышении зарплаты, о правах профсоюзов на предприятии, увеличении отпуска и т. д. (Гренельские соглашения) ¹¹.

Однако протесты отдельных федераций и даже целых коллективных членов (ВКМСП вместе с НСФП отказалась вести Гренельские переговоры с профсоюзами и добилась отдельного представительства, заняв в отношении „майских бунтарей“ более жесткую позицию) не могли изменить общей тенденции к усилению роли крупного капитала в предпринимательском объединении Франции. К концу 60-х годов французские монополии преодолели послевоенную экономическую и технологическую отсталость и прочно вышли на международные рынки.

Все растущая экономическая роль „Общего рынка“ также требовала новой монополистической стратегии. В этих условиях слабость НСФП как организации примирения патрональных интересов, и прежде всего внутри страны, в рамках национальных границ, уже не удовлетворяла крупный французский капитал.

1968 год стал тем Рубиконом, за которым началась организационная перестройка НСФП, тесно связанная с общим изменением политического лидерства в V Республике — уходом

¹¹ Это прямое нарушение устава 1946 г. вызвало недовольство некоторых членов НСФП, в частности крупнейшей Федерации резиновой промышленности во главе с Ф. Мишленом, миллионером, хозяином одноименной резинотехнической фирмы (автопокрышки, шины и т. д.). В знак протеста Федерация вышла в 1968 г. из НСФП.

генерала де Голля с поста президента. Еще раньше, чем в политической надстройке режима V Республики, процесс смены лидеров начался в НСФП. В конце 50-х — начале 60-х годов в руководящие органы НСФП медленно, но неуклонно начинают входить представители крупного капитала. Среди них Ф. Пежо, совладелец известной французской автомобильной династии, Ж. Мерлэн, председатель крупнейшего банка „Креди коммерсиаль де Франс”, Л. Дево, генеральный директор французского филиала нефтяной межнациональной корпорации „Шелл”, А. Ру, генеральный директор „Компани жeneral д’электриситэ” — CGE, и др.

В июне 1966 г. эти П.-ДЖ крупного капитала сместили президента НСФП Ж. Вилье и его первого заместителя вице-президента Э. Майоля, одного из основателей НСФП. Вместо них были избраны бывший управляющий, а затем президент фирмы „Жeneral д’эксплуатасьон эндюстриель” П. Ювелен (президент) и А. Ру (вице-президент). Оба олицетворяли модернистскую, американизированную тенденцию во французском патронате. Их не смущало ни активное вмешательство государства в предпринимательскую деятельность, ни общенациональные переговоры с профсоюзами.

Майско-июньский кризис 1968 г. и значительные экономические и социальные уступки патроната трудящимся на Гренельских переговорах еще более усилили тенденцию к пересмотру роли НСФП в предпринимательской деятельности. Крупные монополии больше не могли ждать, когда их представители полностью завоюют аппарат НСФП. В июне 1969 г. (через два месяца после ухода де Голля с поста президента) они создают независимую от НСФП Ассоциацию крупных французских предприятий („Клуб гигантов”). В этот „клуб” вошло 14 крупнейших компаний тяжелой промышленности — электротехнической, химической, металлургической и других ее отраслей. Однако раскола в предпринимательском движении не произошло: скоро „Клуб гигантов” просто „прибрал к рукам” аппарат НСФП, и он стал главным инструментом монополий. „Старая гвардия” (Вилье, Майоль, Менье, Лагини) была окончательно вытеснена из руководящих органов.

В октябре 1969 г. на чрезвычайной Генеральной ассамблее была наконец проведена давно ожидавшаяся реформа НСФП: старый устав 1946 г. был заменен новым. Отныне НСФП стал единственным представителем крупного и среднего патроната перед правительством и на переговорах с профсоюзами. По новому уставу 1969 г. НСФП стал уже не прежним „агентом связи”, координирующим деятельность отдельных предпри-

нимательских союзов, а центром интеграции (а фактически — подчинения) частных предпринимателей, защищающим интересы крупных монополий. Устав повысил отчисления (взносы) отраслевых и региональных федераций в кассу центрального аппарата НСФП. Это позволило увеличить аппарат Национального совета, создать различные исследовательские группы, усилить рекламу и создать ряд крупных изданий. Резко возросла пропагандистская роль НСФП.

В целом произошла значительная американизация НСФП: центральной фигурой стал не прежний фабрикант-собственник, а менеджер (управляющий) крупной монополистической фирмы. После 1969 г. новое руководство НСФП стало шире практиковать „обмен опытом”: раз в три года проводятся общенациональные конференции предпринимателей, на которые приглашается до 2—3 тыс. бизнесменов. Несмотря на ликвидацию самостоятельного представительства ВКМСП, число входящих в НСФП предпринимательских союзов не только не уменьшилось, но даже возросло по сравнению с 1946 г. Сегодня НСФП объединяет 1 млн. крупных предприятий, на которых занято свыше 13 млн. человек ¹².

Важнейшей стороной кардинальной реорганизации НСФП на пороге 70-х годов стал окончательный переход его руководства на позиции буржуазного реформизма. С 1970 г. патронат стал поощрять рабочих за добровольное повышение производительности труда (до 30 % надбавки к зарплате), ввел премии „за усердие” (т. е. за отказ от забастовок) и т. д. Одновременно НСФП усилил нажим на правительство с целью уменьшить отчисления предприятий от прибыли на социальные нужды (с 1946 г. они были сокращены в 10 раз и к 1981 г. составляли всего 8 %).

Другие предпринимательские организации. Наряду с тремя основными предпринимательскими союзами (НСФП, НСТ и ВКМСП) в стране действует несколько более мелких патрональных союзов. Среди них можно выделить две группы. К *первой* группе следует отнести традиционные союзы, объединяющие „классических” капиталистов-хозяйчиков (владельцев заводов и фабрик). Ко *второй* — монополистическую буржуазию и ее управляющих P-DG (менеджеров).

Своеобразную роль „идеологического стимулятора” патерналистских концепций длительное время играл Ц е н т р

¹² Вне рамок НСФП оставались только национализированные (государственные) компании, сельскохозяйственные ассоциации, союзы ремесленников и некоторые отдельные объединения типа фирм „резинového короля” Мишлена

молодых предпринимателей — С.Р. Численность этой „корпорации наследников” никогда не была велика: в лучшие годы (конец 50-х — начало 60-х годов) Центр объединял не более 3 тыс. членов, входивших в 70 региональных и 30 отраслевых секций. Главную свою задачу Центр молодых предпринимателей видел прежде всего в идеологическом вооружении будущих патронов для противодействия классовой борьбе рабочих и служащих. Поскольку большинство молодых руководителей причисляли себя к католикам, в качестве идеологической платформы они взяли энциклики (послания) пап римских Льва XIII (1891) и Пия XI (1931) по „ассоциации труда и капитала” и якобы „двойной роли” частной собственности: с одной стороны — она частная, но с другой — „общественная”, ибо служит процветанию государства и „общему благу”.

В целом идеология Центра вполне укладывалась в патерналистские установки традиционной французской буржуазии: конфликт между трудом и капиталом якобы пагубен для „общего блага”, процветания нации, рабочих и хозяин должны поэтому „гармонически сотрудничать”; утверждение К. Маркса о наличии особого класса пролетариата верно будто бы лишь для XIX в. и ныне „устарело” и т. п.

Однако одними отрицаниями молодые „идеологи-патроны” не ограничились. Они пытались выработать своеобразный „кодекс чести” предпринимателя, утвердить „моральное” право хозяина командовать подчиненными. Для этого они призывали будущих патронов быть специалистами своего дела, знать технологию предприятия, учиться азбуке социальной психологии (не кричать на подчиненных; вызывая в кабинет, предлагать сесть; поздравлять с днем рождения и т. д.).

К идейной платформе молодых руководителей предприятий близка католическая патрональная организация — Французский центр христианских предпринимателей (другое название — Французская конфедерация профессий — CFM). Их „хозяйский гуманизм” носил еще более консервативный характер, нежели у молодых руководителей, хотя проблемы социальных отношений с трудящимися (заключение коллективных договоров, вопросы занятости и т. д.) постоянно интересовали „христианских предпринимателей”.

Зато значительно большую активность капиталисты-„христиане” проявляли как „группа давления” для негласного финансирования буржуазных политических партий (в IV Республике — партии MRG), подкупа депутатов Национального

собрания, организации крупных пропагандистских кампаний в буржуазной печати.

„Христианские предприниматели” в IV и V Республиках были тесно связаны с НСФП, занимая в его аппарате ответственные посты. После реформы НСФП в 1969 г. Французский центр христианских предпринимателей потерял прежнее значение.

В группе предпринимательских организаций монополистического типа следует выделить Ассоциацию руководителей кадров французской промышленности — ACIF, созданную ее первым президентом Рене Перзном, тогдашним генеральным директором крупнейшего алюминиевого треста Pechiney-Ugine Kuhlmann. В строгом смысле слова Ассоциация не является предпринимательским союзом; это скорее клуб для обмена мнениями, численность которого не превышала 500 человек. Но эти 500 человек и являются истинными „капитанами” французской индустрии как государственного (национализированного), так и частного сектора. Клуб кооптирует в число своих членов президентов и директоров крупнейших фирм, главным образом из металлургической, химической, горнодобывающей и электротехнической отраслей. Членами клуба являются также крупные правительственные чиновники и директора национализированных и частных банков. Именно в этом клубе предварительно обсуждались все важнейшие проекты экономического и социального характера, разрабатывалась стратегия сотрудничества национализированного и частного секторов промышленности и банковского дела.

Немалую роль в таком сотрудничестве играют личные связи и давние знакомства почти всех членов Ассоциации-клуба: ведь все они, как высшие чиновники правительства, так и директора государственных и частных фирм, окончили одни и те же привилегированные „большие школы” — les grandes Ecoles — и учились еще три года в Национальной школе администрации (ENA) — этой „кузнице” высших управленческих кадров Франции.

К Ассоциации руководителей кадров весьма близок Центр административных и экономических исследований CRAE, занимающийся популяризацией „авангардистской” концепции французского капитализма посредством массовой информации, используя специальные журналы. То, что обсуждается в уютных салонах Ассоциации руководителей кадров за чашкой кофе, затем публикуется этим Центром в виде программных статей.

Центр (CRAE) давно стал идеологическим рупором государственно-монополистического капитала Франции. В его пропагандистских публикациях отчетливо прослеживаются две основные идеи: 1) „частный сектор должен занять по отношению к инициативе государства в социально-экономической сфере позитивную позицию”, ибо „традиционный антагонизм между планированием и экономическим либерализмом уже превзойден”; 2) патерналистская концепция, столь долго служившая основой „классового мира” в умах французского патрона, изжила себя; необходимо взять на вооружение англо-американскую концепцию общенациональных переговоров предпринимательских союзов и профсоюзов рабочих и служащих.

3. Профсоюзы

Специфика профсоюзного движения во Франции. Особенности профессиональной организации рабочих и служащих Франции являются два основных момента: во-первых, сравнительно невысокий охват рамками профсоюза лиц наемного труда (в 1981 г. — около 20 % рабочих и служащих, что значительно меньше, чем в среднем по Западной Европе¹³); во-вторых, плюрализм (раздробленность) профсоюзов, наличие большого числа мелких „карликовых” профсоюзов.

Эти особенности имеют свою историческую и экономическую обусловленность. В основе плюрализма лежат те же причины, что и у многопартийности. То что из четырех рабочих только один входит в профсоюз, связано с особенностью французской системы социального обеспечения, введенной в 1946 г.: в отличие от других капиталистических стран, где помощь (пенсии, пособия по болезни, безработице и т. д.) осуществляется по профсоюзным каналам, во Франции все виды пособий идут по каналам государственным, независимо от того, состоит рабочий и служащий в профсоюзе или нет. Точно так же отчисления (налоги) на социальные нужды из зарплаты, жалованья или дохода мелкого собственника (торговца, ремесленника, лица „свободной профессии”) идут не через профсоюз, а непосредственно в государственную казну. Распределяются же эти отчисления через государственный бюджет, составляемый правительством и утверждаемый парламентом. Роль профсоюзов при этом незначительна, ибо они по конституции V Рес-

¹³ В Швеции, Бельгии и Австрии — от 75 до 60 %, в Англии, Италии и ФРГ — от 50 до 45 % работающих. В этом плане Франция „соперничает” с США (22 %), Испанией (21 %) и Японией (33 %).

публики могут оказывать на это распределение лишь косвенное воздействие — через консультативный орган при правительстве — Экономический и Социальный совет, в котором представлены лишь некоторые наиболее крупные профцентры страны.

Однако устранение профсоюзов (до 1968 г.) от участия в решении кардинальных вопросов экономической и социальной жизни на уровне правительства и парламента имело для правящих кругов и свои издержки. Французские профсоюзы всегда были одними из наиболее боевых профсоюзов Западной Европы, они активно участвовали не только в экономических, но и в политических битвах страны. Иной была и „модель” схватки с крупным капиталом: если в США, ФРГ и других промышленно развитых капиталистических странах лидеры профсоюзов сначала вели переговоры с патронатом при посредничестве правительства и лишь после их провала объявляли забастовку, то во Франции всегда было наоборот — сначала забастовки, потом переговоры.

Основные профцентры: ВКТ, ФДКТ, ВКТ — „Форс Увриер”. Как и на политической арене, в профсоюзном движении страны тон задают несколько профцентров. Самым крупным из них является **В с е о б щ а я к о н ф е д е р а ц и я т р у д а (ВКТ — CGT).**

Конфедерация включает свыше 40 отраслевых профсоюзов, охватывающих ключевые сферы экономики: это федерации металлистов, работников химической промышленности, железнодорожников, автомобилестроителей, полиграфистов, докеров и т. д. Из всех профцентров страны ВКТ — самый „рабочий профсоюз”: на некоторых заводах членами его являются 70—75 % рабочих. Особенно велико влияние профцентра в национализированных отраслях, а такие „национальные общества”, как „Режи Рено” или „Электрисите де Франс”, уже давно стали „бастионами” ВКТ.

В последние годы ВКТ значительно расширила свое влияние среди низшего и среднего административно-технического и инженерного персонала, ранее державшегося в стороне от классовой борьбы рабочих. Ныне отраслевой профсоюз французских ИТР, входящих в ВКТ, — один из самых влиятельных профсоюзов этой категории в стране. Об авторитете ВКТ среди трудящихся Франции свидетельствуют и такие факты: за кандидатов конфедерации на выборах профсоюзных делегатов помимо членов ВКТ постоянно голосуют 5—6 млн. человек, в большинстве не входящих ни в какие профсоюзы, а на выборах в комитеты предприятий (созданы после майско-июнь-

ских событий 1968 г.) — до 44 % рабочих и служащих заводов, фабрик, учреждений, вузов.

Свою основную задачу ВКТ видит в борьбе за социально-экономические права трудящихся: повышение зарплаты, пенсий, семейных пособий, ликвидация безработицы, улучшение условий труда, — за дешевые квартиры АШЭЛЭМ (HLM), за права профсоюзных активистов на предприятиях и т. д.

С середины 70-х годов, после энергетического (нефтяного) кризиса и вызванного им безудержного роста инфляции в странах Запада, одним из центральных требований ВКТ стала борьба за введение и неукоснительное соблюдение СМИК (SMIC).

Вместе с тем ВКТ (и в этом ее главное отличие от многих других профсоюзов Франции, стоящих на реформистских позициях) выступает за коренное изменение социально-экономической структуры Франции, открыто провозглашая конечной целью своей борьбы социализм. Поскольку победа социализма возможна лишь благодаря единству всех трудящихся и левых сил, ВКТ занимает четкую классовую политическую позицию, активно поддерживая политический авангард трудящихся Франции — ФКП. В 1972—1978 гг. ВКТ первой из профцентров поддержала совместную программу левых сил. Более того, еще в 1971 г. конфедерация выработала важнейший документ — „Тезисы о перспективах построения социализма во Франции и роли профсоюзов”, где подчеркивалось, что для реализации демократических преобразований и осуществления экономической и политической демократии „необходимы совместные действия всех демократических сил”, при этом „профсоюзы могут и должны внести свой весомый вклад в эти действия”.

Наиболее крупным достижением на пути к единству действий профдвижения в 60-х годах стало подписание 10 января 1966 г. соглашения о совместной борьбе ВКТ и Французской демократической конфедерации труда (ФДКТ — CFDT) — второго по численности и значению профцентра страны.

ФДКТ организационно оформилась после того, как деятели католической церкви во Франции, опираясь на энциклику папы римского Льва XIII (1891) „*Regrum Novarum*”, повернулись „лицом к рабочему классу” и начали создавать среди верующих трудящихся свои профсоюзы, основанные на принципах „социальной христианской морали”. Внешним отражением этих усилий стало само название Федерации, в котором в течение 45 лет присутствовало слово „христианская” (ФХКТ), замененное впоследствии словом „демократическая”. На деле ФДКТ вплоть до 60-х годов являлась типичной организацией классового сотрудничества, массовой опорой довоенных и послевоенных католических партий.

Положение, однако, меняется в начале 60-х годов. Авторитарный режим V Республики, резко сузивший сферу деятельности политических партий в парламенте, перенес основной центр тяжести экономической и политической борьбы на предприятия (забастовки) и улицу (манifestации). Профсоюзы все чаще переходят к „прямым действиям” — объявлению забастовки без предварительной консультации с партиями и депутатами Национального собрания. На руководство старой ФХКТ все большее давление стали оказывать рядовые трудящиеся-католики, нередко вопреки указаниям лидеров участвовавшие в забастовках вместе с членами ВКТ.

Отражением этого поворота влево стала смена старого руководства ФХКТ: в 1961 г. на очередном съезде конфедерации ее генеральным секретарем впервые был избран рабочий-металлист Эжен Декан. Усиленными темпами шел процесс „дехристианизации” профцентра. Он завершился в 1964 г. разрывом конфедерации с прежними принципами „христианского социализма”, официальным изменением названия ФХКТ на ФДКТ и принятием нового устава. „Конфедерация, — говорилось в уставе 1964 г., — объединяет профсоюзные организации, открытые для всех трудящихся, решивших при взаимном уважении к их личным философским, моральным или религиозным убеждениям защищать свои общие интересы и бороться за установление демократического общества свободных и ответственных людей”. Одновременно отмечалось, что конфедерация намерена сохранять полную независимость по отношению к государству, партиям и церкви. Прежнее руководство в 1964 г. вышло из конфедерации, уводя с собой часть членов и сохранив прежнее название — ФКХТ (CFCT).

Обновление программы и устава ФДКТ и особенно признание 35-м конгрессом конфедерации (1970) факта классовой борьбы трудящихся против капитала (что означало полный разрыв с прежней христианской концепцией „классового мира”) увеличило популярность профцентра среди трудящихся. Из „карликового” профсоюза (127 тыс. членов в 1964 г.) ФДКТ выросла до второго после ВКТ по численности и значению профобъединения страны (около 800 тыс. членов в 1979 г.). Этот количественный рост (главным образом за счет рабочих ключевых отраслей промышленности — машиностроительной, резинотехнической, нефтяной, электрооборудования и др.) имел своим результатом и качественные сдвиги: низовые профорганизации ФДКТ все чаще выступали совместно с членами ВКТ, требуя от руководства конфедерации единства действий с ВКТ в общенациональном масштабе. Орган ВКТ журнал „На-

род” так оценил преобразования, происшедшие в этом профцентре: „Путь, пройденный от прежней ФДКТ, опиравшейся на принцип классового сотрудничества, до ФДКТ в том виде, как она определилась в настоящее время, отражает эволюцию классового сознания основных категорий трудящихся, их поворот к социальной борьбе”.

Совершенно иную картину представляет эволюция третьего профцентра Франции — **В с е о б щ е й к о н ф е д е р а ц и и т р у д а** — „Форс Увриер” (CGT — FO). Этот профцентр возник в апреле 1948 г. в результате раскола ВКТ группой реформистских профбоссов во главе с **Леоном Жуо** и **Робером Ботро**, имевшими опору среди рабочих и служащих национализированного сектора — государственных служащих, железнодорожников, работников связи.

Идеологическим прикрытием этого раскола стали лозунги „чистого синдикализма”, „независимости” профсоюзов от государства и политических партий и т. д. Фактически это была крупная политическая диверсия империализма США, который в конце 40-х годов с помощью профбоссов из Американской федерации труда — Конгресса производственных профсоюзов (АФТ — КПП) провел широкую акцию в демократическом профсоюзном движении Франции и Италии с целью создания там своей „пятой колонны” и ослабления позиций антифашистских левых сил, в первую очередь коммунистов. Один из лидеров АФТ — КПП **И. Браун** позднее публично признал: „Мы выделяли около двух миллионов долларов в год некоммунистическим профсоюзам Франции и Италии”.

Формальным поводом к расколу **Л. Жуо** и его сторонники избрали отношение ВКТ к „плану Маршалла” — плану экономической „помощи” (читай: закабаления) Западной Европе, разрушенной войной. В ноябре 1947 г. 857 голосами против 127 национальный конфедеральный комитет ВКТ отклонил предложение поддержать „план Маршалла”. Тогда раскольники в самый разгар всеобщей забастовки зимы 1947 г. объявили о выходе части федераций из ВКТ, вызвав тем самым ликование реакции. В апреле 1948 г. раскольнические федерации государственных служащих, работников железнодорожного транспорта, связи и некоторых других на своем учредительном съезде оформились в самостоятельный профцентр под названием „ВКТ — Форс Увриер” („Рабочая сила”) ¹⁴.

¹⁴ В зарубежной печати со временем закрепилась только вторая часть названия — „Форс Увриер”, а для Франции — лишь сокращение: FO (от фр. „Force Ouvrière”).

Организационная структура „Форс Увриер” аналогична ВКТ: ФО строится по территориально-отраслевому принципу и насчитывает более 35 отраслевых федераций и около 100 департаментских союзов. Высшим органом ее является национальный съезд, созываемый раз в год. В промежутки между съездами работой ФО руководит национальная конфедеральная комиссия во главе с конфедеральным бюро в составе генерального секретаря, шести его заместителей и казначея. Фактически вся полнота власти сосредоточена в руках бюро.

Вся деятельность „Форс Увриер” с 1948 г. вплоть до сегодняшнего дня проходила под знаком воинствующего антикоммунизма и откровенного реформизма. Антикоммунизм ФО проявлялся прежде всего в нападках на ФКП, в разрыве контактов с ВКТ, в срыве единства действий профсоюзов в забастовочной борьбе.

Лидеры „Форс Увриер” возвели реформизм в ранг официальной политики классового сотрудничества по типу реформистских профсоюзов Англии, ФРГ или Австрии. Печатный орган ФО еженедельник „Форс Увриер” во время переговоров левых партий о заключении Совместной программы левых сил ¹⁵ поместил в июне 1972 г. речь руководителя Федерации работников национализированной табачной и спичечной промышленности (SEITA), входящей в ФО, которая в концентрированном виде выражает суть политики классового сотрудничества: „Переговоры с предпринимателями федерация считает лучшим способом деятельности, чем забастовки или массовые демонстрации, поскольку переговоры сближают договаривающиеся стороны, а последние противопоставляют их друг другу”.

Антикоммунизм верхушки „Форс Увриер”, их нежелание идти на контакты с руководством ВКТ, бойкот единству действий трудящихся (особенно после сближения ВКТ и ФДКТ) — все это давно вызывает недовольство не только рядовых членов ФО, но и руководителей отдельных отраслевых федераций и департаментских союзов этого профцентра.

С середины 60-х годов в низовых организациях ФО крепла тенденция к единству действий с профсоюзами ВКТ и ФДКТ вопреки раскольнической линии руководства. Это особенно наглядно проявлялось в моменты обострения классовой борьбы. ВКТ и ФДКТ стремятся поддержать эту тенденцию и охотно идут на единство действий с низовыми организациями ФО.

¹⁵ Лидеры ФО не только не поддержали совместную программу левых сил, но и активно выступали против ее реализации.

Автономные профсоюзы. Автономными профсоюзами во Франции обычно называют те синдикаты, которые не входят ни в один из трех крупных профцентров страны. Таких „автономных профсоюзов” несколько десятков, но они отличаются не столько количеством членов (от нескольких сот человек до десятков тысяч), сколько степенью синдикальной и политической активности, позицией в отношении единства действий трудящихся страны. На левом фланге „автономистов” находится Федерация работников национального образования (ФЕН — FEN), состоящая из трех крупных профсоюзных объединений — учителей начальных школ (SNP primaire), преподавателей средних (лицей) и средних специальных (технические коллежи и училища) учебных заведений (SNES) и вузовских преподавателей (SNESUP). В политическом плане это один из наиболее активных и прогрессивных профсоюзов Франции, что отражает историческую традицию французского учительства, всегда защищавшего идеи светского республиканского образования против клерикалов, монархистов, бонапартистов и шовинистов.

В годы IV Республики ФЕН сотрудничала со **СФИО** — SFIO, но после 1958 г. она начала блокироваться с Автономной социалистической партией, а затем — с ее преемницей Объединенной социалистической партией (ОСП — PSU). Из числа лидеров ФЕН вышла и нынешняя руководительница ОСП Югетт Бушардо. Как и у ОСП, экономическую и политическую программу ФЕН отличают непоследовательность и эклектизм. Так, профсоюз выступает с прогрессивными предложениями увеличения кредитов на образование, его демократической реформы, против правительственных субсидий частным (католическим) школам, нередко участвует в совместных действиях в ВКТ и ФДКТ¹⁶. В то же время ФЕН не поддержала совместную программу левых сил, в политическом плане разделяла левацкую концепцию ОСП о „самоуправляющемся социализме”, выступала за „европейскую интеграцию”, утверждая, что природа французского капитализма якобы изменилась в сторону социализации.

В Федерации сильно¹ анархо-синдикалистское левацкое крыло, пытавшееся в дни „красного мая” 1968 г. возглавить анархистствующих студентов. Не случайно одним из лидеров студентов-гошистов стал в те дни национальный секретарь

¹⁶ В отдельных федерациях ФЕН велико влияние коммунистов, а некоторые местные профорганизации даже возглавляют члены ФКП.

ФЕН Ален Жисмар, кончивший свою карьеру за решеткой после попытки в конце 60-х — начале 70-х годов создать во Франции по образу латиноамериканских „леваков” отряды „городских партизан”.

На правом фланге „автономных профсоюзов” Франции долгое время находилась **В с е о б щ а я к о н ф е д е р а ц и я к а д р о в (ВКК — СГС)**, объединяющая часть инженерно-технических работников и служащих государственного и частного секторов. ВКК всегда стояла на крайне консервативных позициях, формально декларируя свою аполитичность. Важнейшим требованием конфедерации являлось требование 1 : 3, т. е. заработная плата любого инженера должна была втрое превышать зарплату самого квалифицированного рабочего.

Долгие годы члены ВКК стояли в стороне от забастовочной борьбы, а нередко играли роль штрейкбрехеров, когда коллеги-ИТР из ВКТ и ФДКТ объявляли забастовку. Однако в 70-е годы положение стало меняться. О серьезных изменениях прежних замкнутых цеховых настроений ВКК говорило участие ее членов в забастовочной борьбе. Первой крупной забастовкой такого рода стала стачка, а также демонстрации на улицах Парижа и других городов в декабре 1972 г. банковских служащих страны, в массе своей членов ВКК. В забастовке участвовали около 100 тыс. человек из 300 банков Франции.

В марте 1974 г. впервые за всю историю существования забастовали служащие крупнейшего „Банк де Франс”. Несмотря на вмешательство полиции, забастовщики добились удовлетворения своих требований.

Наряду с ФЕН, ВКК, упоминавшейся выше Французской конфедерацией христианских трудящихся (СФСТ), отколовшейся от ФДКТ, и другими, существуют десятки еще более мелких „автономных профсоюзов”, не играющих самостоятельной роли в профсоюзном движении страны. Среди них в качестве примера можно назвать профсоюз машинистов парижского метро, или Автономную федерацию профсоюзов полицейских Франции, или, скажем, „союз” представительниц „второй древнейшей профессии” в мире (проституток).

4. Крестьянские ассоциации

Особенности профессиональной организации крестьян во Франции. Французское крестьянство традиционно всегда было менее организовано, нежели рабочий класс. Более того, многие десятилетия правые буржуазные партии умело эксплуатировали консервативные частнособственнические настроения широких

масс мелкого крестьянства (особенно в тех районах страны — Север, Северо-Восток, Центр, — где сильно было влияние католической церкви) для обеспечения голосов сельских жителей на выборах и противопоставления интересов крестьянских организаций „гегемонии города”, т. е. рабочим и служащим.

После второй мировой войны и особенно под воздействием участия Франции с 1958 г. в „Общем рынке” процесс монополистического давления на крестьянство усилился. Массовое разорение мелких крестьян, „исход” молодежи и женщин из деревни резко возросли. Это обусловило обострение классовой борьбы во французской деревне, широкие политические акции крестьянских ассоциаций против аграрной политики правительств V Республики, включая применение так называемых прямых действий: марши крестьян в Париж, блокаду автострад тракторами, комбайнами, грузовиками, отправку по почте посылок с не нашедшими сбыта гнилыми яблоками, виноградом министру сельского хозяйства и т. д. Именно массовое сопротивление крестьянства вот уже почти 30 лет ставит помехи реализации закона 1960 г. „О сельскохозяйственной ориентации”, осуществляемого правительством под флагом „рентабельности” французского сельского хозяйства.

В аграрной политике крупного капитала Франции в 70-е годы наметился ряд особенностей. Он отказался от первоначального плана разорения и вытеснения мелких и средних крестьянских хозяйств и прямого захвата (скупки) обширных латифундий (за исключением Севера и Северо-Востока, где уже давно преобладают крупные аграрные и животноводческие комплексы). Вместо этого избрана тактика экономического подчинения крестьянских хозяйств аграрной политике государства и крупным сельскохозяйственным акционерным компаниям. При такой политике мелкий и средний крестьянин превращается, по существу, в „рабочего с наделом земли” при сохранении относительно высокой производительности труда в тех отраслях, где требуется много ручного труда (виноградарство, овощеводство, птицеводство и т. д.).

Такого рода тактика, давно применяемая в отношении мелкой буржуазии города (мелкая розничная торговля и сервис — в руках частника, полностью зависимого от крупных оптовых торговых фирм и компаний), приносит французской буржуазии свои экономические и политические выгоды. Преобладающим типом мелкого и среднего крестьянского хозяйства в

современной Франции становятся „семейные хозяйства”, т. е. хозяйства, не прибегающие к эксплуатации наемного труда¹⁷.

Однако реальную политику в крестьянских организациях пока определяет не множество мелких и средних „семейных хозяйств”, а крупные аграрии (акционерные компании) и кулацкие фермерские хозяйства. Именно их представители заправляют в большинстве общешафцузских крестьянских ассоциаций.

Традиционно все крестьянские ассоциации во Франции делятся на два типа — *профессиональные* (синдикаты — свекловоды, виноградари и т. п.) и *экономические* (кассы взаимопомощи и кредита, кооперативные товарищества и т. д.).

Всеобщая конфедерация сельского хозяйства Франции (ВКСХФ). Профессиональные крестьянские ассоциации представляет ВКСХФ (CGAF), включающая семь крупных федераций: четыре синдикальные (Национальная федерация синдикатов землевладельцев, сельскохозяйственных специалистов — агрономов, зоотехников и т. д., — сельскохозяйственных рабочих и ремесленников-кустарей) и три экономические (кооперативные товарищества, кассы взаимопомощи, кредитные объединения). В сельском хозяйстве ВКСХФ стремится играть ту же роль, что и НСФП (CNPf) в промышленности и торговле, однако координирующая и руководящая политика этой общенациональной сельскохозяйственной ассоциации намного слабее, нежели у НСФП, хотя ВКСХФ и возглавляют крупные аграрии — капиталисты.

Верхушка ВКСХФ в основном занята „глобальными” проблемами сельского хозяйства, главным образом отстаиванием интересов Франции в „Общем рынке”. Это предопределяет ее тесное сотрудничество с правительством по всем остальным вопросам. Так, лидеры ВКСХФ поддержали план правительства о „рентабельности” (т. е. разорении мелких крестьян) сельского хозяйства страны, зафиксированный в законе „О сельскохозяйственной ориентации”.

Внутри ВКСХФ руководящая роль принадлежит крупнейшей синдикальной ассоциации — Национальной федерации синдикатов землевладельцев (НФСЗ — FNSA). Структура НФСЗ схожа со структурой аналогичных объединений НСФП (территориально-отраслевой принцип). Ни-

¹⁷ По нашей классификации „семейному хозяйству” подходит определение „семейный подряд”. В „семейном хозяйстве” в деревне (как и в аналогичном „семейном деле” мелкого буржуа в городе) заняты отец, мать и взрослые дети, их жены или мужья.

зовой организацией НФСЗ является синдикат (профсоюз) землевладельцев коммуны (района). Эти синдикаты объединяются горизонтально в департаментские федерации и вертикально — в федерации по отраслям.

Отраслевые федерации определяют политику НФСЗ. Среди них наиболее влиятельными являются „Всеобщая конфедерация производителей зерновых“, „Всеобщая конфедерация свекловодов“, „Федерация винодельческих ассоциаций“ и „Национальный синдикат винокуров“. Эти четыре главные ассоциации НФСЗ отражают как географию сельского хозяйства Франции (первые две — Север и Северо-Восток, две вторые — главным образом Юг и Юго-Запад), так и социальный состав крестьянских объединений („зерновые“ и „свекловичные бароны“, хорошо оснащенные техникой и работающие исключительно на рынок, — в первых двух; 2—2,5 млн. мелких „семейных хозяйств“, едва сводящих концы с концами, — в двух последних).

НФСЗ стремится сохранить свой контроль над „семейными хозяйствами“ под лозунгом защиты „общих интересов“ всех крестьян-землевладельцев, независимо от размера земельного надела: путем поднятия государственных гарантированных закупочных цен, увеличения государственных кредитов на сельское хозяйство, профессионального обучения сельской молодежи, защиты от конкурентов по „Общему рынку“ и т. д. Изредка лидеры НФСЗ даже „бунтуют“ против руководителей ВКСХФ, санкционируя уже назревший взрыв „прямых действий“ тысяч мелких землевладельцев (блокады авто-страд).

Другую группу крестьянских ассоциаций внутри ВКСХФ составляют менее влиятельные, но пользующиеся большим доверием мелких и средних землевладельцев низовые экономические объединения, среди которых ведущую роль играют Национальная конфедерация сельскохозяйственных касс взаимопомощи (CNCA) и кооперативная система сельскохозяйственных ссудосберкасс (Крестьянские банки), связанная с основным аграрным банком Франции „Креди агриколь“.

По существу, обе эти экономические организации являются старейшей во Франции формой первоначального кооперирования на ссудо-кредитной основе. Характерно, что тенденция к усложнению форм кооперирования в годы V Республики заметно возросла. Мелкие и средние „семейные хозяйства“ уже не могут в одиночку противостоять натиску монополий и наплыву более дешевой сельскохозяйственной продукции

из стран — партнеров Франции по ЕЭС. Их не спасают старые кооперативные формы объединения. Именно поэтому среди владельцев „семейных хозяйств” в годы V Республики появились новые, более высокие формы экономического кооперирования, а также собственные синдикальные объединения. Объективно это вело к тому, что лидеры ВКСХФ теряли прежний контроль над ранее послушной „пехотой”. В политическом плане эти организационные изменения, связанные с глубинными процессами дальнейшего классового расслоения деревни, вели к возникновению мощного оппозиционного движения, способного объединиться с городскими „саларье” и мелкими собственниками в борьбе против общего врага — крупного капитала.

ФКП, всегда проводившая большую работу в деревне, обратила самое пристальное внимание на эти центробежные тенденции внутри экономических федераций ВКСХФ и оказала новым ассоциациям мелких и средних крестьян в V Республике самую действенную поддержку и помощь.

Ассоциации „семейных хозяйств”. Кооперативные объединения. Положение батраков. Одной из первых ассоциаций такого типа стало Национальное движение в защиту семейных хозяйств — MNFA. Оно с самого начала выступило против аграрной политики правительства и заняло оппозиционную позицию в отношении лидеров ВКСХФ, с которой Национальное движение было формально связано.

Вслед за первой синдикальной ассоциацией „семейных хозяйств” на национальном уровне возникли ее „дочерние” филиалы по отраслям: „Лига защиты мелких и средних виноградарей”, „Объединение мелких и средних производителей пшеницы и кукурузы” и др.

Процесс объединения мелких сельских производителей охватил и самую бесправную категорию крестьян: арендаторов и издольщиков. Они также стали создавать собственные ассоциации (секции) по регионам и департаментам, сплоченно выступая в защиту своих прав, против произвола крупных собственников земли и налоговой политики государства. Прогрессивной формой объединения мелких и средних крестьян, арендаторов и издольщиков стало появление в V Республике качественно нового типа кооперации. Наиболее распространенной (до 400 тыс. хозяйств) стала кооперация по совместному использованию сельскохозяйственной техники (один-два трактора, комбайна и т. д. на несколько „семейных хозяйств” или хозяйств арендаторов).

Еще более прогрессивной формой кооперации стали производственные товарищества по совместному ведению хозяйства (нечто вроде наших ТОЗов — товариществ по совместной обработке земли в 20-х годах). Правда, число их пока невелико и объединяют они главным образом семьи родственников из числа середняков (для вступления в такой кооператив нужно внести денежный пай, недоступный большинству бедняков или арендаторов), но сама эта новая для Франции форма кооперации некогда раздробленного на parcelлы крестьянства вызвала большую тревогу у крупных аграриев — лидеров традиционных крестьянских ассоциаций и у правительства. Не случайно по инициативе де Голля правительство еще в августе 1962 г. издало закон, суть которого состояла в финансовом и административном контроле за этими производственными кооперативами под флагом „помощи” новому движению.

Новые явления наблюдаются и в среде сельскохозяйственных рабочих (батраков), насчитывающих более 350 тыс. До майско-июньских событий 1968 г. эта группа сельского населения составляла социально и юридически самую бесправную (после иностранных рабочих) категорию рабочего класса Франции. До 1968 г. большинство батраков формально считались членами Федерации сельскохозяйственных рабочих и ремесленников, входившей в ВКСХФ. На практике большинство из них не состояло ни в каких профсоюзах. Но так как число мелких крестьян-собственников в V Республике неуклонно сокращалось (до 10—12 тыс. ежегодно в 60—70-е годы), а количество батраков столь же неуклонно росло, правительство вынуждено было заняться этой проблемой, особенно после массового участия батраков в общенациональной забастовке в мае — июне 1968 г. Однако только в 1973 г. был принят закон, юридически приравнивавший сельхозрабочих к промышленным рабочим (SMAG) и устанавливавший норму их ежемесячной работы (195 часов в месяц). Хозяин отныне должен был оплачивать сверхурочную работу батраков, но и здесь сохранилась дискриминация: если в промышленности рабочий за сверхурочную работу получает до полуторной часовой ставки, то батрак по закону 1973 г. — только 25 %.

Тем самым неравенство в социальном положении батраков даже по сравнению с городскими рабочими сохранилось. Однако классовое самосознание их после 1968 г. заметно возросло, и не в последнюю очередь благодаря работе коммунистов в деревне.

РАЗДЕЛ 3

ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

1. Современный режим страны. Избирательная система

Общая характеристика государственного устройства. По своему государственному устройству современная Франция относится к буржуазной республике президентского типа. Тип буржуазной республики — парламентарный (Италия, Австрия, Швейцария и др.) или президентский (США, Франция и др.) — определяется в зависимости от того, какими полномочиями наделен глава государства — президент. Поскольку в США со времени их образования в последней трети XVIII в., а во Франции — с момента принятия конституции 1958 г. президенты обладают весьма широкими полномочиями, такой тип республики и называется президентским.

Как и в других промышленно развитых странах, государственное устройство Франции основано на принципе разделения властей — законодательной (парламент, местные органы), исполнительной (президент, правительство и его органы) и судебной. Это разделение, о котором говорится еще в творениях великих просветителей и законодателей Великобритании и Франции XVII — XVIII вв., с юридической точки зрения предусматривает независимость законодательной и судебной власти от исполнительной при подчинении последней парламенту. На практике это формальное разделение носит условный характер, так как функции любого государства, как отмечал В. И. Ленин, целиком зависят от того, в руках какого господствующего класса находится реальная власть¹.

Вместе с тем традиции буржуазного республиканизма имеют во Франции глубокие корни, что наложило заметный отпечаток на „правила политической игры” как в высших, так и в местных органах законодательной, исполнительной и

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 1–119 („Государство и революция”).

судебной власти. Например, в III и IV Республиках классический „путь наверх” начинался с мэра городской или сельской коммуны, затем — депутата нижней палаты парламента и, наконец, министра правительства. Премьер-министры нередко избирались президентами, а бывшие министры — членами верхней палаты парламента (в III и V Республиках — Сената), сенаторами или получали „синекуры” (теплые местечки) в Государственном Совете.

Поскольку во Франции борьба за режим республики (в отличие, скажем, от США или Швейцарии) зачастую носила кровопролитный характер (почти все французские республики возникли в ходе революций), зафиксированный во французских республиканских конституциях набор буржуазно-демократических свобод — печати, собраний, демонстраций, забастовок и др. — был довольно широк. В. И. Ленин писал в этой связи: „В начале эпохи буржуазных революций либеральная французская буржуазия была монархической; в конце долгого периода буржуазных революций... французская буржуазия вся была *переделана* в республиканскую, перевоспитана, переобучена, перерождена”².

Конституция 1958 г. Принятая в результате референдум а 28 сентября 1958 г. Конституция V Республики носила президентский характер (см. в § 3 о функциях президента) и была отмечена явным приоритетом исполнительной власти (правительство) над законодательной (парламент). Такое нарушение исторически сложившегося равновесия между законодательной и исполнительной властью стало возможно из-за экстремальных условий, в которых разрабатывалась и принималась Конституция V Республики.

Колониальная война 1954 — 1962 гг. в Алжире завела режим IV Республики в тупик, расколола французское общество на два противоборствующих лагеря („Алжир французский” и „Алжир независимый”) и после военного путча 13 мая 1958 г. верхушки военных и гражданских „ультра” в Алжире поставила Францию на грань гражданской войны.

В создавшейся обстановке часть правящих кругов решила снова призвать к власти генерала Шарля де Голля как „верховного арбитра”, с 1953 г. ушедшего с политической арены страны. Де Голль непременным условием этого „арбитража” поставил кардинальное изменение режима IV Республики, потребовав принятия новой конституции. Его условия были

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 83—84.

приняты в рекордно короткий срок. Ближайшим окружением генерала во главе с будущим премьер-министром Мишелем Дебре был разработан проект новой конституции.

Этот проект значительно расширял реальные функции президента (который в III и IV Республиках являлся в значительной степени декоративной фигурой), правительства и его уполномоченных — префектов — на местах и заметно сужал полномочия парламента. В целом он напоминал бонапартистские конституции периода I (1804—1814) и II (1852—1870) империй во Франции. В условиях резкого обострения политической обстановки в стране и угрозы гражданской войны голлистам удалось провести свой проект в жизнь: на референдуме 28 сентября 1958 г. 80% голосовавших высказалось „за” него, 20% — „против”. Конституция V Республики вступила в действие 4 октября 1958 г. и остается в своей основе неизменной вплоть до наших дней.

Избирательная система. Избирательными правами обладают все граждане Французской республики³, достигшие к моменту выборов 18 лет. Длительное время возрастной ценз (21 год) был во Франции одним из самых высоких в Западной Европе. Только после президентских выборов 1974 г. он был снижен до 18 лет⁴.

В механизме власти крупной буржуазии развитых капиталистических стран большую роль играет система выборов. В развитых капиталистических странах Запада действуют три основные системы прямых выборов — пропорциональная, мажоритарная и смешанная.

Наиболее прогрессивной является *пропорциональная система* в один тур голосования (места в парламенте и местных органах власти распределяются пропорционально полученным каждой политической партией голосам избирателей). Эта система действует сегодня в Швеции, Норвегии, Австрии, Дании, Нидерландах, Бельгии. В 1945—1951 гг. и в 1985—1986 гг. действовала она и во Франции.

³ Французское законодательство предусматривает два вида гражданства — по происхождению (*d'origine*) и натурализованное (*naturalisé*). Последнее дается крайне редко иностранцам, либо женившимся или вышедшим замуж за французского гражданина, либо за „особые заслуги перед Французской республикой” (участие в войне, в движении Сопротивления, в службе в Иностранном легионе и др.).

⁴ Французская буржуазия, введя в конце XVIII в (период I Республики) самый низкий для того времени возрастной ценз в 21 год для мужчин, долго еще (до 1944 г) не давала избирательных прав женщинам.

Мажоритарная система имеет два типа — в один (США, Великобритания) и в два тура (Франция). Для того чтобы быть избранным, надо набрать в первом туре абсолютное (мажоритарное) большинство голосов (50 % плюс один голос). Поскольку во Франции с ее многопартийной системой в отличие от двухпартийных систем США или Англии редко кому из кандидатов удается сразу получить требуемое количество голосов, французское избирательное законодательство предусматривает второй тур (обычно через одну-две недели, в воскресенье), но к участию во втором туре допускаются только два кандидата, набравших больше всего голосов. Чтобы быть избранным во втором туре, достаточно набрать относительное большинство (больше хотя бы на один голос, чем соперник). По мажоритарной системе в два тура во Франции проводятся выборы президента (с 1965 г.) и депутатов Национального собрания⁵.

Консервативность мажоритарной системы заключается в том, что во втором туре колеблющийся избиратель лишается возможности более широкого выбора кандидата, ибо обычно он поставлен перед дилеммой — или правый, или левый кандидат. Это приводит к тому, что многие избиратели центристского толка или воздерживаются при голосовании (вычеркивают в бюллетене обоих кандидатов), или не участвуют в голосовании во втором туре (абсентизм).

Французская коммунистическая партия и другие левые прогрессивные организации всегда выступали за возврат к пропорциональной системе выборов. Обещал это сделать и Ф. Миттеран, и в 1985 г. пропорциональная система действительно была введена, но после победы правых в марте 1986 г. правительство Ж. Ширака ее отменило и вновь вернулось к мажоритарной системе.

Наряду с прямыми (т. е. избиратели непосредственно выбирают кандидатов) существует и система *косвенных выборов*. При косвенных выборах избиратели сначала выбирают выборщиков, а уже те — одного из кандидатов. В США подобным образом избирается президент — один раз в четыре года, во Франции — один раз в три года одна треть верхней палаты парламента, т. е. Сената. Коллегию выборщиков в Сенат образуют уже избранные ранее депутаты Национального собрания, генеральные (в департаментах) и муниципальные (в коммунах) советники. Выборы сенаторов проводятся по департаментам

⁵ О порядке выборов в местные органы власти и их реформе левым правительством см. ниже — § 4.

и заморским территориям. Однако если депутаты (около 500 человек) и генеральные советники (более 4 тыс. человек) входят в коллегия выборщиков автоматически, то муниципальные советники (их более 100 тыс. человек) предварительно выбирают своих выборщиков.

Сложная система косвенных выборов в Сенат, берущая свое начало в 70-х годах XIX в., вызывает справедливую критику демократической общественности, как и само существование Сената как верхней палаты в целом. Ссылаясь на опыт других буржуазных стран⁶, некоторые французские государствоведы и политики предлагают вообще упразднить Сенат как атавизм законодательной структуры Франции (см. § 2).

Избирательная система Франции знает еще одну специфическую форму голосования — *референдум* (всеобщее голосование всех избирателей в один тур). В ходе референдумов никого не избирают, а лишь высказываются „за” или „против” по кардинальным вопросам внутренней (например, внесение поправок в конституцию) или внешней политики (одобрение или отклонение международного соглашения). Инициатива прибегнуть к референдуму исходит исключительно от президента республики (подробнее см. § 3).

2. Законодательная власть

Согласно Конституции V Республики, высшая законодательная власть в стране принадлежит парламенту, состоящему из двух палат: Национального собрания — *Assemblée nationale* (в III Республике называлась Палата депутатов — *Chambre des députés*) и Сената (в IV Республике называлась Совет республики). Их заседания, как правило, проводятся раздельно и в разных помещениях⁷. Лишь в исключительных случаях (торжественное заседание, посвященное какому-либо крупному национальному юбилею, выступление главы иностранного государства и пр.) проводятся совместные заседания обеих палат.

По традиции Сенат считается верхней палатой, а Национальное собрание — нижней. Закон считается принятым, если

⁶ В некоторых западноевропейских странах (Швеции, Исландии) верхние палаты парламентов давно упразднены

⁷ Национальное собрание заседает в Бурбонском дворце (*Palais des Bourbons*), Сенат — в Люксембургском дворце (*Palais de Luxembourg*). В печати и разговорном языке часто обе палаты называются по месту их нахождения: „За колоннами Бурбонского дворца”, „В кулуарах Люксембургского дворца”.

за него проголосовало большинство в обеих палатах. В годы III Республики голосование в Сенате имело решающее значение: если верхняя палата отклоняла принятый нижней палатой законопроект, он не вступал в силу. Сегодня эти законодательные права Сената сильно урезаны: он может отклонить законопроект лишь один раз, но если Национальное собрание вторично голосует за него, закон вступает в силу.

На практике Национальное собрание имеет большую силу, и именно там в конечном итоге решается судьба законов страны.

Национальное собрание. Национальное собрание избирается сроком на пять лет по мажоритарной системе в два тура. Число депутатов зависит от количества избирателей и в V Республике колеблется от 450 до 577 человек. Подавляющее большинство депутатов представляет Францию — метрополию, и лишь несколько человек — „заморскую Францию” (заморские департаменты и территории — см. § 4).

Пятилетний срок полномочий Национального собрания называется *л е г и с л а т у р о й*. Депутаты обладают парламентской неприкосновенностью на весь срок легислатуры (их нельзя арестовать, производить у них обыск и т. д. без санкции Национального собрания). Депутаты получают жалованье, размер которого они по согласованию с правительством утверждают себе сами.

На первых заседаниях Национального собрания избираются его рабочие органы на весь срок легислатуры. Руководит работой собрания *бюро* в составе 22 депутатов во главе с *председателем* Национального собрания (формально третье лицо в государстве после президента и Председателя Сената). Затем избираются *постоянные комиссии*, где предварительно обсуждаются соответствующие законопроекты. Конституция 1958 г. резко сократила число постоянных комиссий с 20—22 при IV Республике до 6—9 в V Республике и четко указала количество их членов. Традиционными постоянными комиссиями Национального собрания являются комиссии — по иностранным делам (50 членов), обороне (40 членов), финансам и экономике (60 членов), законодательным предположениям (9—11 членов). В связи с увеличением законопроектов по социальным вопросам в годы V Республики появились и новые комиссии — по культуре и делам семьи, молодежи и спорту, по вопросам образования и др.

Каждый депутат обладает правом законодательной инициативы (т. е. может внести на рассмотрение любой законопроект), но согласно процедуре работы парламента все законопроекты сначала обсуждаются в соответствующей постоянной

комиссии, и она решает, выносить проект на пленарное заседание Национального собрания или не выносить.

Председатели постоянных комиссий имеют право вызывать для отчета или разъяснения отдельных вопросов членов правительства. Такие слушания могут быть открытыми или закрытыми (внешнеполитические вопросы, вопросы обороны или государственной безопасности). К числу главных функций Национального собрания относятся принятие законов, утверждение предложенного правительством бюджета и утверждение состава правительства (вотум доверия).

В парламентарной истории Франции нижняя палата всегда играла исключительную роль, особенно в годы III и IV Республик. Проводя идею приоритета исполнительной власти над законодательной, голлисты при разработке конституции V Республики внесли в нее ряд существенных ограничений прерогатив Национального собрания.

Первое ограничение касается длительности ежегодных сессий (заседаний) Национального собрания. В годы III Республики никаких ограничений на длительность сессий Конституция не имела, и на практике палата депутатов заседала до 8 месяцев в году. Конституция 1958 г. (ст. 28) ввела жесткую регламентацию. Национальное собрание собирается на две обычные сессии в год — осеннюю (с первой среды октября и до третьей пятницы декабря) и весеннюю (последняя среда апреля и не более трех месяцев). Общая продолжительность обеих сессий не должна превышать пять с половиной месяцев в год.

30 декабря 1963 г. эта регламентация была усилена: согласно поправке, внесенной голлистским большинством Национального собрания в статью 28 Конституции, были установлены четкие даты заседания его сессий: начало осенней сессии устанавливалось 2 октября с продолжительностью не более 80 рабочих дней, весенней — 2 апреля с продолжительностью не более 90 рабочих дней.

Эти, казалось бы, чисто формальные поправки на практике ограничивают возможности депутатов влиять на политику правительства. Если ранее, в III и IV Республиках, наиболее сложные законопроекты (бюджет, установление подвижной шкалы зарплаты, сроки службы в армии и т. д.) нижняя палата могла обсуждать годами, перенося с сессии на сессию, то теперь это стало очень сложно. Например, Конституция 1958 г. предусматривает обсуждение ежегодного бюджета страны только на осенней сессии и не более 70 дней. Если Национальное собрание не укладывается в этот срок, премьер-министр может передать утверждение бюджета президенту, и тот личным указом

(ордонансом), минуя парламент, может ввести его в действие (правда, за все время существования V Республики такого прецедента еще не было).

Конституция 1958 г. вводит ограничение и на проведение чрезвычайных сессий Национального собрания. Статья 29 предусматривает созыв таких сессий (как правило, после завершения обычных) в двух случаях — по просьбе премьер-министра или по письменному ходатайству большинства депутатов; однако следующая статья (30-я) оставляет за президентом право единолично решать, собирать или нет чрезвычайную сессию.

Целая серия ограничений (ордонансы де Голля 13 и 24 октября 1958 г.) касается состава депутатов Национального собрания и их прав. Главное новшество состоит в том, что в V Республике на одно место в Национальное собрание избираются одновременно два кандидата от одной партии — основной и его заместитель. Сделано это для того, чтобы не проводить дополнительных выборов в парламент (в случае смерти, лишения парламентского мандата, перехода в состав правительства или Конституционного совета основного депутата) и не менять партийный состав высшего законодательного органа в течение всей легислатуры. Совмещение мандатов допускается только в одном случае: депутат (сенатор) может быть одновременно мэром (муниципальным или генеральным советником).

Конституция V Республики сохранила прежние цензовые ограничения для кандидатов в депутаты или сенаторы: возрастной ценз (23 года для депутата, 35 лет для сенатора), воинскую обязанность (обязательно отслужить 18 месяцев в армии, если нет полного освобождения), наличие французского гражданства по рождению или натурализации (в последнем случае — не менее 10 лет).

Сенат. Эта верхняя палата парламента считается представителем местных коллективов и была задумана авторами Конституции 1958 г. как консервативный орган, представляющий провинциальную Францию. Сенат избирается косвенным путем сроком на 9 лет, но каждые три года одна треть его состава обновляется. Всего в Сенате около 300 мест, и они разделены на три серии — А, В, С. Сначала избираются сенаторы от избирательных округов серии А, через три года — В, еще через три — С. Затем все повторяется сначала. Таким образом, состав Сената сохраняется постоянно, и он, как говорят французы, „вечен и бесконечен“. Сенаторы избираются от департаментов (от 1 до 22 в зависимости от количества проживающих в департаменте граждан, имеющих право голоса), включая „Заморскую Францию“ (la France d’Oute-Mer).

Внутренняя структура (бюро Сената, постоянные комиссии), функции и процедура обсуждения законопроектов аналогичны Национальному собранию. Различие состоит лишь в сроках полномочий (легислатуре) да в отсутствии для сенаторов института заместителей. Председатель Сената формально является вторым человеком в государстве после президента и исполняет его обязанности в случае отставки или смерти до новых президентских выборов⁸.

Партийные фракции в парламенте. Неписанные „правила парламентской игры“. Депутаты и сенаторы, избранные в парламент, обычно объединяются во фракции (группы) по партийному признаку. Наличие фракций официально санкционируется, и каждая фракция получает помещение (бюро), вспомогательный персонал (парламентские секретари, машинистки-стенографистки, курьеры и т. д.) и техническое обеспечение (транспорт, пишущие машинки, диктофоны, бумага и т. д.). Однако Конституция V Республики определяет количество членов каждой фракции (для Национального собрания, например не менее 30 депутатов). Партия, имеющая меньшее количество депутатов, лишается права на создание фракции со всеми вытекающими отсюда последствиями (отсутствие помещения, вспомогательного персонала, технических средств и т. д.).

Роль фракций в парламенте очень велика. Фракция избирает своего председателя, который является связующим звеном между депутатами от нее и руководством обеих палат в парламенте (каждая партия, как правило, имеет по две фракции — одна в Национальном собрании, другая — в Сенате).

Все процедурные работы на период легислатуры (повестка дня, очередность выступления ораторов, запросы парламентариев и др.) предварительно согласуются председателями палат с руководителями крупных политических фракций. Их представители входят также в рабочие органы Национального собрания и Сената (бюро, секретариат, постоянные комиссии и т. д.). Согласно парламентской традиции, председателями палат избираются представители той фракции, которая имеет наибольшее число мест, а их заместителями — по одному от каждой крупной фракции.

⁸ *Président par intérim* — и. о. президента. В V Республике имели место два прецедента такого рода — в 1969 г. (неожиданная отставка президента де Голля после проигрыша им референдума) и в 1974 г. (смерть президента Ж. Помпиду). В обоих случаях и. о. президента до новых выборов автоматически становился председателем Сената Ален Поэр.

Председатель фракции имеет право потребовать прервать обсуждение законопроекта для проведения консультативного собрания фракции и выработки единой линии ее депутатов. Существует понятие так называемой партийной дисциплины во фракции — при тайном голосовании по тому или иному законопроекту парламентарии от одной партии выступают единодушно. Но в практике французского парламента так поступают лишь члены „новых (хорошо организованных) партий” — коммунисты, голлисты, реже социалисты. Парламентарии „старых партий” (радикалы, католики, мелкие центристские группировки) редко связаны партийной дисциплиной и зачастую при тайном голосовании игнорируют рекомендацию собственной фракции.

Политическая беспринципность таких парламентариев давно стала притчей во языцех в общественной жизни Франции. Она была особенно типична для режима III и IV Республик. Беспринципная блокировка буржуазных депутатов вопреки позиции своей фракции (при голосовании вотума доверия правительству, бюджета и т. д.) в обмен на министерские кресла, частные выгоды для „своего” избирательного округа — типичная картина парламентских нравов Франции.

Поступающий таким образом депутат или сенатор, формально числящийся от слабо организованной партии, мало чем рискует: ведь его избрали на 5 лет (9 лет — в Сенат) избиратели (выборщики) одного из 800 избирательных округов, а их волнуют прежде всего местные проблемы⁹. Максимум, что может грозить такому парламентарию, это исключение его из партийной фракции. Но он тогда примыкает к другой фракции или объявляет себя „беспартийным”, но место депутата или сенатора со всеми привилегиями (парламентская неприкосновенность, крупное жалованье, бесплатный проезд и т. д.) за ним сохраняется.

В практике буржуазного парламентаризма все основные решения предварительно обсуждаются и предопределяются за кулисами официального зала заседания — на собраниях фракций, в коридорах, парламентских буфетах, по телефону.

Большую роль в повседневной работе парламентов буржуазных стран играют так называемые неписанные „правила игры” и традиции. В Великобритании, например, председатель палаты общин (спикер) сидит на символическом мешке с

⁹ Это хорошо показано в известном французском романе (а затем и фильме) „Скандал в Клошмерле”.

шерстью и в парике. Во Франции традиция запрещает парламентария выступать по заранее заготовленному письменному тексту. Существует также неписанный свод „непарламентских выражений”. Нельзя, скажем, обозвать своего политического противника „ослом”, но можно сказать: „Месье, а у вас, оказывается, в мозгу всего две извилины...”, и т. д. За многие десятилетия существования парламентаризма во Франции сложился целый парламентский жаргон для обозначения процедуры, принимаемых резолюций (например, *le nègre blanc*) и т. д.

Широко применяются всякого рода процедурные уловки. Например, чтобы провалить негодный оппозиции законопроект, ее представители намеренно затягивают его обсуждение до истечения срока очередной сессии (выступают по многу часов один за другим, можно в это время читать с трибуны библию или телефонную справочную книгу). В арсенале „парламентской игры” нередко используется и обструкция. Депутаты оппозиции или намеренно не приходят в зал заседаний (во Франции за это введены даже специальные штрафы), чтобы сорвать необходимый кворум (этим часто пользуется парламентская оппозиция в Японии), или устраивают шумные скандалы представителям правительства и правящему большинству (крики, грохот пюпитрами, оскорбления). Нередко такого рода обструкции заканчиваются дракой. Для таких случаев предусмотрена так называемая парламентская полиция в лице дюжих служителей (доступ обычной полиции без разрешения председателей палат в помещения парламента запрещен), которая растаскивает и утихомиривает разбушевавшихся „избранников народа”.

3. Исполнительная власть

Президент. С 1962 г. де Голль заметно ослабил зависимость президента от законодательной власти. Начало этому было положено с порядка выбора президента. Так, в III и IV Респуб-ликах президентов выбирали на совместном заседании обеих палат парламента с участием выборщиков от „нотаблей”: обычно выдвигали свои кандидатуры несколько претендентов, а выборы растягивались на много дней, так как для избрания необходимо было собрать квалифицированное большинство, или $\frac{2}{3}$ голосов. Теперь же, в V Республике, с 1965 г. (первые выборы по новой системе) президента (как и ранее во II Респуб-лике) избирают все граждане по мажоритарной системе в два тура. Срок полномочий президента остался прежний

(7 лет)¹⁰, усложнилась процедура выдвижения кандидатов в президенты.

Закон 6 ноября 1962 г. и декрет от 14 марта 1964 г. устанавливают следующий порядок выдвижения кандидатов: необходимо собрать 100 подписей „нотаблей” от не менее чем 10 департаментов; зарегистрировать эту заявку в Конституционном совете не позднее чем за 18 дней до первого тура выборов; внести залог в 10 тыс. франков, который не возвращается, если кандидат наберет менее 5 % голосов. (Схожий и довольно простой порядок выдвижения кандидатов существует также и в США; не случайно Франция и США „соперничают” по количеству кандидатов в президенты.)

Изменение процедуры выборов президента сказалось и на их методах борьбы. Если ранее закон запрещал использование государственного радио и телевидения в избирательной кампании, то теперь, наоборот, декрет 14 марта 1964 г. давал каждому официально зарегистрированному кандидату по два часа на радио и на телевидении (по 16 минут ежедневно) в течение 15 дней. Этим правом могли воспользоваться все кандидаты до первого тура и два из них, прошедших на второй.

Подключение на американский манер таких мощных средств массовой информации, как радио и телевидение, находившиеся под контролем правительства, призвано было расширить избирательную базу президентских выборов, вовлечь в них максимальное количество граждан (прежде всего в провинции), ибо усиление исполнительной власти и падение престижа парламента вызвало в годы V Республики тревожный симптом — политическую пассивность избирателей. Уже референдум 28 октября 1962 г. об изменении процедуры выборов президента показал, что из почти 22 млн. имеющих право голоса 6,5 (около $\frac{1}{3}$) отказались прийти на избирательные участки. Следует отметить, что за два последующих после 1962 г. десятилетия эта пассивность возросла. Например, на выборах в Европейский парламент (ЕЭС) в июне 1984 г. уже около половины избирателей не явилось на голосование.

Ф у н к ц и и п р е з и д е н т а V Р е с п у б л и к и включают два вида деятельности — *обычные* (присущие любому главе

¹⁰ В 1972–1974 гг. президент Ж. Помпиду предлагал сократить срок полномочий президента с 7 до 5 лет (на срок легислатуры Национального собрания), но это предложение, положительно встреченное парламентом, после смерти Ж. Помпиду так и не было реализовано. В 1988 г. его вновь выдвинул Ф. Миттеран накануне президентских выборов.

государства) и *специфические* (присущие только президенту Франции). К *обычным* относятся функции представительские (прием верительных грамот послов, присутствие на торжествах, визиты за границу и др.), председательские (президент заседает во главе комитетов начальников родов войск армии и других высших комитетов), юридические (право помилования осужденных), парламентские (промульгация законов — promulgation, — принятых парламентом, открытие и закрытие президентским ордонансом чрезвычайных сессий парламента) и др.

Специфические функции президента появились лишь с принятием Конституции 1958 г. Эта Конституция и принятые в 1958—1964 гг. в ее развитие законы ввели понятие резервированного сектора, т. е. тех областей государственной деятельности (армия, государственная безопасность, внешняя политика), которыми президент руководит лично и постоянно. Эта взятая из конституции США форма широко применяется всеми президентами V Республики, особенно в области внешней политики. Значительно увеличивающееся число заграничных поездок, в ходе которых президенты не только представляют страну, но и решают крупные международные вопросы, перенесло центр тяжести французской дипломатии в V Республике из особняка на Кэ д'Орсэ (Quai d'Orsay — резиденция МИД Франции) в Елисейский дворец (Palais des Champs Elysés — официальная резиденция президента).

Увеличились полномочия президента в области внутренней политики, особенно по отношению к парламенту. В V Республике не Национальное собрание, а президент назначает премьер-министра, парламент затем лишь утверждает предложенный премьер-министром состав правительства (ст. 8). Президент имеет право досрочно распустить Национальное собрание (например, если оно не утвердило предложенный премьер-министром состав правительства) и назначить новые выборы (ст. 19).

Мощным орудием в руках президента для игнорирования решений парламента является право объявлять референдум (ст. 11). И наконец, статья 16 Конституции дает президенту право объявлять в стране на срок до 6 месяцев чрезвычайное положение. В этом случае Национальное собрание распускается и страна управляется на основе президентских ордонансов (указов), которые затем подлежат утверждению в парламенте.

Таким образом, президент Французской республики по Конституции 1958 г. обладает широкими полномочиями и в своей государственной деятельности не ответствен перед

парламентом, как это имело место ранее — в III и IV Республиках.

Конституция V Республики (ст. 68) предусматривает лишь один случай юридической ответственности президента перед парламентом: измена Родине, обвинение в которой предьявляется от имени обеих палат парламента. В этом случае палаты избирают Высший суд (la Cour Suprême) из 24 парламентариев, которые и судят президента (а также министров) за предательство Родины¹¹.

Правительство. Конституция 1958 г. превратила правительство в рабочий орган при президенте, который председательствует на его заседаниях¹² (система, давно существующая в США). Главой правительства является премьер-министр. Он составляет список своего правительства (формирует кабинет) и сначала утверждает его у президента, а затем просит у Национального собрания „*вогум доверия*” (тайное голосование депутатов по программе и составу правительства).

Функции премьер-министра весьма обширны. Он — второе после президента лицо в иерархии исполнительной власти: замещает президента в различных правительственных комитетах, на международных переговорах и представляет правительство в парламенте. Для повседневного руководства премьер-министр располагает официальной резиденцией (Hôtel Matilion — отель Матийон), личным кабинетом секретарей (20—30 человек) и генеральным секретариатом правительства (административно-технической службой).

Помимо общего руководства работой правительства премьер-министр ведает целым рядом государственных служб, куда назначаются члены правительства в ранге государственных секретарей при премьер-министре.

Состав правительства. В V Республике усложнилась иерархия членов правительства и постепенно (как и в

¹¹ В новейшей истории Франции только один такой случай имел место. в 1945—1946 гг. Высший суд парламентариев судил главарей марионеточного режима Виши — маршала Ф. Петена, П. Лавалья и др. Многие из них (П. Лаваль и др.) были приговорены к смертной казни и повешены, но Петену тогдашний глава правительства де Голль заменил смертный приговор пожизненным тюремным заключением, где маршал и умер в 1951 г.

¹² Такое заседание с участием президента называется „Совет министров” (Conseil des ministres). Премьер-министр имеет право собрать правительство и в отсутствие президента, но тогда такое заседание называлось уже не „Совет”, а „Кабинет министров” (Cabinet des ministres); круг вопросов, который может решать Кабинет без президента, ограничен

IV Республике) возросло их количество. По характеру своих полномочий члены правительства делятся на три группы: *государственные министры* (заместители премьера, но при этом они могут возглавлять и конкретные министерства), *министры* (подразделяются на министров „с портфелем” и „без портфеля”¹³) и *государственные секретари* (подразделяются также на три группы: при премьер-министре, при министре и сами по себе, во главе каких-либо правительственных служб).

В период „классического голлизма” (60-е годы) состав правительства не превышал обычно 25–30 человек (в кабинете премьер-министра Ж. Помпиду в 1962–1968 гг. было 4 государственных министра, 18 министров и всего 4 государственных секретаря). В президентство В. Жискара д’Эстена правительство расширилось до 50 человек (в кабинете Ж. Ширака в 1974–1975 гг. были уже 1 государственный министр, 16 министров и 23 государственных секретаря).

Такое увеличение министерских должностей (особенно государственных секретарей) в середине 70-х годов было связано как с общим усложнением управления (особенно в социально-экономических областях), так и со стремлением В. Жискара д’Эстена, в традициях буржуазной демократии Франции, дать всем политическим партиям и группировкам, поддержавшим его на президентских выборах 1974 г., места в правительстве.

По своим функциям все французские министерства и ведомства условно разделяются на две группы – „классические” и „специфические”. К *классическим* относятся те министерства, которые имеются в любом государстве, – Министерство иностранных дел, обороны, финансов (во Франции – финансов и экономики), внутренних дел и др. *Специфическими* министерствами и ведомствами называются такие, которые имеются лишь в некоторых капиталистических странах или только во Франции. Например, в межвоенный период таковым было Министерство по делам бывших фронтовиков (ветеранов войны)¹⁴.

¹³ *Ministre à portefeuille* – министр, возглавляющий конкретное министерство; *ministre sans portefeuille* – член правительства в ранге министра, но не возглавляющий министерство. Обычно „министров без портфеля” 1–2 человека, и они используются на длительных международных переговорах или посылаются на какие-либо затянувшиеся заседания (в парламенте, в Экономическом и Социальном совете и т. д.).

¹⁴ В V Республике оно называется *Ministère des anciens combattants et des victimes de la guerre* – Министерство по делам бывших фронтовиков и жертв войны (военнопленных, интернированных, депортированных, узников фашистских концлагерей).

В V Республике особенно с 1974 г. число специфических министерств и ведомств резко увеличилось. В президентство В. Жискара д'Эстена появилось Министерство „качества жизни” (*qualité de vie*), которое занималось традиционными проблемами социального обеспечения, а также вопросами культурного досуга, семьи, быта и т. д.

Обострившаяся после „красного мая” 1968 г. молодежная проблема (во Франции она всегда была не только возрастная, но и социальная — большинство безработных обычно составляла молодежь) вызвала создание нескольких „молодежных” государственных секретариатов (комитетов) — по профтехобразованию, дошкольному воспитанию и образованию, по делам молодежи и спорта, по делам университетов (многочисленные реформы среднего и высшего образования 1965—1986 гг.).

Обострение проблемы окружающей среды привело к созданию госсекретариата по экологии. Подобные ведомства возникли и в других развитых капиталистических странах.

Государственный аппарат. В. И. Ленин отмечал, что в механизме функционирования буржуазной государственной машины „...смена министров значит очень мало, ибо реальная работа управления лежит в руках гигантской армии чиновников”¹⁵. Это видно на примере Франции, где в годы III и IV Республик частая смена правительств (и министров) особенно наглядно демонстрировала силу государственного аппарата в повседневном управлении страной: министры менялись (например, с 1946 по 1958 г. более 20 раз), но аппарат министерств оставался стабильным.

В современной Франции действует весьма организованный буржуазный государственный аппарат, ядро которого образуют чиновники. Исторически он возник очень давно, еще в XVII—XVIII вв., в эпоху абсолютизма, как основной инструмент управления страной. Чиновничье-бюрократический корпус аппарата управления был кардинально усовершенствован во времена консульства и империи Наполеоном Бонапартом. Именно он перенес на гражданский государственный аппарат основные принципы комплектования офицерского корпуса армии: разбивку всех чиновников на ранги (звания), принцип конкурсного замещения должностей („экзамен на чин”); он же усовершенствовал систему подготовки чиновников, принципы их оплаты и т. д.

Последующее законодательство XIX — начала XX в. лишь совершенствовало заложенные Наполеоном принципы. Нынеш-

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 202.

нее положение работников публичной (государственной) службы определяется тремя фундаментальными законами — 1919, 1946 и 1959 гг. — и их последующей модификацией в результате реформ административного аппарата.

Структура государственного корпуса чиновников. Закон 1946 г. разбил всех государственных служащих на четыре класса (ранга) — А, В, С и Д, объединенные французским понятием „кадры” — *le cadre*. Закон четко определяет права каждого класса чиновников, а также перечень их обязанностей. Класс А (высших чиновников, около 20%) включает элиту французского чиновничества — начальников департаментов, отделов служб и т. д. Класс В (старшие чиновники, около 40%) — самый многочисленный, это исполнители установок, исходящих от класса А. Класс С (30%) и класс Д (7%) составляют технические исполнители решений (младшие чиновники). Система классов (рангов) едина для всей страны и не зависит от министерств и ведомств. Предусматривается, что переход из одного министерства в другое может быть только по „горизонтали” (на ту же должность) или „в гору” — на повышение. Рангу (классу) соответствуют и должности и жалование. Чиновники в любом министерстве получают примерно одинаковое жалование, устанавливаемое в зависимости от „классности”.

Набор на службу в государственный аппарат проводится по классам (рангам) на основе конкурсного экзамена (собеседования). Формально никаких ограничений для участия в этом конкурсе для мужчин и женщин нет, кроме трех: обязательно французское гражданство, отсутствие судимости с поражением в гражданских правах („хорошее моральное поведение”) и выполнение обязанностей по всеобщей воинской повинности (или отслужить в армии, или иметь освобождение — „белый билет”).

На практике конкурсные комиссии соответствующих министерств могут весьма широко трактовать „хорошее моральное поведение” или обязательство о воинской службе. В 50-е годы — период „холодной войны” — на основе такой трактовки „хорошего морального поведения” отдельные министерства не допускали к конкурсу кандидатов из-за их принадлежности к ФКП.

Дискриминация касалась и женщин: многие десятилетия их не допускали к конкурсу (особенно по классу А и В) на том основании, что они... не отслужили в армии. Лишь в конце 70-х годов это ограничение для женщин — кандидатов в чиновники было отменено.

Каждому классу соответствуют перечень обязанностей, которые должны исполнять чиновники, и образовательный уровень: для первых двух классов — высшее образование (диплом DESS), для двух последних — незаконченное высшее (диплом DEUG или licence) или среднепрофессиональное (диплом DUT). Формально каждый выпускник любого вуза или лицея может подать на конкурс, но на практике предпочтение отдается (в классе В) выпускникам „больших школ” — les grandes écoles.

Класс А во Франции комплектуется почти исключительно из ENA — Национальной школы администрации. Причем по ряду ведомств (Государственный совет, Счетная палата, Генеральная инспекция финансов и др.) окончивших эту школу зачисляют на вакантные должности без конкурсных экзаменов.

Управление государственным аппаратом. В отличие от некоторых других капиталистических стран во Франции чиновники помимо непосредственного ведомственного подчинения по соответствующему министерству находятся еще в ведении специального Генерального директората управления и публичной службы, возглавляемого государственным секретарем. Директорат следит за оплатой труда всех чиновников и их социальным обеспечением, контролирует набор „кадров” (представители директората присутствуют на конкурсных экзаменах), следит за служебным продвижением чиновников, пресекает ведомственную „самодеятельность” отдельных министерств.

При Генеральном директорате имеется консультативный орган — Высший совет публичной службы, возглавляемый премьер-министром или его представителем. В этот Совет входят делегаты от профсоюзов государственных служащих и представители от различных министерств и ведомств. Совет следит за единообразием применения законов ко всем чиновникам и рассматривает предложения по административным реформам о статусе работников публичной службы.

Такая структура управления государственным аппаратом призвана выделить чиновников в особую социальную группу („касту”), или, как определял ее В. И. Ленин, „армию”, которая „...окружена атмосферой буржуазных отношений, дышит только ею, она застыла, заскорузла, окоченела, она не в силах вырваться из этой атмосферы...”¹⁶. Французские законы еще со времен Наполеона изъяли чиновников из юрисдикции

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 203.

обычных гражданских судов и передали их под контроль административной юстиции (подобно армии, где есть свои военные трибуналы). Вплоть до сегодняшнего дня ни один обычный французский гражданский суд не примет иск (жалобу) чиновника на свое начальство, а отошлет его в специальные административные трибуналы, находящиеся в ведении Государственного совета¹⁷. Исключение делается лишь в случаях уголовного преступления.

Статут чиновников и его кризис. В отличие от других стран (царской России, Италии, кайзеровской Германии и др.) во Франции профессия чиновника всегда считалась почетной, хорошо оплачиваемой и стабильной. Еще в XIX в., когда другие классы и социальные группы не знали, что такое оплачиваемый отпуск, пенсия, надбавки за хорошую работу к зарплате, чиновники все это уже имели. Даже мелкий французский чиновник всегда знал, через какое время он получит повышение по службе (как и в армии, в госаппарате установлен срок пребывания на определенной должности), с какой должности он может раньше уйти на пенсию („сидячая” – в 63 года, „стоячая”, т. е. постоянные командировки, – в 60 лет), сколько времени он может находиться в резерве (сохранять класс, все привилегии и право восстановления на прежней должности) и т. д.

Более того, Франция стала первым среди капиталистических стран государством, где была введена система оценок канцелярского труда чиновников. Специальные декреты 1949–1952 гг. ввели систему „зачетных очков”. Ежегодно в каждом ведомстве специальные комиссии оценивают в баллах работу всех чиновников по специальной таблице (состояние здоровья, профессиональная компетентность и ее рост, организованность, рвение, скорость выполнения задания, аккуратность в работе, отвлечение на посторонние разговоры, курение и др.). Все это подробно фиксируется в специальных анкетах, обрабатывается на ЭВМ и вывешивается на видных местах, причем любой чиновник имеет право обжаловать общую сумму баллов как полученную „субъективно” (например, подсчет времени на курение). Те же из них, кто регулярно набирает необходимый минимум, медленно, но верно продвигаются вверх по служебной лестнице (переходят из класса в класс, с низкооплачиваемой должности на более оплачиваемую).

¹⁷ По форме такие „дисциплинарные трибуналы” (в министерствах, вузах, школах и т. д.) напоминают старые российские офицерские „суды чести”, но во Франции в отличие от царской России чиновник имеет право обжаловать их решение в Высшем совете публичной службы.

Необходимо, впрочем, отметить, что профессиональный уровень французского чиновничества (в отличие, скажем, от дореволюционной России) всегда был и остается очень высоким. ФКП многократно заявляла, что в случае победы социализма во Франции коммунисты (в отличие от большевиков) не станут разгонять старый государственный корпус чиновников.

Вместе с тем и эта, казалось бы, хорошо отлаженная система функционирования чиновничества имеет свои серьезные недостатки.

Например, система баллов не спасает рядовых чиновников от произвола администрации или личностных оценок. Правда, во Франции все это делается достаточно гибко и тонко. Так, в 1952 г. наряду с „обычным порядком” продвижения по службе (оценка в баллах) был установлен дополнительный „исключительный порядок”. под флагом „государственной необходимости” высшие чиновники допускались к сдаче экзамена на класс (например, из класса В в класс А) без конкурса, для них создавались дополнительные должности или организовывались экзамены облегченного типа.

Для высших чиновников класса А большой отдушиной в общем жестком правиле оценок и экзаменов стало „откомандирование” (в ООН, посольства, в аппарат премьер-министра, избрание в парламент или руководящий состав профсоюза). В таком случае высший чиновник сохраняет все привилегии (кроме жалованья) и по возвращении — право на дальнейшее продвижение (срок службы идет ему своим чередом).

Дав чиновникам немало важных административных и социальных привилегий, французская буржуазия поставила перед ними ряд важных ограничений. Самое существенное из них — требование политической внепартийности и отказ от публичного выступления против властей (например, забастовка) вне рамок своей „касты”. Старый закон 1883 г. требовал от чиновников под угрозой досрочного увольнения без права на пенсию „быть сдержанным” по отношению к высшим властям. На практике это означало запрет на критику в адрес любого вышестоящего лица — от непосредственного начальника до президента. Даже история V Республики полна примеров дисциплинарных взысканий против мелких чиновников, осмелившихся критиковать начальство ¹⁸.

¹⁸ Так, в 1971 г. Государственный совет осудил одного чиновника, который во время предвыборной кампании выступил на митинге как избиратель против своего министра-кандидата.

Особо суровые репрессии обрушивались на чиновников, участвовавших в забастовках. В V Республике это гарантированное для всех других категорий граждан право в ордонансе де Голля 1959 г. о статуте государственных служащих даже не упоминалось. В 1947—1950 гг. были запрещены забастовки полицейских, в 1958 г. — служащих тюремной охраны. Однако постепенно ситуация менялась. Огромное разбухание государственного аппарата (только в 1952—1966 гг. число чиновников возросло с 800 тыс. до 1 млн. 300 тыс.) привело к снижению жалования (практически сегодня чиновники класса С и особенно Д получают меньше, чем квалифицированный рабочий), к расширению социальной базы чиновничества (сегодня 60 % его составляют выходцы из так называемого среднего класса — из семей мелких служащих и торговцев). Все это вызвало качественные изменения в складывавшейся десятилетиями системе чиновничьей иерархии.

В 1963 г. правительство было вынуждено наконец официально дать государственным служащим право на забастовку. В дни „красного мая” 1968 г. тысячи государственных и муниципальных служащих низших классов приняли участие в забастовках. В 1971 г. впервые организованно был проведен „национальный день требований” государственных служащих школ, вузов, почты, префектур, требовавших повышения зарплаты и улучшения условий труда. А в 1976 г. бастовали даже чиновники многих министерств.

Все это свидетельствует, что попытки французской буржуазии сохранить корпус чиновников как своеобразную управленческую „касту” терпят сегодня провал. Большая часть государственных служащих выступает вместе с остальными трудящимися Франции.

Консультативные органы исполнительной власти — Государственный совет, Высший совет магистратуры, Экономический и Социальный совет, Конституционный совет. Президент и правительство V Республики в своей повседневной работе по руководству страной опираются на специальные высшие государственные консультативные органы (советы), каждый из которых по Конституции 1958 г. наделен функциями контроля в определенной области управления.

Г о с у д а р с т в е н н ы й с о в е т (Conseil d'Etat) является старейшим консультативным органом при правительстве (создан еще Наполеоном в период консульства во Франции). Он обладает двойными функциями: 1) это высший административный орган, представляющий правительству заключения о деятельности государственного аппарата (правомерность

тех или иных реформ, прав и обязанностей государственных служащих и т. д.); одновременно он разбирает жалобы чиновников на своих начальников (до 3 тыс. в год). В последнем случае решения Государственного совета являются окончательными и обжалованию не подлежат; 2) он является органом, контролирующим деятельность правительства с точки зрения соответствия принимаемых правительством декретов Конституции.

Вторая функция в V Республике используется очень редко, так как председателем Государственного совета обычно является сам премьер-министр (редко — министр юстиции). Зато часто применяется первая функция административной юстиции, особенно против низших классов государственных служащих (штрафы за участие в „незаконных” забастовках, нарушения этики чиновника „быть сдержанным” в политике, незаконное совмещение частной практики с государственной службой и др.).

Консервативный характер Государственного совета проявляется и в порядке его формирования: с самого своего основания в 1799 г. его члены не избираются, а назначаются главой государства (императором, королем, президентом) по представлению министра юстиции. Обычно членами Государственного совета являются уже весьма пожилые люди — вышедшие в отставку министры, послы, генералы, высшие чиновники из класса А.

Высший совет магистратуры (Conseil suprême de la magistrature) создан в 1946 г. по Конституции IV Республики как консультативный орган при президенте по юридическим вопросам. До 1958 г. Совет обладал довольно большими полномочиями: через него президент осуществлял все юридические назначения (в суды, прокуратуру и т. д.); Совет давал заключение президенту на просьбы осужденных о помиловании (например, о замене смертной казни пожизненным тюремным заключением или каторгой и др.), выносил дисциплинарные взыскания судебским работникам.

Конституция 1958 г. значительно сократила круг полномочий Высшего совета магистратуры, по сути, превратив его в орган административного контроля при президенте за деятельностью судебных работников. Был даже изменен сам метод комплектования Совета: до 1958 г. из 12 членов 10 выбирались самими судьями и Национальным собранием и лишь 2 человека назначались президентом. По Конституции V Республики количество членов Высшего совета магистратуры сокращено до 9 человек и все члены его отныне назначаются президентом сроком на 4 года.

Экономический и Социальный совет (Conseil Economique et Social) является консультативным органом при правительстве по социально-экономическим вопросам. Возникновение такого ранее неизвестного в буржуазных государствах органа¹⁹ связано с обострением классовой борьбы и попытками крупной французской буржуазии ослабить накал забастовочного движения путем перенесения острых социальных вопросов с улиц и предприятий в своеобразный „профсоюзный парламент” при правительстве.

Экономический и Социальный совет по Конституции 1958 г. образуется сроком на пять лет (как и легислатура Национального собрания) из двух категорий представителей: $\frac{1}{3}$ (65 членов) назначается правительством из числа высших чиновников хозяйственных министерств и ведомств, представителей („делегатов”) дирекций крупных национализированных или частных предприятий, банков, компаний и т. д.; $\frac{2}{3}$ (135 членов) делегируются в Совет крупными профсоюзными организациями рабочих и служащих, наиболее многочисленными крестьянскими ассоциациями, профессиональными объединениями преподавателей, студентов и родителей, творческими объединениями (писателей, художников, артистов) и т. д. Организация, представленная в Экономическом и Социальном совете, считается „головной” и имеет юридическое право на демарши перед исполнительной властью (право на прием у премьер-министра, министра, префекта и т. д.) и некоторые экономические преимущества в распределении бюджетных дотаций²⁰.

Экономический и Социальный совет, задуманный как инструмент буржуазного реформизма и форум „полюбовного” решения антагонистических конфликтов между трудом и капиталом, ни в прошлом (III и IV Республики), ни в настоящее время (V Республика) не выполнил пока первоначально отведенной ему функции запасного клапана для выпуска накопившегося в стране пара социальных противоречий. Это связано с тем, что, несмотря на внешне большое представительство от самых широких профессиональных, культурных, региональ-

¹⁹ Впервые такой консультативный орган под названием „Национальный совет экономики” возник во Франции в 1925 г. В период Народного фронта 30-х годов он был реорганизован и расширен. Конституция 1946 г. законодательно определила функции этого органа и порядок его образования.

²⁰ Например, во Франции существуют несколько студенческих профессиональных союзов, но в Экономическом и Социальном совете представлен только один — Национальный союз студентов Франции — Union Nationale des étudiants de France (UNEF).

ных объединений трудящихся (наряду с представителями капитала при арбитражной роли правительства), Совет лишен реальных полномочий — его рекомендации носят консультативный характер и необязательны для правительства. По сути, основная функция Совета свелась к обсуждению очередных пятилетних планов экономического и социального развития, отдельных законопроектов по социальным вопросам (о заработной плате, плате за жилье, размере оплачиваемого отпуска и др.), но он не вмешивается в окончательное решение этих важных проблем, которое целиком зависит или от правительства, или от парламента страны. На практике представители профсоюзов в Совете используют его трибуну для критики социально-экономической политики правительства, а против наиболее неприемлемых для трудящихся законов применяют испытанный десятилетиями метод борьбы — забастовки и манифестации.

К о н с т и т у ц и о н н ы й с о в е т (Conseil constitutionnel) — единственный из консультативных органов V Республики, обладающий реальными полномочиями в государственной жизни страны. Если три предыдущих консультативных органа в V Республике в значительной степени потеряли свои первоначальные функции, то Конституционный совет (в IV Республике — Конституционный комитет при парламенте), наоборот, расширил свои прерогативы, по существу, превратившись в подобие Верховного суда США (но без юридических полномочий, например права смягчать судебные приговоры).

Конституционный совет обладает двумя основными функциями: *первая* — следить за конституционностью принимаемых парламентом законов и издаваемых правительством декретов; *вторая* — проводить общенациональные выборы в парламент, в президенты и референдумы (регистрировать кандидатов и утверждать результаты голосования).

Формально юридически Конституционный совет как бы стоит над всеми — над президентом, правительством и парламентом. Согласно статьям Конституции V Республики, президент, например, обязан предварительно проконсультироваться с членами Совета, прежде чем применить статью 16 Конституции (объявить чрезвычайное положение в стране и распустить парламент) ²¹.

Совет может признать подписанный кем-то из министров правительства международный договор не соответствующим

²¹ Мнение Совета в этом случае носит для президента факультативный (т. е. необязательный) характер.

конституции, и тогда его нельзя передавать в парламент на ратификацию до изменения самой конституции, т. е. практически такой договор не вступает в силу.

Вместе с тем статут Конституционного совета не позволяет ему эффективно контролировать деятельность президента и правительства, давая лишь право на факультативные консультации. Например, Совет технически проводит референдумы, но право объявлять референдум и ставить на нем вопросы передизбирателями принадлежит исключительно президенту. Более того, одобренный на референдуме закон не подлежит обсуждению в Конституционном совете на предмет его соответствия конституции (но закон, принятый парламентом, Совет может опротестовать).

Аналогичные ограничения касаются контроля за деятельностью премьер-министра. Например, премьер может досрочно распустить Национальное собрание или, наоборот, отказаться собрать его на чрезвычайную сессию, а Конституционный совет бессилен воздействовать на главу правительства.

Важным средством влияния на деятельность Совета является порядок его формирования. Состав Совета, утверждаемый ординасом президента сроком на 9 лет (при обновлении $\frac{1}{3}$ каждые 3 года — процедура, аналогичная формированию Сената), образуется из двух категорий членов: членов „по праву” и „назначаемых членов”. Членами „по праву” автоматически становятся все здравствующие бывшие президенты Франции. „Назначаемыми членами” являются 3 человека от президента Республики (он же назначает председателя Конституционного совета из числа его членов), 3 человека от председателя Национального собрания и 3 — от председателя Сената. Поскольку в V Республике президенты до марта 1986 г. всегда имели большинство в Национальном собрании и поэтому формировали правительство из своих сторонников, они и в Конституционном совете имели большинство (6 против 3). Что касается здравствующих экс-президентов, то их никогда не было слишком много (в момент создания Конституционного совета всего два — Венсан Ориоль и Рене Коти), и не они определяли исход голосования.

Таким образом, на практике в V Республике Конституционный совет играет роль консультативного органа при президенте, который всегда может использовать его как инструмент давления на законодательную власть (парламент). Правда, после избрания в 1974 г. В. Жискара д'Эстена президентом и завершения эпохи „классического голлизма” члены Конституционного совета пытаются проводить более гибкую политику, изредка опротестовывая решения исполнительной власти

(правительства), однако для такой „арбитражной” роли Совету не хватает юридических полномочий.

Не случайно в последние годы среди французских государствоведов все чаще раздаются голоса о передаче прерогатив контроля за соблюдением конституции из ведения Конституционного совета в ведение Высшего суда.

4. Местные органы власти

„Местные коллективы” в государственной системе страны. Корпус префектов. Особый режим Парижа. Роль „местных коллективов” (самоуправляющихся единиц) когда-то была очень велика во Франции. Традиции местного самоуправления восходят к периоду средневековья, когда города создавали коммуны (советы), отвоевывая или покупая это право у местных феодалов²².

До Великой французской буржуазной революции конца XVIII в. термин „коммуна” употреблялся преимущественно как синоним понятия „выборный совет” только к тем городам, которые некогда имели право на самоуправление. Во время революции была проведена кардинальная реформа местного управления: вместо исторических провинций²³ в 1789—1790 гг. были созданы департаменты (83), а каждый департамент (области) в свою очередь был поделен на городские и сельские коммуны (районы — 44 тыс.).

Одновременно были учреждены местные органы самоуправления: в коммунах — муниципальные советы во главе с мэром (бургомистром), в департаментах — генеральные (департаментские) советы. Осуществленное Французской революцией территориально-административное деление страны и названия местных органов самоуправления сохранились до наших дней.

Конец XVIII в. (1790—1800) был „золотым веком” французского местного самоуправления. Как отмечал Ф. Энгельс,

²² Во французском языке „la commune” имеет два значения: первоначальное — выборный совет жителей города или деревни, последующее — территориальная единица (район, уезд).

²³ Названия исторических провинций (Бретань, Прованс, Нормандия, Лимузен, Франш-Конте и др.), на которые во времена абсолютизма делилась Франция, отражают наименования бывших княжеств эпохи феодальной раздробленности. В V Республике эти исторические названия получили как бы вторую жизнь, ибо, как правило, в их старых границах возникли новые экономические регионы, объединяющие несколько департаментов.

тогда „...каждый французский департамент, каждая община пользовались полным самоуправлением...”²⁴. Однако этот „золотой век” длился всего десять лет. В. И. Ленин подчеркивал, что „капитализм неизбежно ведет к централизации государственной власти, и всякое местное самоуправление безусловно будет побеждено при реакционной государственной власти”²⁵.

В отличие от других стран Западной Европы (Великобритании, Италии, ФРГ), где традиции широкой автономии „местных коллективов” сохранились и упрочились вплоть до наших дней, во Франции еще в начале XIX в. реакционная государственная власть (бонапартизм) ликвидировала завоеванные „местными коллективами” муниципальные свободы. В 1800 г. первый консул Наполеон Бонапарт упразднил муниципальные и генеральные (департаментские) советы и поставил во главе каждого департамента государственного чиновника — префекта, а во главе объединенных в округа нескольких коммун — супрефекта. Выборность мэров в коммунах была отменена, ибо отныне они назначались либо самим Наполеоном, либо по его поручению префектом.

Корпус префектов („императоров на маленькой ноге”, по выражению Наполеона) оказался весьма жизнестойким, пережив все сменявшие друг друга режимы страны. Несмотря на то что уже революция 1848 г. восстановила выборные органы местного самоуправления, контроль за их деятельностью по-прежнему остался за префектом. Даже в эпоху III Республики опека над мэрами осталась весьма жесткой (закон 1884 г.): префект утверждал все решения муниципального совета, имел право своей властью отстранить мэра от исполнения его функций на месяц, а с санкции министра внутренних дел — на три месяца, по согласованию с Государственным советом и с санкции правительства мог вообще распустить муниципальный совет и назначить новые выборы.

В еще большем подчинении правительству оказались после Парижской Коммуны Париж, Марсель и Лион. Принятый в августе 1871 г. реакционной „палатой деревенщины” закон „Об организации департаментов” не распространял на эти три крупнейших города Франции статут самоуправления. Особенно жесткая централизация касалась столицы. Более ста лет, до середины 70-х годов нашего века, Париж не имел городского самоуправления — им управлял префект департамента Сены (позднее, после разделения этого департамента на два, появи-

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 239.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 164.

лось два префекта: один управлял собственно Парижем, другой — Парижским районом). Старые коммуны Парижа были ликвидированы, а вместо них город был разбит на 20 округов²⁶, во главе каждого из которых был поставлен назначаемый правительством мэр (фактически — супрефект). Выборными были только муниципальные советники города Парижа (60 человек) и генеральные советники департамента Сены (Большого Парижа — 90 человек). Даже либеральный закон 1884 г., несколько расширявший права „местных коллективов”, не изменил статут Парижа.

Многие десятилетия демократическая оппозиция требовала изменения этой строго централизованной системы управления местными органами власти и отмены особых статутов Парижа, Марселя и Лиона. Жители коммун требовали также увеличения государственных расходов на их местные нужды, многие десятилетия составлявших мизерную долю в государственном бюджете страны по сравнению с другими капиталистическими странами Запада²⁷.

Только в V Республике наметился поворот в сторону пересмотра юридического и финансового положения „местных коллективов”, причем наиболее радикальный характер носила реформа 1982 г. о „децентрализации управления” местных органов власти, проведенная левым правительством с участием коммунистов.

Реформы местных органов в 60-х — начале 80-х годов. Нынешняя территориально-административная структура и полномочия местных органов самоуправления представляют собой симбиоз из законов 1789—1790, 1800—1804, 1871—1884 гг. и внесенных в них в 1960—1982 гг. изменений и дополнений. При этом в 1960—1974 гг. голлисты меняли форму (укрупнение департаментов путем объединения их в экономические регионы — ордонанс 2 июня 1960 г.), но оставляли нетронутым содержание — жесткую централизацию, усиливая власть префектов (декрет от 14 марта 1964 г. „О развитии департаментов и статуте префектов и супрефектов”).

Провал референдума де Голля в апреле 1969 г. о реорганизации местного самоуправления (и соответственно об

²⁶ Парижские округа (arrondissements) как административные районы столицы существуют до сих пор. Парижанин не пишет свой почтовый индекс, а ставит: Paris, V-ème (Париж, 5-й округ) и т. д.

²⁷ В начале 70-х годов государственные бюджетные ассигнования на местные нужды составляли: в Швеции, Дании и Голландии — 16%, в Великобритании — 15%, в США — 13%, в ФРГ — 12,5%, в Италии — 10%, а во Франции на нужды коммун шло всего 5%.

упразднении Сената и Экономического и Социального совета путем их слияния в новый орган „новых местных коллективов“) наглядно продемонстрировал, что трудящиеся Франции сумели разобраться в главном — от перестановки слагаемых сумма не меняется: бюджеты новых экономических регионов по-прежнему оставались мизерными, а самое главное — ни о каком широком самоуправлении в регионах речь идти не могла, ибо в них снова всем заправлял... префект, только „региональный“.

Тем не менее преемник де Голля на посту президента Ж. Помпиду довел административную реформу генерала до конца. В 1971 г. в экономических районах, созданных еще в 1955 г., были образованы новые органы управления — Советы экономических регионов.

После поражения голлистов на президентских выборах 1974 г. при В. Жискара д'Эстене был наконец отменен особый статут Парижа. В конце 70-х годов состоялись первые после Парижской Коммуны 1871 г. свободные выборы муниципального совета Парижа и генерального совета Большого Парижа.

Однако подлинную демократическую реформу всей системы органов местного самоуправления провело только левое правительство президента Ф. Миттерана. Принятая в 1982 г. серия законов о „децентрализации управления“ существенно меняла сложившуюся еще при Наполеоне структуру и полномочия местных органов власти, начиная от реформы избирательной системы (введение мажоритарно-пропорционального представительства) и кончая значительным ограничением власти префектов (их даже переименовали в „комиссаров республики“). Заметно возросли финансовые возможности „местных коллективов“ — отныне отчисления на местные нужды могли достигать 25% коммунальных налогов.

Хотя внешне сложившаяся в V Республике структура местных органов власти (коммуна — департамент — экономический регион) не изменилась, ее внутреннее содержание (значительное расширение прав органов самоуправления) претерпело существенную эволюцию к большей самостоятельности и независимости от центральной власти (префектов).

Коммуна. Муниципальный совет. Мэр. Самой мелкой территориально самоуправляющейся единицей является коммуна (их сегодня более 40 тыс.). Коммуны подразделяются на городские (районы города) и сельские. Исторически основу каждой коммуны образовывал церковный приход. Органом самоуправления коммуны является муниципальный совет, избираемый на 6 лет. Количество муниципальных советников зависит от числа жителей коммуны (на 100 жи-

телей — 9 муниципальных советников). Обычно их число колеблется от 11 до 35 человек.

Левое правительство изменило систему выборов в муниципальные советы (закон 19 ноября 1982 г.). Отныне для всех коммун с числом жителей более 3,5 тыс. введена прогрессивная пропорциональная система, причем количество мест в муниципальных советах крупных коммун было увеличено. Это в особенности касалось трех крупнейших городов Франции — Парижа (до 160 мест), Марселя (до 100 мест) и Лиона (до 73 мест). Старая мажоритарная система в два тура осталась лишь в мелких, преимущественно сельских коммунах.

Реформа местной избирательной системы преследовала цель покончить с порочной практикой захвата власти в муниципалитетах „партией мэра”, особенно в крупных городах: победив при старой мажоритарной системе, мэры от правых партий раздавали муниципальные должности только своим сторонникам.

Исполнительным лицом муниципального совета является мэр. Во Франции его служебное положение всегда было сложным. С одной стороны, он — выборное лицо „местного коллектива” (мэра выбирает муниципальный совет на своем первом заседании). С другой, он — „агент правительства”, следящий за исполнением законов (например, ведает призывом в армию) и контролирующей деятельность отдельных звеньев государственного аппарата (например, муниципальной полиции). Одновременно с мэром избираются его заместители (от 1 до 12 человек; в коммунах больших городов — Париже, Марселе, Лионе и др. — у мэра еще больше заместителей).

Порядок работы и функции муниципального совета и мэра. Муниципалитет собирается на четыре регулярные сессии в год (в феврале, мае, августе и ноябре). По требованию мэра, комиссара республики (префекта) или $\frac{1}{3}$ членов совета мэр может собрать чрезвычайную сессию. Все сессии являются публичными (открытыми), и любой житель данной коммуны может присутствовать на сессии в качестве наблюдателя. На каждой из них секретарь муниципалитета (избирается, подобно мэру и его заместителям, на первом заседании тайным голосованием) ведет протокол, в котором фиксируются все выступления и предложения. В перерывах между сессиями всеми делами коммуны руководит мэр.

Функции муниципального совета и мэра весьма обширны. Муниципальный совет утверждает, а мэр реализует (с последующим отчетом на совете) бюджет коммуны. Бюджет коммуны

складывается из нескольких источников: а) надбавок к общегосударственным налогам (подходному, за получение наследства и др.) — 25% от суммы налога в пользу коммуны; б) местных налогов (прямых коммунальных и косвенных — на недвижимость, за аренду муниципальных помещений, проведение зрелищных мероприятий и др.); в) так называемого налога TVA и г) государственных субсидий (обычно на жилищное и дорожное строительство, а также на строительство стадионов, бассейнов, концертных залов и др.)²⁸.

В распоряжении муниципального совета и мэра находится так называемая третья собственность — коммунальная (в отличие от первых двух — частной и национализированной): земля, леса, дороги, административные постройки (начальные школы, муниципальные больницы, церкви, кладбища и др.) и жилые дома (так называемые АШЭЛЭМ — НЛМ).

Всем этим обширным хозяйством мэр управляет через муниципальные службы, работники которых называются „коммунальными агентами”. Эти службы ведают начальным образованием (муниципальный совет набирает учителей начальных школ и выплачивает им жалованье из бюджета коммуны), здравоохранением, строительством, уборкой и очисткой улиц и площадей, пожарной охраной и др. В ведении муниципально-го совета (мэра) находится полиция (ажаны — agents), наблюдающая за порядком на территории коммуны.

Мэр, его заместители занимаются также текущими гражданскими делами: регистрацией гражданских браков, выдачей свидетельств о рождении и смерти, разного рода разрешений и удостоверений, заверением копий документов и т. д.

Кроме того, в обязанности мэра входит организация местных и национальных избирательных кампаний: публикация списков кандидатов (афиш), подготовка избирательных участков, выдача разрешений на проведение предвыборных собраний кандидатов и др.

Департамент. Генеральный совет. Следующей территориально-самоуправляющейся единицей является **д е п а р т а м е н т** (97 департаментов во Франции — метрополии²⁹). Органом

²⁸ Сложная система взимания налогов положила во Франции традицию, согласно которой налоги взимаются или равномерно в течение года, или, по желанию налогоплательщиков, в конце его. Для большинства французов ноябрь — декабрь — самые горячие месяцы: они заполняют декларации о своих доходах и уплате национальных и коммунальных налогов.

²⁹ Помимо них есть еще пять так называемых заморских департаментов (ТОМ), имеющих особый статус „Заморской Франции” (см. с. 129—137).

самоуправления департамента является г е н е р а л ь н ы й с о в е т, избираемый по пропорционально-мажоритарной системе сроком на 6 лет, но каждые 3 года половина совета обновляется. Выборы в департаментский орган самоуправления проводятся по избирательным округам — кантонам (отсюда их название — кантональные выборы), объединяющим несколько коммун³⁰. От каждого кантона избирается один генеральный советник (всего на 97 департаментов их избирается около 4 тыс.). На первом заседании генеральный совет избирает председателя, его заместителей, секретаря (они образуют бюро совета) и департаментскую комиссию (4—7 человек), которая является исполнительным органом генерального совета в период между сессиями (две сессии в год — в апреле и сентябре — декабре). Функции генерального совета аналогичны функциям муниципального совета в коммуне, но на уровне департамента. Особенностью структуры генерального совета до реформы 1982 г. являлось то, что председатель совета и его заместители не обладали реальными полномочиями: председатель лишь руководил заседаниями, а вся текущая работа была возложена на префекта. Именно он проводил решения генерального совета в жизнь. За деятельностью префекта наблюдала лишь департаментская комиссия, обладавшая, однако, весьма ограниченными полномочиями.

Реформа 1982 г. значительно расширила функции генерального совета и департаментской комиссии. Главным новшеством стал контроль совета и комиссии за деятельностью комиссара республики (бывшего префекта). Отныне комиссар республики не может, как было ранее, со времен Наполеона I, отменять своей властью решение генерального совета — он может лишь его опротестовать перед вышестоящими инстанциями. Тем самым левым силам удалось в значительной мере реализовать разработанный еще в 1946 г. проект о существенном ограничении власти префектов в департаментах и коммунах.

Вместе с тем необходимо отметить, что центр тяжести французского местного самоуправления остался в коммуне. Круг обязанностей генерального совета в департаменте (в отличие, например, от федеральных земель в ФРГ) остался по-прежнему весьма скромным. Это дорожное строительство,

³⁰ Кантон (le canton) — промежуточная между коммуной и департаментом административно-территориальная единица Франции, не имеющая выборного самоуправления. Кантон — это избирательный, учебный, военный и финансовый округ (район).

общественный транспорт, эксплуатация административных зданий, содействие центральным ведомствам социальной помощи (больницы, дома для престарелых, сиротские приюты) и образование (лицеи, вузы на территории департамента).

Бюджет департаментского „местного коллектива” складывается на тех же принципах, что и в коммуне.

Экономический регион. В условиях современной научно-технической революции и необходимости решения крупных хозяйственных задач (модернизация городов, строительство автострад, железных дорог, мостов, туннелей, новых линий электропередачи и др.) мелкие дробные административные единицы (коммуны и даже департаменты) стали тормозом эффективного экономического развития французской провинции. Еще в годы IV Республики выдвигались проекты объединения коммун и создания крупных супер-департаментов на единой экономико-географической основе. В 1955 г. вся страна была разбита на 21 экономический регион (позднее их число было увеличено до 26), во главе каждого из которых был поставлен специальный префект-координатор, наделенный широкими полномочиями в экономической и социальной сферах. Главной задачей нового префекта стала координация деятельности различных министерств, частных компаний и „местных коллективов” на уровне его экономического района.

Существенным недостатком нового административного подразделения было отсутствие выборного органа управления регионом. В 1971 г. правительство утвердило дополнения к структуре управления регионами: с ноября 1973 г. наряду с префектом-координатором начали функционировать две региональные ассамблеи — региональный совет из „нотаблей” от данного региона (сенаторы, депутаты, представители генеральных и муниципальных советов) и экономико-социальный и культурный комитет из делегатов от профсоюзов, общественных организаций и культурных ассоциаций (мини-экономический и социальный советы).

С 1974 г. были расширены финансовые возможности регионов — им передали право взимать налог за получение водительских прав и налог за наследование имущества (в целом по стране это увеличивало бюджет регионов до 1 млрд. фр.).

Реформа 1982 г. уменьшила власть регионального комиссара республики (префекта-координатора), дала больше полномочий региональному совету и его председателю, но не решила главного вопроса — создания выборных органов в регионах (за исключением о-ва Корсика). Дело в том, что придание экономическому региону полного (т. е. выборного) статуса

„местного коллектива” неизбежно затронуло бы судьбу мелких коммун, которые давно следовало бы объединить в более крупные единицы. А это, в свою очередь, лишило бы мест выбранных от них „нотаблей” — мэров и муниципальных советников. Поэтому „нотабли” от мелких сельских коммун много лет сопротивляются всем попыткам региональных реформ, включая и создание выборных органов в экономических регионах.

Комиссар республики (префект). Выше уже была прослежена определяющая роль особого правительственного чиновника — префекта — в системе контроля за деятельностью местных органов власти. Хотя реформа местного самоуправления 1982 г. ограничила власть комиссара республики (префекта), особенно в области наблюдения за деятельностью выборных органов „местных коллективов”, и даже поставила (в департаментах) его действия под контроль генерального совета, тем не менее функции префекта остались весьма обширными. Общее определение этих функций в V Республике дал уже упоминавшийся декрет о 14 марта 1964 г. „О развитии департаментов и статуте префекта и супрефекта”: „Префект, представитель власти государства в департаменте, следит за выполнением законов, постановлений и решений правительства. Он делегирован правительством и является прямым представителем каждого из министров”.

Деятельность комиссара республики охватывает очень широкую сферу подведомственных ему территориально-административных единиц (департаментов и экономических регионов). Первая из его функций — политическая (то, что в дореволюционной России определялось общим понятием „политический сыск”). Комиссары республики следят за политическими настроениями избирателей. В префектурах имеются подробные досье на всех видных местных политических и общественных деятелей, всех „нотаблей”, в докладах министру внутренних дел регулярно сообщается об изменениях в общественном мнении и назревающих событиях (о забастовках, манифестациях, блокадах дорог бастующими и т. д.). Особую ценность такие доклады приобретают накануне местных или национальных выборов ³¹.

К числу политических функций комиссара республики относится и наблюдение за проживающими на территории департамента иностранцами. Именно префектура выдает им временный „вид на жительство”, а с санкции префекта жандармерия

³¹ Во времена I и II империй префекты вообще ведали организацией выборов, обеспечивая бонапартистским режимам избрание угодных „нотаблей” и парламентариев.

в 24 часа может выслать за пределы страны любого как „нежелательного иностранца” (например, за участие в забастовке или политическом митинге).

В годы IV и V Республик эта политическая функция префектов всячески камуфлируется. На официальных общенациональных совещаниях префектов Франции постоянно подчеркивается, что префекты стоят „вне политики”, ибо они отстаивают интересы государства „в целом”, а не интересы отдельных политических партий. Этот камуфляж якобы полной политической беспристрастности префекта нашел отражение и в официальных регламентациях статута этого „агента государства”: при де Голле префектам запрещалось вступать в профсоюзы, покидать пределы департамента без санкции министра внутренних дел вне рамок официального отпуска хотя бы на один день и др.

Вторая важная функция комиссара республики определяется широким понятием — п о д д е р ж а н и е о б щ е с т в е н н о г о п о р я д к а в департаменте. Во Франции даже с ее весьма широкими буржуазно-демократическими свободами именно префект давал разрешение на проведение избирательных собраний на площадях, политических митингов в общественных зданиях, различных уличных шествий и т. п. Хотя на практике получить такие разрешения нетрудно, формально комиссар республики может потребовать перенести митинг или демонстрацию в другое место, скажем, под предлогом „безопасности уличного движения”.

Для выполнения данной функции комиссар республики располагает „силами порядка” — жандармерией и ударными отрядами так называемых CRS — „ротами республиканской безопасности”. В ведении комиссара находятся также места предварительного заключения и тюрьмы, он дает санкцию на обыск, начало следствия и арест до суда и т. п. Комиссар отвечает также за различные контролирующие службы в департаменте — санитарную, водную, инспекцию зданий, охотничью и т. д., — объединенные во Франции общим понятием „административная полиция”. Ему же дано право при чрезвычайных обстоятельствах (уличные стычки между демонстрантами, выселение из дома за невнесение квартплаты) использовать муниципальную полицию, подчиняющуюся мэру.

Третья важная группа функций комиссара республики — а д м и н и с т р а т и в н о - э к о н о м и ч е с к а я. Он координирует деятельность различных министерств и ведомств на уровне своего департамента или экономического региона. Надо сказать, что в этой административно-экономической части

своих функций комиссар также наделен большими полномочиями: он может даже отклонить принятое без согласования с ним решение отдела (управления) целого министерства (например, о строительстве аэропорта или моста). Правда, декрет 1964 г. изъял из компетенции префекта решения по министерствам национального образования (не может запретить открытие или закрытие лица или вуза) и финансов (повысить местный налог на частных лиц или предприятие) и по вопросам трудовых споров между рабочими и предпринимателями (он не может запретить забастовку или вмешиваться в проблемы зарплаты). Реформа 1982 г. расширила этот перечень „запретных зон”, где комиссар республики мог бы употребить свою власть. И все же полномочия „агента правительства” здесь остаются значительными. Министерство финансов и экономики по-прежнему видит в комиссаре республики главного проводника в жизнь пятилетних планов экономического и социального развития страны — сбор статистических данных, контроль за распределением государственных субсидий, отчеты о выполнении плана по отраслям и др.

Все министерства возлагают на комиссара республики функции подбора и контроля за деятельностью чиновников этих министерств в департаменте (экономическом регионе). Именно он, комиссар, ежегодно „выводит очки”: направляет данные для аттестации государственных чиновников своего департамента в соответствующие министерства (муниципальных и генеральных чиновников контролируют мэры и департаментская комиссия).

Для выполнения всех этих многочисленных обязанностей комиссар республики располагает обширным аппаратом, который размещается в специальных помещениях — префектурах (обычная классическая географическая схема французского провинциального города такова: на одной стороне площади — мэрия, на другой — префектура).

В миниатюре префектура (ныне — комиссариат республики) копирует схему центрального министерства. При комиссаре имеется „кабинет префекта” (мозговой центр) и более 20–25 различных отделов (дирекций, служб и бюро). В торжественных случаях комиссар одевает униформу (раньше он носил также шпагу). Префекту официально положено „государственное вспомоществование”: бесплатная квартира, автотранспорт, оплачиваемая государством прислуга и пр.³²

³² Система, существовавшая в дореволюционной России для высших государственных чиновников: казенная квартира „с дровами”, парадный экипаж с кучером, прислуга, деньги на представительство (официальные приемы дома) и т. п.

Обширные функции префектов (комиссаров республики) и новое районирование (экономические регионы) вызвали к жизни иерархию (градацию) префектов. В крупных департаментах еще при Наполеоне I появились заместители префектов (супрефекты). С образованием в IV Республике экономических регионов появились региональные супрефекты (префекты-координаторы). Сегодня во Франции-метрополии насчитывается 22 региональных префекта (комиссара республики), 97 префектов департаментов и более 500 супрефектов. В свою очередь, все они делятся на ранги: префекты — на два (высший и первого класса А), супрефекты — на три (А, В и С).

Более половины состава корпуса комиссаров республики и их заместителей (супрефектов) образуют выпускники Национальной школы администрации — ЕНА („энархи“), остальные — бывшие ответственные чиновники центральных министерств и ведомств.

Отбор на должность комиссара республики чрезвычайно строг. Он назначается лично президентом республики через премьер-министра по представлению министра внутренних дел. Несмотря на все декларации об „аполитичности“ и „беспартийности“ префектов, каждая новая смена президента (например, в 1974 и 1981 гг.) вызывает смену подавляющего большинства „агентов государства“ — пришедшая к власти партия или блок партий немедленно назначает на этот ключевой пост политической и государственной жизни своих сторонников. Но в истории Франции еще не было случая, чтобы на пост префекта был назначен коммунист, даже тогда, когда ФКП входила в правительство (в 1944—1947 гг. и 1981—1984 гг.).

„Заморская Франция“ — DOM и TOM. Реформы левого правительства и их ограниченный характер. Понятие „Заморская Франция“ (la France d'Outre-Mer) объединяет остатки французской колониальной империи, разбросанные по всему земному шару. По характеру управления они делятся на две группы — заморские департаменты (DOM — départements d'Outre-Mer) и заморские территории (TOM — territoires d'Outre-Mer).

Это деление восходит к 1946 г., когда крупная французская буржуазия, стремясь сохранить разваливавшуюся колониальную империю, меняла формы колониального господства при сохранении ее сути. Именно тогда, в 1946 г., вместо колоний был создан Французский союз, а все захваченные Францией в XVIII — 20-х годах XX в. земли были разделены, в зависимости от метода административного управления, на три группы: заморские департаменты, заморские территории и

так называемые присоединившиеся государства (французские колонии в Африке, Индии и Индокитае).

В результате упорной национально-освободительной борьбы 1946–1962 гг. все „присоединившиеся государства” добились политической независимости, а от некогда огромной колониальной империи Франции сегодня остались только DOM и TOM, составляющие по территории менее 1% бывших владений, а по населению и того менее – 0,7%.

З а м о р с к и е д е п а р т а м е н т ы — DOM — были учреждены в 1946 г. по Конституции IV Республики и включали в тот период Алжир (три департамента), группу Малых Антильских островов в бассейне Карибского моря (о-ва Гваделупа, Мартиника и несколько более мелких), так называемую Французскую Гвиану (на континенте Южной Америки), а также о-в Реюньон в Индийском океане вблизи о-ва Мадагаскар.

В 1962 г. в результате поражения французских колонизаторов и провозглашения Алжирской Народной Демократической Республики алжирские DOM были упразднены. В 1976 г. расположенные у побережья Канады о-ва Св. Петра и Микелон были переведены из статуса TOM в статус DOM. Таким образом, сейчас насчитывается пять заморских департаментов, которые с точки зрения истории колониального захвата, этнического и экономического развития имеют много общего. Все они были присоединены к Франции в XVII в., в период ранних колониальных захватов. Коренное население на них было вскоре истреблено или вымерло, а их нынешнее население — это потомки первых белых переселенцев из Франции (исключая о-ва Св. Петра и Микелон) и черных негров-рабов, перевезенных из Африки для работы на плантациях сахарного тростника.

Много общего у DOM и в экономическом развитии. С XVII в. и до наших дней Гваделупа, Мартиника и Реюньон остаются главными сахарными плантациями Франции, причем на о-вах Мартиника и Реюньон от 75 до 30% земель до сих пор принадлежит белым латифундистам — потомкам французских переселенцев, а на о-ве Гваделупа почти монопольным правом выращивания и переработки сахарного тростника владеет „Французская сахарная компания”, принадлежащая семействам Ротшильдов и Буссаков.

За исключением Французской Гвианы, где имеется горнодобывающая промышленность (добыча бокситов), все остальные DOM по-прежнему остаются аграрно-сырьевыми придатками Франции-метрополи, вывозящей оттуда сахар, бананы, ананасы, ром, ваниль и другие „колониальные товары”. Отсутствие развитой промышленности остро ставит проблему

занятости населения, особенно молодежи. Уровень безработицы в DOM всегда был выше, чем в самой Франции (на Антильских островах в 1975 г. — до 40% самодеятельного населения). И это в условиях, когда по темпам рождаемости DOM с 60-х годов обгоняют метрополию.

Социальные проблемы DOM осложняются этническими. Кроме островов Св. Петра и Микелон население всех остальных DOM четко делится на три социально-этнические группы: белых (латифундисты-помещики), метисов (торговцы, „лица свободных профессий”) и негров (крестьяне). Последние составляют подавляющее большинство населения DOM и главную армию безработных. Поскольку жители DOM юридически — граждане Французской Республики, многие из них в поисках работы отправляются на заработки в метрополию. За последние 20 лет число их настолько увеличилось, что правительство вынуждено было придать этой стихийной миграции организационные рамки: еще в 1961 г. было создано специальное „Миграционное бюро DOM”, установившее квоты на въезд во Францию. Под напором безработицы эта квота растет: если в 1966—1970 гг. уехали на заработки 37 тыс. человек, то к 1976 г. их численность увеличилась до 100 тыс. и продолжает расти.

Структура органов самоуправления в DOM аналогична структуре в департаментах метрополии (муниципальный совет в коммуне и генеральный — в департаменте). Главная проблема органов самоуправления — экономическая. В V Республике генеральные и муниципальные советы DOM пытаются преодолеть одностороннее хозяйственное развитие и изменить архаическую социально-земельную структуру в заморских департаментах.

Через своих представителей в парламенте (10 человек в Национальном собрании и 7 — в Сенате) DOM еще в начале 60-х годов настояли на проведении земельной реформы. С 1961 г. при поддержке правительства власти DOM начали скупать у латифундистов (Мартиника, Реюньон) и крупных сахарных заводов (Гваделупа) землю и перепродавать ее (по 3—4 га) с рассрочкой в 10 лет. Однако латифундисты Мартиники и Реюньона сорвали проведение этой „стольпинской” аграрной реформы: за более чем 10 лет было выкуплено всего 3 тыс. га (менее 6% обрабатываемой площади), а продано и того меньше — всего 800 участков. Что касается Гваделупы, где помещиков почти не осталось, то там продажа участков была обусловлена обязательным контрактом с сахарозаводчиками о поставках сахарного тростника. Крестьяне отказывались стать „новыми крепостными” при сахарных заводах. В результате

аграрная реформа в DOM провалилась и в 1973 г. была „заморожена”.

В 70-х годах местные органы власти при поддержке из Парижа пытались превратить DOM в „рай для туристов”. На о-ве Реюньон, например, в 1973–1975 гг. на субсидии правительства были построены роскошные гостиницы-люкс, оборудованы пляжи и т. д. На промышленное развитие Мартиники, для организации индустрии туризма в 1976 г. было выделено до 80% всех правительственных ассигнований. Но и эта программа не состоялась. Отели и пляжи Реюньона оказались заполненными лишь на 30% (далеко и дорого лететь самолетом из Европы), а на Мартинике из 6 тыс. рабочих мест в туризме удалось создать лишь 2,5 тыс.

Таким образом, несмотря на все попытки Парижа с 1946 г. „ассимилировать” DOM с Францией-метрополией, различия в положении трудящихся французских департаментов и их собратьев в „Заморской Франции” остаются весьма существенными, прежде всего в социальном и экономическом отношении.

Несмотря на прогрессивную реформу 1982 г., проведенную левым правительством, комиссар республики (префект) в DOM по-прежнему обладает гораздо большими полномочиями, чем его коллега в самой Франции. Заморскому комиссару, например, подчиняется не только жандармерия (CRS), но и вообще все воинские формирования на территории DOM как военному коменданту. Он может единолично объявить „осадное положение” и подобно президенту взять всю полноту законодательной и исполнительной власти в свои руки.

Такого рода отступления от общего принципа управления заморскими департаментами объясняются экономическим, географическим и культурным положением DOM. Объективно экономически и в культурном плане они тяготеют не к Франции, расположенной за тысячи километров, а к соседним латиноамериканским странам (Гваделупа, Мартиника, Французская Гвиана), к Канаде (о-ва Св. Петра и Микелон) или Мадагаскару (о-в Реюньон).

Эти-то объективные факторы обусловили и политическую структуру в DOM, отличающуюся от департаментов в метрополии. DOM на Гваделупе, Мартинике и Реюньоне имеют с 1957–1959 гг. самостоятельные коммунистические партии. Там же в 1975–1976 гг. возникли и собственные социалистические партии. В Антильских DOM сильны националистические группировки, которые еще в 1961 г. создали в Париже „Антильско-гвианский фронт за автономию”. Умеренные националистические группировки добиваются предоставления заморским департа-

ментам более автономного статута, экстремистские группировки требуют полной политической независимости.

Заморские территории — ТОМ представляют собой остатки колониальных владений Франции, захваченные в XVIII—XIX вв., и с точки зрения внутренних социально-экономических и политических проблем пока (за исключением о-ва Новая Каледония) не вызывают больших осложнений у французского правительства. Когда-то статут ТОМ имели многие французские колонии. Но в 1960 г. большинство африканских ТОМ добились политической независимости от Франции. В 1974 г. в результате референдума ликвидировали статут ТОМ три из четырех Коморских о-вов, в 1977 г. получила независимость ТОМ Французское Сомали — ныне Республика Джибути. В 1980 г. еще одна заморская территория — архипелаг Новые Гебриды, с 1906 г. находившийся под совместным англо-французским управлением (кондоминиум), добился с помощью ООН независимости и на территории архипелага была провозглашена республика Вануату. Сегодня в составе французских ТОМ остались лишь три группы островов (все в Тихом океане): о-в Новая Каледония и прилегающие к нему острова, о-ва Уоллис и Футуна, расположенные между архипелагами Фиджи и Самоа, и о-ва Французской Полинезии.

По своему экономическому положению ТОМ мало отличаются от DOM. На о-вах Французской Полинезии и о-вах Уоллис и Футуна (иногда их объединяют общим названием Французская Океания) нет никакой промышленности, как и нет развитого сельского хозяйства; главная культура на сотнях мелких островов-атоллов — кокосовая пальма. Производство кокосового масла и копры — единственная статья доходов этих двух ТОМ, куда до сих пор 95% промышленных и продовольственных товаров завозится из Франции-метрополии и соседних Австралии и Новой Зеландии. Заморские территории Французской Полинезии имеют главным образом военно-стратегическое значение: здесь Франция проводит испытания своего термоядерного оружия (на атолле Мороруа).

Особняком стоит о-в Новая Каледония. Из всех ТОМ на Тихом океане это наиболее населенная территория (в 1981 г. — 140 тыс. человек). Остров был захвачен Францией в период II империи в 1853 г. и вскоре превращен в каторжную тюрьму³³.

³³ До захвата Новой Каледонии главной французской каторгой являлась Французская Гвиана (именно туда сослал Наполеон непокорных якобинцев). Официально каторжные тюрьмы в Гвиане были закрыты только в 1938 г.

Потомки бывших каторжников и ссыльнопоселенцев составили первую европейскую колонию, которая с 1902 г. стала пополняться свободными переселенцами. Ныне 35% населения острова образуют потомки этих первых белых колонистов (*кальдоки*). Именно кальдоки всегда были главной опорой колониальной администрации. Им принадлежит лучшая часть обрабатываемых земель острова (2,5 тыс. крупных фермеров-кальдоков владеют 340 тыс. га).

Коренное население Новой Каледонии — *канаки* (меланезийская группа) — составляет 43% населения этой заморской территории. Это преимущественно безземельные или малоземельные крестьяне (24 тыс. крестьян владеют всего 163 тыс. га). Еще одну этническую группу острова образуют переселенцы из азиатских стран (22% — вьетнамцы, индонезийцы, японцы, китайцы и др.).

На Новой Каледонии земельная проблема стоит очень остро. Дело в том, что в стратегических и экономических планах Франции эта заморская территория имеет по сравнению со всей остальной „Заморской Францией” ключевое значение: здесь сосредоточено до 50% мировых запасов никеля, важного стратегического и промышленного сырья. Принадлежащая дому Ротшильдов компания ведет добычу открытым способом и давно изрыла почти весь остров. Поэтому пахотных и обрабатываемых земель не хватает (они составляют всего 2% территории), и Новая Каледония уже давно ввозит продукты питания из-за границы.

На острове сильны национально-освободительные традиции. В отличие от двух других заморских территорий на Новой Каледонии с 1956 г. действует прогрессивная националистическая партия — Каледонский союз, которая в середине 70-х годов объединила все другие национальные партии и группировки в „Фронт независимости”.

Однако требование предоставления острову независимости по образцу расположенных рядом Ново-Гебридских о-ов (республика Вануату) натолкнулось на решительное сопротивление правительства, нашедшего опору среди белых фермеров-кальдоков. Главная причина отказа в предоставлении независимости — никель. При поддержке французской администрации в конце 70-х годов кальдоки спровоцировали кровавые беспорядки на острове, дав властям повод отложить рассмотрение вопроса о независимости до „наведения порядка”.

Структура ограниченного самоуправления ТОМ мало отличается от структуры самоуправления ДОМ. Вместо генеральных советов здесь действуют *территориальные ассамблеи*. Нацио-

нальный принцип „самоуправления” проявляется лишь в том, что во главе коммун вместо мэров стоят местные племенные вожди (во Французской Полинезии). Они же входят в состав территориальных ассамблей. Зато еще большими полномочиями, нежели префект DOM, всегда был наделен *делегат правительства* (бывший колониальный генерал-губернатор).

Конституция V Республики предоставляет заморским территориям, так же как и заморским департаментам, право избирать своих представителей в парламент страны-метрополии. Однако в связи с тем, что в нынешних ТОМ проживает в три раза меньше жителей, чем в DOM (хотя по территории ТОМ в несколько раз больше), их представительство ограничено — всего 3 человека в Национальном собрании и 3 в Сенате.

В целом роль ТОМ как самостоятельных экономических и этнографических единиц „Заморской Франции” сегодня гораздо менее заметна, чем DOM.

Реформы левого правительства в DOM — ТОМ и на о-ве Корсика. Левые партии еще в 1972 г. в совместной программе выдвинули лозунг предоставления независимости остаткам колониальной империи Франции. Однако с приходом к власти в 1981 г. социалисты, сохранив этот лозунг в партийных документах ФСП, в правительственной политике от линии на предоставление DOM — ТОМ политической независимости фактически отказались, заменив ее программой автономизации в рамках „французского ансамбля”.

Главные усилия государственного секретариата по делам „Заморской Франции” были направлены на внедрение реформы местных органов власти 1982 г. в DOM и ТОМ и распространение на них социальных мероприятий (повышение минимального уровня заработной платы, пенсий, других социальных пособий). В 1982 г. президент Миттеран объявил об обширном проекте „децентрализации управления” в „Заморской Франции” и распространении на нее более прогрессивной пропорциональной системы выборов местных органов власти. Реформа предусматривала унификацию статута DOM и ТОМ путем создания в них единых национальных ассамблей (однопалатных парламентов), наделенных гораздо большей автономией, чем это было ранее. Особенно большие права этим ассамблеям предоставлялись в культурно-этнических областях, что являлось известным отказом от политики прежних правительств V Республики по культурной ассимиляции DOM и ТОМ с „матерью” Францией.

Своеобразным экспериментом по проверке этих проектов стало изменение статута управления на о-ве Корсика, одном

из департаментов метрополии, географическое положение которого („остров за морем”) и особенности социально-экономического и культурного развития во многом напоминали положение „классического” DOM. Весной 1982 г. Национальное собрание Франции одобрило закон об „особом статуте Корсики” (200 тыс. жителей; с 1975 г. делится на два департамента). Вместо обычных генеральных советов в июне 1982 г. корсиканцы прямым голосованием по пропорциональной системе избрали свою региональную однопалатную ассамблею (парламент) сроком на 6 лет. Ассамблея наделена полномочиями местного парламента в решении экономических, образовательных и культурных проблем. На острове, образующем один экономический регион, создан собственный корсиканский Экономический и Социальный совет. В целом это значительный шаг по пути децентрализации управления, особенно в окраинных департаментах метрополии, и своеобразная „модель” для „Заморской Франции”.

Вместе с тем левое социалистическое правительство шло на „децентрализацию управления” и во Франции-метрополии, и в „Заморской Франции” с большой осторожностью. Ведь сама по себе децентрализация и передача некоторых функций хозяйственного развития не устраняет главного — неравномерности экономического развития. Не только в „Заморской”, но и в собственно Франции есть районы (Бретань, Эльзас, Страна Басков), которые значительно отстают от других промышленно развитых регионов страны. В отсталых департаментах социальный протест приобретает националистическую окраску, что создает угрозу политического сепаратизма (эти настроения особенно сильны в Бретани). В этих условиях в Париже не без основания опасаются, что без коренного изменения всей социально-экономической политики в отношении отсталых районов региональные ассамблеи типа корсиканской могут превратиться в оплот националистических сепаратистских элементов, способных поставить под угрозу территориальную целостность страны.

В то же время прогрессивные мероприятия центральной власти наталкиваются на яростное сопротивление реакционных элементов из числа белого населения в „Заморской Франции”. В 60—70-е годы они сорвали проведение аграрной реформы на Антильских DOM. Аналогичная участь постигла проект земельной реформы на о-ве Новая Каледония: вооруженные банды крупных белых фермеров попросту разогнали летом 1982 г. территориальную ассамблею острова, обсуждавшую

проект перераспределения земель, ранив при этом несколько депутатов.

Не случайно одной из первых акций правого правительства Ж. Ширака вскоре после победы на парламентских выборах в марте 1986 г. стала отмена даже той куцей автономии, которой добились от социалистов прогрессивные национальные силы на о-ве Новая Каледония.

Социалисты вторично пришли к власти в мае — июне 1988 г. Среди первоочередных задач правительство Мишеля Рокара поставило проблему Новой Каледонии. Желая привлечь на свою сторону даже доли процентов голосов на президентских выборах 1988 г., основным соперник Ф. Миттерана и недавний премьер-министр в его правительстве Ж. Ширак через верного помощника — министра внутренних дел Ш. Паскуа — спровоцировал на острове кровавые столкновения: полиция и жандармерия убили нескольких канаков из экстремистской фракции „Фронта независимости”. Цель этой кровавой провокации была ясна с самого начала: показать „твердую руку” правительства и тем самым перетянуть на свою сторону голоса кальдоков на Новой Каледонии и фашиствующих сторонников „Национального фронта” Ж.-М. Ле Пена в самой Франции. Однако провокация в политическом смысле провалилась — Миттеран победил Ширака.

Социалисты отказались от тактики силового давления предшествующего правого правительства и вернулись на путь продолжения переговоров с противоборствующими группировками кальдоков и канаков. Затяжные и трудные переговоры через год, в июне 1988 г., увенчались успехом: в Париже было подписано соглашение о проведении на острове референдума в ноябре 1988 г. об автономии Новой Каледонии в рамках V Республики по образцу о. Корсика (раздел населения острова на три общины — канак, кальдоки и выходцы из Азии; выборы „каледонского парламента”; расширение прав органов местного „общинного” самоуправления).

Парижское соглашение в июне 1988 г. и референдум в ноябре того же года предусматривали сохранение статуса автономной самоуправляющейся Новой Каледонии в течение десяти лет. Затем, в 1998 г., должен быть проведен второй референдум — на этот раз по вопросу о предоставлении острову полной независимости.

РАЗДЕЛ 4

ФРАНЦИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

1. Левые силы у власти: успехи и трудности

Совместная правительственная программа левых сил состояла из четырех крупных разделов. В *первом*, социально-экономическом разделе программа предусматривала дальнейшие меры экон-представителями ФКП и ФСП, а 12 июля — представителями Движения левых радикалов. По своему значению это соглашение левой оппозиции может быть сравнимо лишь с программой Народного фронта 30-х годов.

Важным в н у т р и п о л и т и ч е с к и м фактором стало изменение позиции нового руководства ФСП по отношению к союзу с коммунистами: Ф. Миттеран и его сподвижники поняли, что в условиях углубляющейся поляризации политических сил в стране все попытки создать левый союз без ФКП обречены на провал.

Решающим м е ж д у н а р о д н ы м фактором, облегчившим подписание программы, был общий благоприятный политический климат разрядки: заключение в мае 1972 г. советско-американского Договора об ОСВ-1, нормализация отношений СССР и ГДР с ФРГ, расширение и углубление франко-советского политического и экономического сотрудничества (взаимные официальные визиты высших руководителей СССР и Франции в октябре 1970 — марте 1974 гг.).

Совместная правительственная программа левых сил состояла из четырех крупных разделов. В *первом*, социально-экономическом разделе программа предусматривала дальнейшие меры экономического улучшения положения трудящихся: равные права и заработная плата французским и иностранным рабочим, снижение пенсионного возраста до 60 лет у мужчин и 55 лет у женщин, введение бесплатного медицинского обслуживания всего населения страны, расширение жилищного строительства, общественного транспорта и т. д.

Во *втором* разделе речь шла о демократизации экономического и политического управления страной. Стержнем борьбы

против сверхмонополий должна была стать дальнейшая национализация, прежде всего в банковском и страховом деле, а также в ключевых секторах промышленности (в горнодобывающей — национализация всех полезных ископаемых, в производстве вооружений, в авиационной, ядерной и фармацевтической отраслях). Программа конкретно указывала девять крупнейших монополий, подлежащих национализации в первую очередь.

Но предусмотренная вторым разделом совместной программы национализация носила явно ограниченный характер, что значительно сужало сферу влияния будущего левого правительства на экономику Франции. Национализации не подлежали мелкие и средние предприятия, сфера торговли и обслуживания, а также земля, т. е. частная собственность на землю и средства производства сохранялись. Ограниченный же список банков, страховых и крупных промышленных компаний, подлежащих переходу в собственность государства, национализировался за выкуп (государство обязывалось выплатить акционерам компенсацию за убытки).

Некоторые положения второго раздела совместной программы затрагивали вопросы защиты экономического положения мелких собственников — крестьян, ремесленников, торговцев: контроль за продажей и арендой земли (в целях пресечения спекуляции и концентрации больших участков в одних руках), демократическая реформа архаической налоговой системы (прогрессивный налог на капитал и крупную собственность, освобождение от налога неимущих и сокращение налогов на трудящихся) и т. д. Этот раздел совместной программы предусматривал также сокращение расходов на оборону, прежде всего прекращение программ по созданию ракетно-ядерных „ударных сил”, отказ от стратегического термоядерного оружия и перевод ядерной промышленности на мирные рельсы¹.

Третий раздел был посвящен политической жизни и расширению личных свобод граждан страны. Предусматривались свобода собраний, печати, религии, ассоциаций, права профсоюзов, независимость политических, экономических и общественных организаций от государства.

¹ ФКП предлагала сформулировать эту часть совместной программы более радикально — полный отказ Франции от производства термоядерного оружия и уничтожение его запасов. Социалисты заблокировали это предложение, оставив одновременно открытым вопрос о так называемой европейской ядерной ударной силе.

Совместная программа предусматривала лишь частичный пересмотр Конституции 1958 г. в пользу усиления роли парламента и уменьшения полномочий президента, мандат которого предполагалось ограничить сроком в пять лет.

Предусматривалось, что режим правительства левого большинства будет многопартийным: „Партии и политические группировки смогут свободно создаваться и осуществлять свою деятельность”, включая право на легальную оппозицию в парламенте и вне его с возможностью выражать свои оппозиционные взгляды в печати по радио и телевидению. Государственные средства массовой информации (радио и телевидение) будут находиться под контролем Верховного суда страны, и каждая партия будет иметь к ним доступ.

В случае вынесения правительству совместной программы вотума недоверия оно уходит в отставку; аналогичная ситуация наступает и в случае раскола левого правительственного союза.

Последний, *четвертый* раздел совместной программы левых сил затрагивал вопросы внешней политики. Левое правительство должно было проводить миролюбивую политику, следовать по пути разрядки международной напряженности, но в то же время оно не намеревалось пересматривать уже заключенные союзы (в частности, участие в политической организации НАТО или соглашения с СССР). Программа призывала к одновременному роспуску Североатлантического союза и Организации Варшавского Договора, подчеркивая, что правительство левого большинства воспротивится возвращению Франции в военную организацию НАТО.

Франция оставалась членом ЕЭС, но новое левое правительство стремилось освободить „Общий рынок” от господства сверхмонополий.

ФКП подчеркивала, что совместная программа левых сил не означает программы построения социализма во Франции, ибо не предусматривает кардинальных изменений во французском обществе. Более того, коммунисты не скрывали, что по ряду важных моментов внешней (НАТО, ЕЭС) и внутренней (национализация) политики программа носит компромиссный характер, поскольку была подписана партиями, стоящими на различных идеологических позициях.

Французские коммунисты на XX, XXI и XXII съездах ФКП, отмечая ограниченный характер совместной программы, в то же время подчеркивали, что она открывает пути к социализму, являясь платформой-минимум в борьбе против крупного капитала.

В буржуазной прессе не было недостатка в попытках запугать рядового избирателя призраком „коммунистической угрозы“, „экономическим развалом“, немедленной „коллективизацией“ в сельском хозяйстве, торговле, сфере услуг и т. д., как только представители ФКП войдут в правительство. Провинциальному обывателю и молодежи, плохо знающей историю Франции первых послевоенных лет, буржуазная пропаганда внушала, что коммунисты якобы „некомпетентны“ в экономике, не имеют опыта управления страной и т. д.

Однако основная борьба между правящей коалицией и левыми партиями развернулась не столько в сфере пропаганды, сколько на местных и общенациональных (парламентских и президентских) выборах, где основные положения программы оказались в центре избирательной борьбы между правыми и левыми кандидатами.

Первой серьезной „пробой сил“ между правящей коалицией и объединенной левой оппозицией стали парламентские выборы в марте 1973 г. Первоначально правящая коалиция (голлисты и независимые республиканцы) пытались оглушить рядового избирателя пропагандистской кампанией о мифической угрозе коммунизма, который якобы не сегодня завтра захватит Францию. Однако призывы „воздвигнуть плотину на пути коммунизма“ в условиях разрядки напряженности и все улучшавшихся отношений с СССР имели ограниченный эффект. Создалась угроза явного отрыва голлистов от реальных требований избирателей.

И тогда лидеры ОНР (ЮДР) повернули на 180 градусов — начали с левыми партиями дискуссию по существу. Голлисты вынуждены были признать большинство социально-экономических требований (первый раздел программы) справедливыми. В своей речи 7 января 1973 г. в г. Прованс премьер-министр „военный голлист“ Пьер Месмер изложил платформу правительства большинства: снижение пенсионного возраста для мужчин с 65 до 60 лет, введение пятидневной рабочей недели, бесплатного медицинского обслуживания для малооплачиваемых пенсионеров, расширение строительства дошкольных учреждений (все это — почти текстуально из программы левых сил), снижение избирательного ценза (предоставление права голоса) для молодежи с 21 года до 19 лет (в совместной программе левых сил — 18 лет) и т. д. В дальнейшем дискуссия шла только вокруг одного вопроса — кто лучше (т. е. голлисты или левая оппозиция) сумеет реализовать эти требования на практике после победы на парламентских выборах 1973 г.?

Парламентские выборы 1973 г. впервые после 1946 г. продемонстрировали возможности левых сил, объединенных сов-

местной программой: в первом туре левая оппозиция на 8% опередила голлистов, собрав 46% голосов против 38%. Это было неслыханным поражением правящей коалиции за всю историю V Республики. И лишь двухступенчатая реакционная мажоритарная система голосования дала во втором туре голлистам небольшой перевес за счет „центристского болота” в провинции, в первом туре голосовавшего за левых, а во втором — за правых кандидатов. Но этого оказалось достаточно, чтобы сохранить за собой власть в стране.

Характерно, что и позднее — на досрочных президентских выборах 1974 г., муниципальных выборах 1977 г. и очередных парламентских выборах 1978 г. — дискуссия правых и левых кандидатов шла в той же плоскости: кто лучше осуществит реальные социально-экономические требования рядового избирателя, зафиксированные в совместной программе?

Таким образом, своеобразный парадокс внутривнутриполитической борьбы 1972—1978 гг. во Франции заключался в том, что совместная правительственная программа левых сил, по существу, стала предвыборной программой и партий правящей коалиции. Это со всей очевидностью видно из интервью министра юстиции в первом правительстве В. Жискара д'Эстена, лидера „Демократического и социального центра” Жана Лаканюэ (август 1974 г.) : „Мы отнимем у левых их программу. Мы им оставим только этатизм и коллективизм, которые нас всегда разделяют. Но в остальном, что касается благородных целей левых, я считаю их своими. Более того, я принадлежу к правительству, которое может осуществить их на деле”.

Досрочные президентские выборы 1974 г. (Ж. Помпиду скоропостижно скончался 2 апреля 1974 г.) усугубили положение правящего большинства, еще более уменьшив число поданных голосов „избирательного болота” за его кандидата В. Жискара д'Эстена. Новый президент Франции победил мизерным большинством в 423 тыс. голосов (1,6%), причем в первом туре единый кандидат левых сил Ф. Миттеран более чем на 10% опередил Жискара д'Эстена (43,2% против 32,6%).

Президентские выборы 1974 г. подтвердили и укрепили наметившуюся за год до этого на парламентских выборах тенденцию к примерному политическому равенству левых и правых сил.

На XXI внеочередном съезде ФКП (октябрь 1974 г.) коммунисты глубоко проанализировали сложившуюся ситуацию социально-политического равновесия. Было детально расшифровано общее понятие „средние слои” избирателей и определено, что большинство „кочующих голосов”, сменивших свои политические симпатии между первым и вторым турами (т. е.

за одну неделю), составили пенсионеры (каждый шестой житель Франции), женщины-домохозяйки и вчерашняя школьная молодежь в возрасте от 18 до 21 года ².

На съезде была поставлена новая задача: расширить союз левых сил, превратить его в объединение всех антимонополистических сил — союз народа Франции за демократические перемены. Однако такой союз, как подчеркивалось в решениях XXI съезда ФКП, — „это не разношерстное сборище и не список различных социальных категорий или группировок. Союз народа Франции, остью которого является союз левых сил, основанный на совместной программе, — это боевой союз всех угнетенных социальных слоев в борьбе за общие для них конкретные интересы. Это союз, в котором рабочий класс играет специфическую роль — роль движущей силы и авангарда”.

Победа на президентских и парламентских выборах в мае — июне 1981 г. Вхождение представителей ФКП в правительство. Несмотря на все сложности в лагере левых сил в конце 70-х — начале 80-х годов „вверху”, общая политическая расстановка „внизу”, на уровне рядовых избирателей, была в целом более благоприятна для левых, чем для правых. Это со всей очевидностью показали президентские выборы 1981 г. Главными соперниками, как и семь лет назад, в 1974 г., выступили Валери Жискар д’Эстен — от блока правых партий, и Франсуа Миттеран — от социалистической партии и поддерживавших его более мелких левых группировок, а также от части левых голлистов.

В. Жискар д’Эстен построил свою избирательную программу по тому же принципу, что и в 1974 г.: либеральное общество, конкуренция в новой технологии, открытое общество, тесный союз с ЕЭС и сотрудничество с НАТО и т. д. Особый упор делался на несомненные экономические успехи Франции за последние 20 лет. В своих речах перед избирателями Жискар д’Эстен справедливо подчеркивал, что к 1981 г. Франция одна производила столько товаров, сколько в 1958 г. Франция, ФРГ, Италия и Бельгия, вместе взятые. Особое внимание он уделял возросшей роли Франции на международной арене.

По-иному строил свою избирательную программу Ф. Миттеран. Не отрицая несомненного экономического успеха страны, кандидат социалистов сделал упор на другом — какой ценой достался этот успех? А цена была слишком велика для основной массы французов: деревня почти разорилась, не выдержав

² За Ф. Миттерана во втором туре проголосовала примерно половина молодых избирателей в возрасте до 35 лет, тогда как вторая половина отдала свои голоса В. Жискар д’Эстену.

конкуренции в „Общем рынке“; ежегодная инфляция держалась на уровне 12–14%; уровень безработицы с 1974 по 1981 г. возрос более чем в 3 раза (с 500 тыс. до 1 млн. 700 тыс.); целые отрасли французской промышленности (текстильная, металлургическая, судостроение и др.) оказались под угрозой закрытия, как нерентабельные, в то время как крупные французские компании, связанные с иностранным капиталом, предпочитали вкладывать деньги (до 60 млрд. фр. в год) и строить предприятия за границей — в Африке, Азии и Латинской Америке, где дешевле сырье и рабочая сила.

Ф. Миттеран во главу угла своей избирательной кампании поставил лозунг „Вернуть Францию французам!“, а средством к этому предложил национализацию в ключевых отраслях экономики и в банковско-кредитной сфере. Не случайно был отобран и главный избирательный плакат — Ф. Миттеран на фоне традиционной глубинной Франции (деревушка, церквушка вдали) с надписью: „Спокойная сила“. В чем-то это было похоже на избирательную программу де Голля в 1965 г., когда Ф. Миттеран впервые выступил претендентом на президентский пост.

Первый тур 26 апреля 1981 г. не принес победы ни одному из двух основных кандидатов. Решающую роль в победе Миттерана во втором туре 10 мая сыграли 4,5 млн. избирателей, проголосовавших в первом туре за кандидата ФКП ее Генерального секретаря Жоржа Марше. По призыву ФКП они отдали свои голоса за Миттерана, и он победил.

Новый президент распустил Национальное собрание, и на досрочных выборах в июне 1981 г. левые силы одержали вторую убедительную победу, завоевав абсолютное большинство мест в нижней палате парламента (329 мест против 145 у правых; социалисты — 285 мандатов, коммунисты — 44 мандата). Подлинной сенсацией для политической жизни не только Франции, но и всего капиталистического мира стало вхождение в первое правительство левых сил — четырех представителей ФКП во главе с Пьером Моруа³.

³ Член Политбюро, секретарь ЦК ФКП Шарль Фитерман стал государственным министром — министром транспорта и коммуникаций; член ЦК ФКП, зав. отделом промышленности ЦК ФКП, крупный ученый-экономист сенатор Аннсе Ле Пор стал министром-делегатом по делам администрации и административных реформ; член ЦК ФКП, зав. отделом культуры „Юманите“, депутат Национального собрания и заместитель мэра врач Джек Ралит — министром-делегатом здравоохранения; депутат Национального собрания от ФКП, мэр, токарь по профессии Марсель Ригу — министром-делегатом по профтехобразованию.

Правая буржуазная печать как во Франции, так и за рубежом подняла по этому поводу летом 1981 г. большой шум о „руке Москвы” в правительстве Франции, об „утечке” военных секретов НАТО „на Восток” и т. п. Государственный департамент США пошел даже на беспрецедентный шаг грубого вмешательства во внутренние дела Франции, предупредив нового президента, что у него могут быть серьезные осложнения из-за включения коммунистов в правительство. Ф. Миттеран дал резкую отповедь этим попыткам: „Реакция американцев — это их дело. Но во Франции решения буду принимать я... Говорят, что Рейган рассердился? Ну и что? Рейган чихнул. Ну и что из этого? Я не собираюсь тут же вытягивать руки по швам”.

Реформы левого правительства в 1981—1982 гг. *Первая* группа мероприятий нового левого правительства П. Моруа касалась социальных вопросов. Правительственными декретами с 1 июля 1981 г. были значительно подняты размеры заработной платы (SMIC), на 25% семейных пособий (allocations familiales) и на 50% жилищных пособий (allocation logement), резко увеличен минимальный размер пенсий. Одновременно были отменены некоторые непопулярные налоги предыдущего правого правительства — на владельцев мотоциклов, на лекарства за счет самих больных (tickets modérateurs) и др.

Вторая группа социальных мероприятий, которое правительство П. Моруа проводило через парламент, касалась принятия законов по социальным проблемам. Речь шла о снижении пенсионного возраста для мужчин с 65 до 60 лет, постепенном сокращении рабочей недели с 41 до 35 часов, увеличении оплачиваемого отпуска с 4 до 5 недель, о введении прогрессивного налога на крупные состояния (с доходом свыше 80 тыс. фр. в год) и доходы крупных компаний и банков (с прибылью более 3 млн. фр. в год). Впрочем, этот „налог на монополии” остался во Франции весьма умеренным (0,5—1,5%) даже по сравнению с другими ее партнерами по „Общему рынку” (ФРГ и Бельгия — 5%, Италия — 11%).

Был проведен также ряд позитивных законов политического и юридического характера. В частности, упразднен Высший суд государственной безопасности и отменено распоряжение прежнего правительства об отказе официально праздновать 8 мая — день победы над фашистской Германией: он снова был объявлен праздничным днем. На Елисейских полях с 8 мая 1982 г. возобновилось проведение военного парада в честь победы с участием высших официальных лиц V Республики.

С большим удовлетворением было принято решение парламента (в сентябре 1981 г.) отменить смертную казнь и отправить в музей „вдову” — гильотину⁴. 8 марта 1982 г. Франция впервые стала официально отмечать Международный женский день (стал нерабочим днем).

Третья группа мероприятий касалась создания рычагов, с помощью которых левое правительство рассчитывало оказывать на экономическую и социальную жизнь страны долговременное воздействие. Здесь шла речь прежде всего о национализации ряда крупных промышленных групп и почти всех банков и кредитных учреждений.

При всей своей ограниченности национализация 1981—1982 гг. позволила левому правительству взять под свой контроль 9 из 11 промышленных групп, входивших в первую сотню наиболее крупных индустриальных монополий капиталистического мира. С февраля 1982 г., времени вступления закона о национализации в силу, государство контролировало $\frac{1}{3}$ всей выпускаемой продукции страны, $\frac{3}{4}$ всех инвестиций, на его предприятиях работало более $\frac{1}{5}$ всех рабочих и служащих.

Однако социалисты, осуществляя программу социально-экономических реформ (президент Ф. Миттеран, выступая в декабре 1981 г. по телевидению, назвал ее „социализмом на французский манер”), основной упор делали не столько на прямую национализацию — переход частных компаний в собственность государства, сколько на государственный финансовый контроль над всей экономической и социальной жизнью страны. Поэтому национализация в банковской системе была в 1981—1982 гг. куда более радикальной (38 коммерческих и деловых банков, включая такие гиганты, как „Париба” и „Суэц”), чем в промышленной. Переход в руки государства этих 38 банков сразу давал правительству П. Моруа контроль еще над 120 более мелкими частными банками страны, т. е. практически обеспечивал контроль почти над всеми кредитно-финансовыми операциями собственно французских банков, за исключением 135 иностранных.

Хотя эти меры и не затрагивали основ капиталистической системы, они создавали в социально-экономической сфере

⁴ Требование отменить гильотину как способ казни раздалось впервые в парламенте в 1906 г. со скамей левых депутатов — радикалов и социалистов. Последняя публичная казнь на гильотине, поставленной на площади, свершилась во Франции в июне 1939 г., а последняя ее жертва — араб Хамида Джанбуди был казнен в тюрьме 10 сентября 1977 г.

Франции определенные предпосылки для дальнейшего продвижения в сторону социализма. XXIV съезд ФКП (февраль 1982 г.) отметил: „...впервые в истории Франции социализм стоит на повестке дня, и притом не как отдаленная и абстрактная перспектива, а как конкретный ответ на насущные проблемы, стоящие перед нашим обществом”.

Наконец, *четвертая* группа законов левого правительства затрагивала вопросы расширения прав трудящихся на предприятиях и в учреждениях, а также расширения полномочий местных коллективов на уровне коммуны, департамента и экономического региона (проект децентрализации власти).

Выше уже отмечалось (раздел 2, § 3), что организация профсоюзного движения и роль профсоюзов на предприятиях отличались во Франции рядом специфических особенностей. Так, патроны до 1968 г. запрещали профсоюзную работу на территории предприятий, в помещениях учреждений и банков. Что касается активистов политических партий, то им вообще был закрыт доступ в цеха, конторы и служебные помещения крупных торговых фирм. И хотя после Гренельских соглашений 1968 г. между лидерами крупнейших профцентров и представителями Национального совета французского патроната положение несколько улучшилось (были созданы комитеты предприятий с участием профсоюзов, активистам профсоюзов выделены на предприятиях помещения, разрешена разъяснительная работа в цехах и т. д.), все же эти уступки носили ограниченный характер и сказались лишь на крупных, преимущественно национализированных предприятиях (например, „Режи Рено”). В океане мелких мастерских (5—10 рабочих во главе с „патроном”) продолжали господствовать прежние цеховые социальные отношения „отца-хозяина” и „рабочих-детей”.

Благодаря усилиям ФКП и ее боевого резерва — ВКТ — в августе — ноябре 1982 г. этим отсталым социальным отношениям был нанесен серьезный удар. Четыре социальных закона, „законы Ору” (по имени министра труда — социалиста в правительстве П. Моруа), принятые в острой политической борьбе Национальным собранием и Сенатом, впервые в истории рабочего движения Франции вводили на предприятиях и учреждениях принцип „социального партнерства”, давно практикуемый в других капиталистических странах Западной Европы (в Великобритании, ФРГ, Швеции, Австрии и др.).

Суть этой структурной перестройки заключалась в следующем. Отныне закон разрешал создание профячеек на мелких и средних (менее 50 человек) предприятиях, что включало в

социальную борьбу свыше 6 млн. трудящихся. Кроме того, все профячейки могли теперь приглашать на свои предприятия, без санкции патронов, лидеров крупнейших профцентров страны (ранее это запрещалось).

Законодательно закреплялось право профактивистов вести общественную работу в рабочее время, причем эти 10–20 часов в месяц подлежали оплате по среднему тарифу. Патрону стало труднее уволить профактивиста — отныне на это требовалась санкция комитета предприятия и государственного инспектора по труду данной отрасли. Там же, где комитетов предприятий не было, профсоюзы могли избрать арбитражную комиссию, и только с ее санкции хозяин мог уволить рабочего или служащего (это касалось мелких предприятий с числом рабочих не менее 20 человек).

Значительно расширялись права созданных после 1968 г. комитетов предприятий. Во-первых, если ранее они создавались только на крупных заводах, то теперь — и на средних (не менее 50 рабочих и служащих), причем круг обсуждаемых комитетами предприятий вопросов был значительно расширен — рассматривались не только узкие, касающиеся данного предприятия, но и общенациональные социальные и политические проблемы. Во-вторых, комитетам разрешалось вмешиваться в экономические и финансовые функции предприятия, что ранее было исключительно прерогативой администрации. На практике это означало контроль профсоюзов за действиями администрации в области организации и управления производством, условий труда, а главное, за порядком увольнения и найма рабочих и служащих. В последнем случае администрация обязана была заранее информировать комитет предприятия. В-третьих, комитет предприятия впервые во Франции законодательно получил право иметь от администрации информацию о распределении капитала среди акционеров (от 10 и более процентов акций). Причем эта информация должна была иметь вид письменного отчета не реже одного раза в год о рентабельности (или убыточности) предприятия, инвестициях, себестоимости, фонде зарплаты и т. д. Очень важным нововведением явились отчисления от фонда зарплаты (0,2%) в самостоятельный бюджет комитета предприятий, что позволяет ему отныне иметь технический персонал, приглашать консультантов и т. д.

В-четвертых, комитеты предприятий получили право на обязательное заключение коллективных договоров между трудящимися и администрацией, причем не только на крупных (где это практиковалось и ранее), но и на средних и мелких

предприятиях под контролем государственного инспектора по труду. Неслыханным новшеством для Франции (но не для ФРГ или Великобритании, где это практикуется уже давно) стало избрание представителей комитета предприятия в „святая святых” современного капитализма — в административный совет завода, банка, учреждения с правом совещательного голоса.

При всей своей ограниченности „законы Ору”, применяя ленинское определение, создавали предпосылки для „...энергичного участия во всех вопросах рабочего законодательства”⁵ французских трудящихся. И не случайно патронат и его политические представители в парламенте яростно сопротивлялись принятию этих законов, не без основания утверждая, что они „внесли классовую борьбу на предприятия”.

Той же цели — расширению прав трудящихся — служила и реформа местных органов власти, осуществленная в 1982 г. под флагом децентрализации (см. разд. 3, § 4).

Борьба с безработицей и инфляцией. Трудности левого правительства. По заявлению премьер-министра П. Моруа на одной из пресс-конференций в июне 1981 г., принятие всего этого комплекса реформ было рассчитано на два года, а результаты от них должны были сказаться еще позднее, особенно в социально-экономической сфере. Между тем левому правительству наряду с долгосрочными стратегическими проблемами буквально на следующий день после победы на парламентских выборах пришлось столкнуться с целым рядом повседневных вопросов, доставшихся в наследство от предыдущего правого правительства „либеральной экономики” Раймона Барра.

Самыми неотложными были две тесно связанные проблемы — безработица и инфляция.

Исторически сложилось так, что во Франции всех послевоенных лет (1945—1970) наблюдался один из самых низких уровней безработицы по сравнению с другими странами Западной Европы, не превышавший порога 450—500 тыс. человек (2—2,5% от активного населения страны). Более того, в период экономического подъема 60-х годов в стране даже ощущалась нехватка рабочей силы, и правительство поощряло въезд во Францию иностранных рабочих, главным образом из бывших французских африканских колоний, а также из менее развитых экономически стран Западной Европы (Италии, Испании,

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 19 С. 26

Португалии)⁶. В таких благоприятных экономических условиях (в 1962 г., например, уровень безработицы равнялся всего 195 тыс. человек на 20 млн. активного населения) безработные не представляли для крупного капитала большой социальной угрозы, тем более что пособие по безработице в сочетании с пособием на детей, квартиру, лекарства и т. д. позволяло семьям безработных как-то сводить концы с концами. Не случайно в 60-е годы в Западной Европе родилось крылатое выражение: „Французский безработный — это самый высокооплачиваемый безработный в мире”.

Положение резко изменилось с началом экономического кризиса 1974—1975 гг. в капиталистическом мире, совпавшим во Франции с приходом к власти В. Жискара д’Эстена и его сторонников. В 1975 г. количество безработных сразу увеличилось вдвое против „нормы” и достигло почти 1 млн. человек (5% от активного населения). В последующие годы безработица росла еще более быстрыми темпами, почти в пять раз превышая темпы роста безработицы во всех других капиталистических странах, вместе взятых. В 1978 г. было уже 1 млн. 200 тыс. безработных, в 1980 г. — 1 млн. 500 тыс., а к концу 1981 г. уровень безработицы впервые перевалил за цифру 2 млн. (почти 10% самодеятельного населения).

Правительство В. Жискара д’Эстена не только не боролось с безработицей, но фактически под предлогом ликвидации нерентабельных предприятий и повышения конкурентоспособности французской экономики на международном капиталистическом рынке (прежде всего в ЕЭС) сознательно поощряло ее. В 1975—1980 гг. по распоряжению правительства Р. Барра, провозгласившего курс „строгой экономии”, началось свертывание „нерентабельных” отраслей экономики: металлургической промышленности (уволено более 150 тыс. человек), автомобильной (28 тыс.), текстильной (150 тыс. человек) и др. Всего к 1980 г. такими чисто капиталистическими методами „рентабельности” во Франции было ликвидировано более 800 тыс. рабочих мест.

Особенно тяжело эта невиданная в стране массовая безработица ударила по молодежи (600 тыс. к октябрю 1981 г.), женщинам (12% всех безработных) и иностранным рабочим (14% всех безработных). Их положение усугублялось тем,

⁶ К моменту победы левых сил в 1981 г. в стране проживало (вместе с семьями) 4 млн. 200 тыс. иностранных рабочих (на 23 млн. собственно французского активного населения), причем более 300 тыс. находилось во Франции нелегально.

что им не положено было даже минимальное пособие по безработице — ASSEDIC (иностранным рабочим — как иностранцам, молодежи и женщинам — как не имеющим непрерывного стажа работы минимум пять лет).

Конечно, большинство из этих более чем 2 млн. безработных получали все же пособия по безработице, а те, кто его не имел (молодежь, женщины, иностранные рабочие), нанимались на поденную работу — до 40% всех безработных, но особенно молодежь. В конце 70-х — начале 80-х годов эта так называемая черная (по-иному — подпольная) работа — поденная — получила во Франции особенно большое распространение. Поскольку во Франции уже давно существует почасовая, а не сдельная оплата труда и минимальная тарифная ставка за час работы устанавливается законодательно по всей стране (например, в июне 1981 г. она равнялась 15,2 фр. за час), хозяин-патрон, как правило, мелкий частник, нанимает такого „современного негра” на 2–3 часа работы, сразу же платит ему после работы наличными и далеко не всегда приглашает на следующий день. Частнику такой „негр” — прямая выгода: его не заставляют отчислять на него деньги в фонд соцстраха, нет угрозы вмешательства профсоюза, да и платит он зачастую не 15, а 8–10 фр. в час, особенно если это иностранный безработный. А тот и на это согласен — лучше 8 фр., чем ничего, когда у тебя семья из 4–5 человек.

Левое правительство уже осенью 1981 г. разработало двухлетнюю программу уменьшения безработицы (в 1982 г. остановить ее рост, с 1983 г. начать постепенное сокращение). Прежде всего это касалось безработицы среди молодежи. В марте 1982 г. правительство опубликовало декрет о выделении дополнительных средств на расширение сети профессионально-технических училищ (технических колледжей) Предполагалось, что эта мера даст рабочую профессию 100 тыс. юношей и девушек в возрасте с 16 до 18 лет. Одновременно частным предприятиям была предоставлена существенная налоговая льгота, если они нанимают молодежь в качестве учеников-стажеров из числа вчерешних выпускников неполных средних школ.

На создание дополнительных рабочих мест были направлены и социальные реформы: снижение с апреля 1983 г. пенсионного возраста для мужчин до 60 лет, увеличение оплачиваемого отпуска на одну неделю (5-я неделя), сокращение рабочей недели с 41 до 39 часов (январь 1982 г.) с перспективой довести ее до 35 часов. Предполагалось, что все эти меры к 1985 г. позволят уменьшить безработицу вдвое (с 2 млн. до 1 млн.

человек). Дабы стимулировать частный и муниципальный секторы французской экономики к таким мерам, правительство с января 1982 г. начало заключать с фирмами и муниципалитетами „контракты солидарности”: те нанимают на освобождающиеся места более молодых безработных, а правительство за это снижает на два-три года налоги. Традиционной мерой сокращения безработицы стало создание дополнительных рабочих мест (около 200 тыс.) в национализированном секторе.

Следует подчеркнуть, что эти методы борьбы с безработицей не отличались новизной. И предьдущее правое правительство Э. Барра делало то же самое: с 1977 г. оно освобождало предпринимателей от налогов, если те нанимали в ученики молодежь, с 1978 г. патронат вел переговоры с профсоюзами о переходе на 35-часовую рабочую неделю с целью создания рабочих мест. В более широком плане ту же тактику еще с начала 70-х годов проводили предприниматели целого ряда капиталистических стран Западной Европы (Норвегия, Швеция, Австрия, ФРГ), где рабочая неделя уже давно была сокращена до 35 и даже до 30 часов.

Однако все эти меры не дали ожидаемого эффекта. К концу 1983 г. безработица не только не сократилась, но даже увеличилась на 200 тыс. безработных, достигнув рекордного за всю послевоенную историю Франции уровня — 2 млн. 200 тыс. На практике от всех этих мер по ликвидации безработицы выиграл лишь патронат: экономисты ВКТ подсчитали, что снижение налогов под флагом создания дополнительных рабочих мест подарило патронату около 18 млрд. фр.

Что касается „контрактов солидарности” предпринимателей и правительства, то здесь явно не получилось взаимной выгоды. Частник, особенно мелкий и средний, охотно нанимал 2—3 выпускников школ в ученики-стажеры за половину заработной платы квалифицированного взрослого рабочего, но когда контракт истекал, он увольнял ученика („не показал себя”) и нанимал нового.

Еще больший конфуз ожидал декрет о сокращении рабочей недели до 39 часов. Его встретили в штыки... сами рабочие и служащие, начав забастовки. Почему? Потому, что основное требование профсоюзов — сокращение рабочего времени не должно приводить к сокращению заработной платы (вспомним — почасовая оплата труда) — на практике как раз привело к ее сокращению, несмотря на все благие пожелания правительственных „контрактов солидарности”.

Таким образом, широкообещательная программа П. Моруа по обузданию безработицы к 1983 г. провалилась.

Не лучше обстояло дело и с программой борьбы с *инфляцией*. Во Франции издавна существовал государственный контроль за ценами даже в частном секторе, особенно на продукты питания. В любом самом маленьком бистро вас у входа встречает меню с указанием цен. Но в период правления В. Жискард д'Эстена этот контроль был ослаблен, а в 1978 г. снят совсем. Результатом явилась безудержная инфляция (рост цен), по темпам которой (10–12% в год) Франция обогнала всех своих партнеров по ЕЭС, кроме Италии. К моменту победы левых сил на президентских и парламентских выборах 1981 г. инфляция достигла уже 14%.

Иностранные туристы, особенно из социалистических стран, посетившие Францию с перерывом в десять лет, были поражены тройным ростом цен. Если батон белого хлеба в 1971 г. стоил 0,7 фр., то в 1981 г. — 2,5 фр., билет в метро — соответственно 1 фр. и 3 фр., в кино — 5–7 фр. и 25–27 фр. и т. д. Еще больше возросли цены на коммунальные услуги (плата за газ, электричество, телефон), бензин, проезд на железнодорожном транспорте и т. д.

Партнеры социалистов по правительственной коалиции — коммунисты — предложили П. Моруа ввести для борьбы с инфляцией долгосрочную систему демократического контроля над движением цен. Однако премьер-министр и его министр экономики и финансов Ж. Делор предпочли систему „свободного ценообразования”, а для борьбы с инфляцией избрали старые методы — кратковременное замораживание цен и зарплаты, а также девальвацию франка.

В начале октября 1981 г. правительство П. Моруа объявило о введении так называемых чрезвычайных мер по борьбе с инфляцией. На три месяца были заморожены цены на основные продукты питания, на шесть месяцев — цены в сфере обслуживания, в гостиницах, ресторанах и кафе, на транспорте, тарифы за коммунальные услуги (газ, электричество и др.). Одновременно Ж. Делор обратился к лидерам профсоюзов с предложением добровольно ограничить требования трудящихся о повышении зарплаты, обещал в этом случае снизить уровень инфляции до 10% в год.

Но политика „замораживания” цен и зарплаты не принесла нужного эффекта, ибо одновременно по требованию заправил „Общего рынка” правительство провело в октябре 1981 г. девальвацию франка на 3% по отношению к западногерманской марке (ее курс повысился на 5,5%). Делалось это с целью повысить конкурентоспособность французских товаров в ЕЭС и одновременно стимулировать активность национализирован-

ной промышленности. В последнем случае правительство обложило повышенным налогом те французские и иностранные компании, которые импортировали сырье и оборудование из-за границы. Но и эта новая попытка регулировать стихию частного рынка успеха не принесла: девальвация не остановила рост цен, особенно на заграничное сырье и товары, а это, в свою очередь, подстегнуло инфляцию.

В июне 1982 г. правительство вынуждено было провести вторую девальвацию франка, теперь уже почти на 6%. В итоге правительству П. Моруа так и не удалось справиться с инфляцией. К концу 1982 г. она „съела” все те надбавки (повышение СМИГ, пенсий, пособий и т. д.), которые получили трудящиеся в результате первых, несомненно прогрессивных реформ левого правительства. Реальный доход средней французской семьи за два года пребывания левых сил у власти вырос всего на 2%, что резко контрастировало с предвыборными обещаниями социалистов и ожиданием „чуда” среди рядовых избирателей, проголосовавших в мае 1981 г. за Ф. Миттерана.

Спротивление крупного капитала. Отступление левого правительства. Поворот к режиму „жесткой экономии”. Скромные успехи левого правительства в 1981–1982 гг. в значительной степени объяснялись тем, что социалисты, главенствовавшие в правительстве и парламенте, не хотели выходить за рамки политики „социального партнерства”, т. е. равной ответственности предпринимателей и трудящихся за выход из экономического кризиса при арбитражной роли государства. Но если трудящиеся и их представители — крупные профцентры — на первых порах (до весны 1982 г.) проявляли понимание трудностей, стоящих перед левым правительством, и воздерживались от забастовок, то другой контрагент — патронат — после первого шока от победы левых сил (как же, коммунисты вошли в правительство!) с осени 1981 г. перешел к политике активного сопротивления. Первое крупное столкновение между патронатом и правительством началось по вопросу о национализации предприятий и банков.

Первоначальным актом финансовых кругов Франции на принятие закона о национализации стало „бегство капиталов” (перевод валюты) за границу, главным образом в Швейцарию. В октябре 1981 г. вся страна была потрясена скандальной аферой финансовой группы „Париба”, которая подлежала национализации. Оказалось, что ее бывший президент П. Мусса, воспользовавшись тем, что проект закона о национализации не охватывал заграничные филиалы „Париба” в Швейцарии, Бельгии и Люксембурге, начал срочно перекачивать капиталы из

головного банка в Париже в его заграничные филиалы. Благодаря бдительности рядовых банковских служащих „Париба” эта махинация стала достоянием гласности. П. Мусса был привлечен к суду, а на банковские операции „Париба” наложили арест.

Хотя левое правительство срочно издало декрет о контроле за продажей акций и переводе капиталов за границу из финансовых фондов подлежащих национализации компаний и банков, полностью закрыть каналы нелегальной утечки капиталов не удалось, тем более что иностранные банки, особенно в Швейцарии, мало интересовались вопросом, каким путем — легальным или контрабандным — попадают деньги в их сейфы. По подсчетам левой французской печати, к июлю 1982 г. в таких „беггах” уже находилось около 500 млрд. фр. И это при том, что в государственном бюджете страны на 1982 г. был заложен дефицит в 95 млрд. фр.

Даже министры-социалисты вынуждены были признать, что программа „социального партнерства” в части „уговаривания” крупного капитала уже через три месяца после формирования левого правительства явно дает сбой. Выступая на очередном съезде соцпартии в г. Валансе, государственный министр внутренних дел и децентрализации, мэр Марселя, известный правый социалист Гастон Деффер открыто заявил о „саботаже, которым занимаются сейчас финансовые круги и часть высших чиновников”.

Но „бегством капиталов” дело не ограничилось. Используя конституционные процедуры, патронат сорвал введение первоначального проекта о национализации, принятого Национальным собранием осенью 1981 г. Правые партии в парламенте, представлявшие финансово-экономические интересы капитала, опротестовали закон о национализации в Конституционном совете. Последний в январе 1982 г. рассмотрел эту апелляцию и признал закон о национализации не противоречащим Конституции V Республики. Вместе с тем по ряду отдельных статей закона (о сроках национализации и ее объеме, размерах компенсации бывшим владельцам акций предприятий и банков) совет выразил несогласие. На практике это означало повторное обсуждение и затягивало вступление закона в силу, ибо такой длительной „паузой” крупный капитал активно пользовался для продолжения перекачки капиталов из подлежащих национализации отраслей и банков за границу или в оставшиеся частными французские фирмы.

Правительству пришлось пойти на уступки и увеличить размер компенсации бывшим владельцам, что изъяло из бюджета дополнительно еще 10—15 млрд. фр. Только после этого

„облегченный” законопроект вторично прошел парламент и в феврале 1982 г. наконец вступил в силу.

Но на этом борьба патроната с левым правительством не только не кончилась, а разгорелась с новой силой. В декабре 1981 г. на очередном съезде Национального совета французского патроната (НСФП) произошла смена руководства. Его прежний председатель Франсуа Сейрак ушел в отставку, а вместо него был избран крупный предприниматель Ивон Гаттаз, представитель более молодого „динамичного” поколения патронов, исповедовавший принцип „либерального капитализма”, т. е. ставку на ТНК, свободу конкуренции и т. п. И. Гаттаз сразу заявил, что патронат по-своему понимает проводимую левым правительством национализацию — как... просто другую форму прежних частных компаний. Национализированные или частные, заявил председатель НСФП, эти фирмы все равно должны подчиняться законам рыночной капиталистической экономики. В противном случае, угрожающе подчеркнул И. Гаттаз, патронат „взорвет мосты” между ним и правительством.

Сплотив свои ряды, НСФП пошел в атаку. В апреле 1982 г. состоялись переговоры патроната с правительством, и оно снова согласилось на уступки: была сокращена и без того мизерная сумма (по сравнению с другими странами ЕЭС) налога на капитал (это дало частным компаниям 11 млрд. фр.) и предоставлена до июля 1983 г. отсрочка по увеличению платежей частных фирм в кассу соцстраха, из которой выплачиваются пособия по безработице, болезни, увечьям на производстве и т. п.

Постепенное отступление правительства П. Моруа от ранее принятых прогрессивных законов в социально-экономической сфере уже весной 1982 г. вызвало первую серьезную критику ФКП и ВКТ в его адрес. К весне 1982 г. и многим трудящимся стало ясно, что крупный капитал намеренно саботирует проведение в жизнь прогрессивных социальных законов. Это особенно проявилось во время реализации закона о сокращении рабочей недели (с 41 до 39 часов). Хотя закон предусматривал сохранение зарплаты на прежнем уровне, предприниматели начали ее уменьшать, ссылаясь на якобы снижение производительности труда рабочих. В ответ в феврале — марте 1982 г. в ряде отраслей (металлургической, авиационной, текстильной и др.) начались массовые забастовки. Некоторые предприятия были даже заняты рабочими и служащими.

Тем не менее правительство П. Моруа под давлением крупного капитала продолжало отступать. В июне 1982 г., ровно через год после формирования левого правительства, его

премьер-министр П. Моруа объявил о необходимости проведения политики „жесткой экономии” и обнародовал декрет о замораживании цен не только на товары первой необходимости на 4 месяца, но и впервые о замораживании заработной платы на 3 месяца. Последнее было очередной уступкой крупному капиталу, ВКТ справедливо назвало этот антирабочий акт „экономической и политической ошибкой” правительства. По сути, это означало возврат к политике прежнего правительства, а все различие состояло в эпитетах: у Р. Барра она называлась „строгой”, у П. Моруа — „жесткой экономией”.

Между тем патронат продолжал давление по многим каналам, скрыто саботируя экономические мероприятия левого правительства. Прогрессивные экономисты подсчитали, что в 1981 г. прибыль частных компаний превысила 800 млрд. фр., но на развитие национальной экономики их руководители выделили на 1982 г. всего $\frac{1}{8}$ часть этой суммы. Остальные 700 млрд. ушли либо в швейцарские банки, либо были вложены в филиалы этих компаний за границей.

С осени 1982 г. начались открытые атаки на левые силы. Сначала патронат выпустил на авансцену своих „младших” партнеров — владельцев маленьких мастерских. 20 тыс. „мелких патронов” устроили в Париже факельное шествие, несли лозунги „Долой диктат правительства!”, „Нет — национализации!” и т. п.

Спустя некоторое время патронат спровоцировал 30-тысячную демонстрацию „лиц свободных профессий” — адвокатов, нотариусов, архитекторов, врачей. Они также требовали „остановить налоговый пресс”, „перестать бросать деньги бездельникам” (т. е. безработным) и т. п. Затем вышли на улицы столицы мелкие лавочники.

Правая пресса подняла истошный вой об „угрозе” гражданской войны, о неспособности правительства „навести порядок”. Все это внешне очень напоминало Чили во времена С. Альенде в 1973 г. или Португалию 1974—1975 гг. после „революции гвоздик”.

Однако все это было лишь прелюдией. В декабре 1982 г. в Париже состоялся необычный конгресс — расширенное заседание Национального совета французского патроната, на которое съехалось рекордное число предпринимателей — 25 тыс. человек. Суть этого собрания, каждый день которого стоил 10 млн. фр., предельно ясно отразил один из ораторов: „Не надо... без боя уступать профсоюзам в их требованиях увеличения оплачиваемых отпусков, уменьшения продолжительности рабочей недели и повышения социальных пособий”.

Результаты этих „генеральных штатов” французского капитала не замедлили сказаться: в том же декабре 1982 г. патронат сорвал переговоры с профсоюзами о выделении дополнительных средств в государственный фонд помощи безработным.

Кризис внутренней политики левого правительства. Открытый поворот социалистов к режиму „жесткой экономии”. Роль крупного капитала в подрыве социалистического эксперимента во Франции. К началу нового 1983 г. классовая обстановка во Франции накалилась. Патронат открыто игнорировал призывы правительства П. Моруа к „социальному партнерству”. Правые партии не скрывали, что они намерены дать левым силам открытый бой в марте, на муниципальных выборах, которые они рассматривали как „генеральную репетицию” парламентских выборов 1986 г., где правая оппозиция намеревалась взять реванш за сокрушительное поражение 1981 г.

Имелся ли у левых сил другой выход? Да, отвечали ФКП, ВКТ, ряд других левых политических и профсоюзных объединений, в том числе и левое крыло ФСП. Надо отказаться от обанкротившейся политики „социального партнерства”, опереться на профсоюзы, комитеты предприятий, все левые формации.

В декабре 1982 г. ФКП провела в Париже общенациональную конференцию по проблемам выхода из кризиса. В конференции приняли участие не только активисты ФКП, но и представители многих профсоюзов, директора ряда крупных национализированных предприятий, видные ученые-экономисты. Выступавшие на конференции, оперируя цифрами и фактами, убедительно показали, что у левого большинства есть реальные возможности вывести страну из тупика „социального партнерства”. Среди этих мер предлагались: 1) более активное использование национализированного сектора (промышленных предприятий и банков) в борьбе за национальный рынок против иностранных монополий; 2) широкое привлечение к этой борьбе профсоюзов, комитетов предприятий, всех трудящихся; 3) усиление внешнеторговых связей государственного сектора, включая социалистические страны.

Эти предложения не были новыми, они лишь конкретизировали то, что ФКП выдвинула еще в феврале 1982 г. на своем XXIV съезде. Именно на нем в Отчетном докладе Генеральный секретарь ЦК ФКП Жорж Марше четко отделил стратегию коммунистов от реформистской тактики социалистов: „Наша стратегия не имеет ничего общего с усыпляющей концепцией постепенной, плановой эволюции, при которой остается только

ждать, чтобы избиратели направлялись каждые пять или семь лет к избирательным урнам... Сводить роль народного движения к пассивной поддержке правительства, которому оно поручило бы преобразование общества, — значит поставить все с ног на голову и обречь себя на поражение. Преобразования удастся провести лишь благодаря широким, сознательным и решительным действиям нашего народа”.

Но лидеры ФСП и их представители в правительстве избрали прямо противоположный курс. Хотя муниципальные выборы в марте 1983 г. не принесли правым ожидаемой победы и левые в целом сохранили свои позиции (причем в крупных городах, и по-прежнему с перевесом над правыми), правительство П. Моруа не использовало этот мандат левых избирателей в их пользу, продолжая отступать перед натиском крупного капитала. На этот раз „двумстам семействам” в самой Франции пришел на выручку международный капитал в лице монополий ЕЭС.

Сразу после муниципальных выборов министр финансов и экономики Ж. Делор отправился в Брюссель на совещание участников европейской валютной системы ЕЭС, где ему был предъявлен ультиматум: партнеры Франции по „Общему рынку” готовы выручить ее и предоставить заем в 3,5 млрд. долл. на покрытие внешнеторгового дефицита, но в обмен на это социалисты обязаны „скорректировать” свой внутривалютный курс.

На практике это означало следующее. Франция обязана была в третий раз девальвировать свою валюту еще на 8% по отношению к марке ФРГ, начать активно осуществлять режим „жесткой экономии” (сократить расходы на социальные нужды, ликвидировать нерентабельные отрасли, фактически перестать бороться с безработицей и т. п.), словом, вернуться к той же политике „строгой экономии”, которую в 1975—1980 гг. проводило предыдущее правое правительство Р. Барра. Нажим монополий ЕЭС был подкреплен угрозами из США: если социалисты не проведут „корректировку курса”, то Америка откажет им в обещанном ранее займе еще на 4 млрд. долл.⁷

Правительство П. Моруа приняло все эти условия. 22 марта 1983 г. было объявлено о реформировании созданного

⁷ Характерно, что ровно 36 лет назад, в марте 1947 г., точно такие же условия были выдвинуты перед тогдашним премьер-министром, лидером правых социалистов Леоном Блюмом во время его визита в Вашингтон. Только тогда речь шла о помощи США по „плану Маршалла”, а дополнительным условием стало требование удалить коммунистов из правительства, что и было сделано социалистами в мае 1947 г.

в июне 1981 г. левого правительства. Четыре министра-коммуниста сохранили свои прежние портфели, но из нового состава (премьером остался П. Моруа) вышли несколько министров, несогласных с политикой „жесткой экономии” и диктатом США и ЕЭС, в частности министр по научным исследованиям и промышленности левый социалист Ж.-П. Шевенман⁸ и министр внешней торговли голлист М. Жобер. Шевенман в преддверии намеченного на осень 1983 г. очередного съезда ФСП опубликовал от имени левого крыла соцпартии брошюру-памфлет и серию статей в ряде крупных парижских газет, где расценил эту политику международного капитала как „вызов левым силам”. Он писал: „Это мощный нажим, который, если бы он достиг цели, привел бы к тому, что не Франция, а США и ФРГ определяли бы стратегию отношений с СССР”.

Последнее замечание было глубоко симптоматичным. Дело в том, что П. Моруа, переформировав правительство, от его имени опубликовал 25 марта 1983 г. новую правительственную программу „жесткой экономии” из десяти пунктов. В этой программе во главу угла ставились уже не продолжение социальных реформ, борьба с безработицей и инфляцией, а обычные меры преодоления внешнеторгового дефицита на путях соглашения с отечественным и зарубежным капиталом.

Поскольку такой поворот на 180 градусов вызвал обоснованную критику левых сил внутри страны (Шевенман, например, прямо назвал этот поворот отказом от предвыборной платформы левых сил 1981 г.), под нажимом из США была предпринята отвлекающая акция — весной 1983 г. из Франции под надуманным предлогом в „шпионаже” была выслана большая группа советских сотрудников посольства, торгпредства, журналистов и др. Более того, накануне обсуждения правительственной программы „жесткой экономии” определенные круги пошли на прямую провокацию: неизвестные лица обстреляли помещение Генерального консульства и представительство Аэрофлота в Париже. Все эти действия сопровождалась шумной антисоветской кампанией о „шпионах Москвы” во Франции в правой буржуазной печати и по телевидению.

Таким образом, правые социалисты прибегли к традиционной тактике буржуазных политиканов: свои грехи они пытались списать по старой обанкротившейся еще в 20-х годах статье о „руке Москвы”. Был здесь и новый момент — вбить клин

⁸ В июле 1984 г. Шевенман, однако, снова вернулся в правительство Л Фабиуса, а в мае 1988 г. стал министром обороны в правительстве М. Рокара.

между ФКП и КПСС, поскольку представители компартии остались и в „обновленном” правительстве П. Моруа.

Но все усилия отвлечь внимание трудящихся от антинародной, направленной на защиту интересов крупных монополий программы „жесткой экономии” оказались тщетны. Профсоюзы решительно выступили против программы из десяти пунктов — страну потрясла волна крупных забастовок.

Не удалось вбить клин и между ФКП и КПСС. Компартия осудила антисоветскую кампанию весной 1983 г. во Франции. Депутаты-коммунисты в Национальном собрании подвергли программу П. Моруа серьезной критике, предложив ряд конструктивных поправок, направленных на усиление налогов с состоятельных слоев населения.

Однако П. Моруа, используя социалистическое большинство в Национальном собрании, удалось протащить свою программу „жесткой экономии”. В результате из бюджета страны фактически на поддержку французского крупного капитала было перекачано более 64 млрд. фр. за счет увеличения налогов на малоимущие слои, повышения платы на лекарства, за проезд на транспорте, коммунальные услуги, за счет урезания кредитов местным органам власти, сокращения инвестиций в „нерентабельные” отрасли национализированной промышленности. Правительство не скрывало, что все эти меры „жесткой экономии” приведут к снижению темпов промышленного производства и новому росту безработицы (на 150 тыс. человек к концу 1983 г.), но оно уже сделало свой выбор: попытки в 1981—1982 гг. „найти третий стул” между трудом и капиталом закончились полным провалом. П. Моруа и его „команде” пришлось в марте 1983 г. сесть на „стул”, подставленный отечественным и международным капиталом.

Распад левой коалиции — выход министров-коммунистов из правительства. Дальнейшее сползание социалистов вправо. Поражение на парламентских выборах в марте 1986 г. Осенью 1983 г. Францию захлестнула волна забастовок. На этот раз трудящиеся выступали против правительственной политики „жесткой экономии”. Бастовали целые отрасли — судостроительная, угольная, металлургическая. В защиту кредитов на образование государственных школ поднялись учителя. Участились выступления левых избирателей против начавших поднимать голову ультраправых неонацистских организаций во Франции, среди которых набирал силу „Национальный фронт” во главе с Ж.-М. Ле Пенем.

Коммунисты стремились сдержать сползание левого правительства вправо. В декабре 1983 г. состоялась очередная

встреча делегаций ФКП и ФСП по обсуждению социально-экономических вопросов. Компартия предложила вновь вернуться к политике 1981–1982 гг., прекратить правительственные уступки крупному капиталу. Но ФСП осталась на прежних позициях. Удалось договориться лишь о создании рабочей группы двух партий для изучения экономических вопросов и вопросов занятости.

В самой социалистической партии шла острая борьба между правым большинством и левым меньшинством. Правые открыто предлагали отказаться от союза с коммунистами, начать диалог с оппозицией в лице Ж. Ширака и В. Жискар д'Эстена на предмет возможной коалиции и даже изменить название „социалистическая” на „социал-демократическая” партия. В целом это сползание к 1984 г. завершилось тем, что правое большинство ФСП и его представители в правительстве оказались на позиции лейбористов в Великобритании или социал-демократов в ФРГ, т. е. в положении „временно управляющих” капиталистическим государством.

Такая пагубная политика отрицательно сказалась в июне 1984 г. на выборах в Европейский парламент — левые кандидаты потерпели тяжелое поражение. Хотя эти выборы не имели прямого отношения к расстановке сил во французском парламенте (там по-прежнему левые партии сохраняли абсолютное большинство), косвенно они отражали настроение избирателей, голосовавших в 1981 г. за левого президента, ФСП и ФКП. Большинство мест в Европейском парламенте завоевала правая оппозиция, а левые потеряли 6 млн. своих избирателей (4 млн. социалисты и 2 млн. коммунисты). Опасным симптомом стал неожиданный успех ультраправого „Национального фронта” Ле Пена. Впервые выставив своих кандидатов, эти неофашисты сразу получили 11% голосов (столько же, сколько и ФКП). За ультраправых проголосовало немало отчаявшихся безработных, особенно молодых.

Выводы, которые сделала соцпартия из этой косвенной „пробы сил” за почти два года до парламентских выборов в марте 1986 г., оказались прямо противоположными настойчивым рекомендациям коммунистов. В июле 1984 г. без консультации с ФКП премьер-министр П. Моруа неожиданно подал в отставку. Президент Ф. Миттеран поручил сформировать кабинет одному из деятелей правого крыла ФСП Лорану Фабиусу, открыто исповедовавшему социал-демократическую концепцию „технократического капитализма”. Программа его кабинета, еще более усиливавшая режим „жесткой экономии”, была совершенно неприемлема для ФКП. 19 июля 1984 г.

ЦК ФКП опубликовал заявление о выходе компартии из правительства. Левая правительственная коалиция распалась.

Кризис правительственной политики левых сил проходил в условиях явного сплочения правой оппозиции — Объединения в поддержку республики (ОПР) во главе с мэром Парижа Ж. Шираком и Союза за французскую демократию (СДП) во главе с В. Жискаром д'Эстеном и Р. Барром, которые еще весной 1982 г. согласовали общую платформу противодействия левым силам. Главным лозунгом правой оппозиции, не имевшей эффективных рычагов „наверху”, в парламенте, стал лозунг отвоєвания власти „внизу”, в местных органах власти.

Оппозиция сосредоточила свои усилия на борьбе за места в выборные органы самоуправления на уровне департаментов (генеральные советы) и особенно коммун (муниципалитеты). Постепенно, шаг за шагом она отвоєвывала у левых сил эти места. В марте 1982 г. на частичных кантональных выборах в генеральные советы за правых кандидатов проголосовало 52% избирателей. Левые силы потеряли тогда более 100 мест.

На волне успеха выборов в Европейский парламент правая оппозиция провозгласила, что на очередных частичных кантональных выборах в марте 1985 г. она вообще лишит расколотые левые силы представительства в генеральных советах департаментов. И хотя ради этой победы лидеры правой оппозиции открыто блокировались с неонацистами Ле Пена, достичь своего им все же не удалось. Решающего перевеса они и на этот раз не получили. Более того, ФКП даже несколько улучшила в марте 1985 г. свои показатели по сравнению с выборами в Европарламент в июне 1984 г.

Однако, суммируя итоги кантональных выборов 1982 и 1985 гг., следует признать, что правая оппозиция за год до парламентских выборов 1986 г. значительно продвинулась вперед „внизу”. Отныне она контролировала генеральные советы 69 департаментов из 95.

Правительство Л. Фабиуса пыталось противопоставить этому наступлению давно назревшую реформу избирательного права — замену реакционной мажоритарной системы голосования в два тура на прогрессивную пропорциональную в один тур (побеждает тот кандидат, который набрал больше голосов, чем соперники).

Характерно, что первый законопроект о переходе V Республики к пропорциональной системе предложили в Национальном собрании еще в декабре 1981 г. депутаты-коммунисты. Но тогда социалистическое большинство их не поддержало. На

XXV съезде ФКП в феврале 1985 г. компартия вновь высказалась за пропорциональную систему.

В 1985 г. закон о пропорциональной системе был наконец принят. Социалисты надеялись, что новая система голосования позволит им сохранить большинство в Национальном собрании и на парламентских выборах 1986 г.

Одновременно в 1984–1985 гг. было ускорено прохождение законов о так называемой децентрализации. Эти данные предусматривали предоставление больших экономических и административных прав местным коллективам.

Реформа избирательного права и расширение прав местных коллективов безусловно носили позитивный характер. Но сами по себе они вовсе не обеспечивали социалистам автоматического преимущества на выборах. Ведь и при новой системе голосовали живые люди, а для них была важна не сама система голосования как таковая, а политика правительства, прежде всего в социально-экономической области. А как раз здесь дела у правительства Л. Фабиуса шли из рук вон плохо: дороговизна продолжала расти, безработица увеличивалась, условия труда ухудшались.

Печать профсоюзов подсчитала, что если в 1981 г. во Франции было 35 тыс. миллионеров, то к 1986 г. их количество увеличилось почти в три раза и достигло 90 тыс. человек, а их прибыли возросли с 251 млрд. фр. до 531 млрд. Вот какими благами обернулся „социалистический эксперимент"! Трудящиеся резонно спрашивали у социалистов — кому же все-таки они служат?

Окончательный ответ был дан в конце 1985 — начале 1986 г., за несколько недель до парламентских выборов и выборов в региональные советы, назначенных на 16 марта 1986 г. по новой пропорциональной системе. Этот ответ вылился в обсуждение в Национальном собрании антирабочего законопроекта „О регулировании рабочего времени”. Законопроект был подготовлен в недрах патроната еще в 1983 г., вскоре после провозглашения курса на „жесткую экономию”. Формально он был направлен на регулирование времени укороченной рабочей недели (вспомним, что в 1982 г. она была сокращена до 39 часов). Фактически под предлогом „гибкого использования рабочей силы” законопроект предоставлял предпринимателю или администратору национализированной компании право по своему усмотрению распоряжаться рабочим временем трудящихся — работать в вечернюю или ночную смену, в субботу и воскресенье, при этом не выплачивая сверхурочных. Кроме того, они могли останавливать в любое время и на любой срок

производство, не платя рабочим и служащим за простой („техническая безработица“).

Все это означало не что иное, как реванш крупного капитала за временные уступки 1981—1982 гг. (повышение СМИК, пособий, сокращение рабочей недели и др.). Это „регулирование“ должно было вернуть предпринимателям то, что они временно потеряли.

Первая попытка протащить законопроект еще осенью 1984 г. провалилась: профсоюзы и ФКП решительно выступили против, и парламентарии-социалисты тогда еще не посмели отменить то, за что они голосовали в 1982 г. Но осенью 1985 г. ситуация начала меняться. Патронат оказывал все растущее давление, правительственная коалиция левых сил развалилась, правые наступали, а впереди уже маячили парламентские выборы марта 1986 г.

Законопроект был поставлен правительством Л. Фабиуса на голосование в Национальном собрании. Развернулась настоящая битва, которая длилась три месяца. Депутаты-коммунисты и часть левых социалистов решительно выступили против драконовского антирабочего закона. Дебаты затягивались далеко за полночь. Одна только фракция ФКП в нижней палате парламента внесла более 400 поправок. Приближались рождественские каникулы, с ними — 25 декабря, т. е. конец осенней сессии Национального собрания, а закон „О регулировании рабочего времени“ все еще не был принят. Тогда правительство, используя процедурные парламентские уловки, искусственно прекратило прения. Затем, используя большинство депутатов-социалистов, оно все же протащило законопроект через нижнюю палату парламента.

Но и это было еще не все — закон считался пока проектом, так как нужна была санкция верхней палаты — Сената. Однако Сенат должен был собраться только в апреле 1986 г. на весеннюю сессию парламента, а выборы были назначены на март. Кроме того, возникла угроза отмены голосования в Национальном собрании Конституционным советом: он мог усмотреть в искусственном прекращении прений нарушение Конституции V Республики. Словом, нужна была „чистая“ победа и в нижней, и в верхней палатах, причем до парламентских выборов марта 1986 г.

Премьер-министр Л. Фабиус пошел на беспрецедентный шаг: сразу после рождественских каникул декретом президента парламента был вновь созван — на этот раз на чрезвычайную сессию. На повестке стоял всего один вопрос — срочное принятие закона „О регулировании рабочего времени“. Национальное

собрание заседало для проформы — оно уже приняло законопроект и теперь должно без дискуссий лишь подтвердить прежнее решение. С Сенатом также не было больших хлопот — в нем большинство шло за правыми партиями, а они обеими руками голосовали за любые меры, направленные против рабочих и служащих. Главное — это выигрыш времени. В конце концов антирабочий закон был принят и Сенатом, но это не принесло правым социалистам успеха на парламентских выборах 1986 г.

Выборы 16 марта в Национальное собрание дали следующие результаты. Блок правых партий (ОПР, СФД, мелкие правые группировки) получил 291 место, ФСП и левые радикалы — 216 мест, ФКП — 35 мест, ультраправый „Национальный фронт” Ле Пена — 35 мест. Новое правое правительство было поручено сформировать Жаку Шираку.

В целом это не было неожиданностью. С июня 1984 г. все местные и зарубежные обозреватели предсказывали победу правых в марте 1986 г. О том же свидетельствовали и опросы общественного мнения. Но реальные результаты голосования рядовых избирателей внесли все же существенные коррективы в политические прогнозы.

Во-первых, ни одной из партий правой коалиции не удалось в одиночку завоевать абсолютное большинство мест в Национальном собрании, как ФСП в 1981 г. Только союз ОПР и СФД вкупе с мелкими правыми группировками дал им большинство (289 голосов из 577). Во-вторых, социалисты, несмотря на все пессимистические прогнозы, сохранили довольно внушительное представительство, получив более трети голосов всех избирателей. В-третьих, они сохранили за собой ключевой пост президента. Полномочия Ф. Миттерана сохранялись до мая 1988 г.

Серьезную неудачу потерпела ФКП. После 1958 г. (тогда она получила 10 мест) выборы 1986 г. дали самый низкий показатель для компартии (35 мест).

Итоги пребывания левых сил у власти в 1981–1986 гг. ФКП подвела на XXVI съезде в декабре 1987 г. Эти результаты не были однозначными. Как отмечалось на съезде, в деятельности левого правительства отчетливо различаются два этапа.

Первый этап (июнь 1981 г. — март 1983 г.) отмечен целым рядом несомненно прогрессивных реформ, особенно в социально-экономической сфере. Такие завоевания трудящихся, как укрепление и расширение национализированного сектора, предоставление профсоюзам определенных прав в контроле и управлении государственными и частными компа-

ниями через комитеты предприятий, ограничение произвола частных предпринимателей в увольнении (закон об обязательной санкции на это Министерства труда), сокращение рабочей недели, снижение пенсионного возраста до 60 лет и ряд других важных социальных законов, которые стояли в повестке дня профсоюзов еще с 1968 г., несомненно говорили в пользу левых сил. Сюда же необходимо отнести структурные реформы левого правительства (ограничение власти префектов, расширение полномочий местных коллективов) и реформы избирательного права — возврат к пропорциональной системе времен IV Республики.

Для второго этапа деятельности левого правительства (март 1983 г. — март 1986 г.) характерны постепенный отказ от программы прогрессивных реформ, сползание социалистов на традиционный социал-демократический путь „приказчиков” крупного капитала, возврат к экономической программе прежних правых правительств до марта 1981 г. и в конечном итоге полный отказ от данных трудящимся в 1981—1982 гг. обещаний осуществить во Франции „социалистический эксперимент”, отличный от „восточных моделей”.

Второй период деятельности левого правительства вызвал глубокое разочарование широких слоев левых избирателей, отказавших социалистам в прежней поддержке на парламентских выборах в марте 1986 г. Пленум ЦК ФКП, анализируя итоги этих выборов, отметил в докладе члена Политбюро секретаря ЦК ФКП П. Лорана „По пути, указанному XXV съездом, — спланировать ряды и бороться”, что внутри страны к весне 1986 г. произошел значительный сдвиг вправо. Он был вызван прежде всего политикой социалистов, их курсом на „жесткую экономию”. Отказ от прежних позитивных лозунгов и акций („Изменить жизнь”), явная ориентация в последние два года пребывания у власти на союз с патронатом — все это предопределило поражение на выборах.

Коммунисты самокритично признали и свои недостатки, что также сказалось на падении влияния ФКП даже среди традиционного электората (*électorat*). На страницах коммунистической печати (в газете „Юманите”, журнале „Революция” и др.) был проведен подробный анализ неудач ФКП. Главная причина поражения левых сил на парламентских выборах в марте 1986 г. — это разочарование массового избирателя в способности левого правительства эффективно бороться против инфляции, безработицы, роста дороговизны и т. д. Первыми переметнулись на сторону правых „кочующие голоса”, но среди избирателей оказалось немало рабочих и служащих, которые

в 70-е — начале 80-х годов традиционно голосовали за социалистов и коммунистов.

Поправление левого избирательного корпуса к середине 80-х годов (за Национальный фронт Ле Пена в 1986 г. проголосовала даже часть электората ФКП), вызванное его апатией и разочарованием в левом правительстве, — главная причина поражения левых.

Кроме того, ФКП не удалось в 1981–1984 гг. достаточно убедительно разъяснить массовому избирателю свою позицию как главной партии защиты интересов трудящихся в правительстве. Как отмечалось еще на XXIV съезде ФКП, часть электората коммунистов поддавалась гипнозу избирательных успехов социалистов в 1981–1985 гг. и считала, что для победы над правыми в 1986 г. „необходим отход компартии на второй план в пользу ФСП”.

Свою роль сыграла и достаточно умелая пропаганда социалистов, сумевших представить ФКП в глазах массового, но неискущенного в партийных разногласиях левого избирателя как „партию раскола” левых сил (на парламентских выборах 1978 г. — отдельный список кандидатов, в первом туре президентских выборов 1981 г. — собственный кандидат в президенты Жорж Марше, в июле 1984 г. — „удар в спину”: выход министров-коммунистов из правительства Л. Фабиуса).

Все это, вместе взятое, вводило традиционного избирателя коммунистов от ФКП к ФСП и даже в условиях поражения левых сил в целом на выборах в марте 1986 г. позволило собственно ФСП сохранить значительное представительство в Национальном собрании и титул первой партии левой оппозиции в стране.

Тем не менее основная политическая задача ФКП и ФСП после поражения на парламентских выборах осталась общей — защитить от демонтажа прогрессивные реформы 1981–1986 гг., не допустить дальнейшего усиления правых.

2. Советско-французские отношения

Де Голль и основные принципы „восточной политики” V Республики. Еще в 1922 г. В. И. Ленин, подчеркивая традиционно дружественный характер русско-французских отношений, отмечал: „Всякое сближение с Францией для нас чрезвычайно желательно...”⁹ История советско-французских отношений с 1917 г. развивалась неровно: были периоды откры-

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 237.

той враждебности (например, во время гражданской войны и иностранной интервенции, одним из активных вдохновителей которой была французская буржуазия), но были и периоды активного сотрудничества (например, в 1941–1944 гг., когда СССР сыграл решающую роль в возвращении „Сражающейся Франции” в число великих держав).

Но даже в период „холодной войны” СССР и Франция сумели заключить соглашение (1951) о статуте торгового представительства своих стран, действующее и поныне. Однако долговременное сотрудничество обеих стран в различных сферах — культурной, экономической, политической — началось лишь при де Голле, в годы V Республики. Решив в 1962 г. алжирскую проблему (Алжир — это „пробка, затыкающая Францию путь в будущее”), де Голль приступил к практической реализации своей „восточной политики” — к нормализации и расширению сотрудничества с СССР и европейскими странами — участницами СЭВ.

„Оттепель” в советско-французских отношениях началась с 1964 г. В этом году состоялась серия взаимных визитов высокопоставленных государственных деятелей двух стран, посвященных торговому и научно-техническому сотрудничеству.

30 октября 1964 г. были подписаны торговое и кредитные соглашения (1965–1969). Они отличались рядом особенностей. Во-первых, впервые в истории советско-французских отношений соглашения заключались не на три года, а на пять лет. Во-вторых, значительно увеличивался промышленный обмен: станки, прессы, тракторы, часы, фотоаппараты, подшипники и др. — из СССР, комплектное оборудование (готовые заводы) для химической, легкой, пищевой индустрии — из Франции. В-третьих, Франция предоставляла для этих целей долгосрочные (до 7 лет) кредиты, за счет которых оплачивалась половина импортируемых в СССР французских товаров.

Эти торгово-кредитные соглашения 1964 г. были дополнены рядом научно-технических протоколов. Так, 22 марта 1965 г. СССР и Франция подписали соглашение о сотрудничестве в области цветного телевидения.

В 1965 г. „оттепель” в советско-французских отношениях распространилась и на область международных отношений. Официальные визиты министров иностранных дел (А. А. Громыко — в Париж в апреле, М. Кув де Мюрвиля — в Москву в октябре — ноябре 1965 г.) продемонстрировали сближение и даже совпадение точек зрения двух правительств по целому ряду международных проблем: осуждение вооруженной интервенции США во Вьетнаме, признание незыблемости европей-

ских границ на основе соглашений союзников в Ялте и Потсдаме в 1945 г., отказ дать санкцию на вооружение ФРГ ядерным оружием.

В 1966 г. советско-французские отношения еще более укрепились. Их дальнейшее развитие было связано с существенным пересмотром де Голлем традиционных „атлантических” приоритетов, характерных для внешней политики IV Республики.

21 февраля 1966 г. де Голль выступил на очередной президентской пресс-конференции, вызвавшей панику в стане „атлантистов” и НАТО. Он публично заявил, что СССР и страны Восточной Европы не угрожают Западу и, стало быть, надобность в НАТО как „щите” от потенциальной „коммунистической агрессии” отпадает. Де Голль объявил, что с 1 июля 1967 г. Франция выходит из военной структуры НАТО (но остается в политических комитетах Североатлантического договора), и предложил руководителям НАТО до 1 апреля 1967 г. покинуть территорию Франции вместе со всеми их многочисленными службами, с 1949 г. обосновавшимися в Париже ¹⁰.

В западноевропейской и американской „атлантической” прессе поднялась шумиха – ушаты грязи были вылиты на „предателя”. В этих драматических условиях де Голль объявил о своем официальном визите в СССР. Визит состоялся с 20 июня по 1 июля 1966 г. и стал крупной вехой в дальнейшем развитии отношений двух стран. Де Голль посетил Москву, Ленинград, Новосибирск, Киев, Волгоград. Впервые в практике отношений СССР с Западом высокому гостю был показан космодром в Байконуре.

Важнейшим итогом визита стала декларация 30 июня 1966 г. о принципах отношений двух стран с разными общественно-экономическими системами. По существу, она стала первым документом разрядки второй половины 60-х – первой половины 70-х годов. Декларация провозглашала незыблемость послевоенных европейских границ, согласованные принципы по безопасности и сотрудничеству в Европе, которые позднее, в начале 70-х годов, лягут в основу соглашений СССР с ФРГ и другими капиталистическими странами Западной Европы, станут краеугольным камнем Заключительного акта общеевропейского Совещания 1975 г. в Хельсинки.

¹⁰ В результате штаб-квартира НАТО переместилась в Брюссель, столицу Бельгии; другие подразделения военного управления НАТО были размещены в ФРГ, Италии и на территории других европейских „атлантических” союзников; одновременно на французской территории были ликвидированы военные базы – как НАТО, так и США.

Важной стороной советско-французской декларации 1966 г. было не только провозглашение принципов мирного сосуществования и разрядки, но и практическое сотрудничество в их дальнейшей реализации. Для решения политических вопросов осуществлялись регулярные взаимоконсультации на уровне министров иностранных дел. Для экстренной связи в случае кризисных международных ситуаций между главами государств вводилась прямая телефонная связь („горячий” или „зеленый” телефон; позднее такая связь была установлена между Кремлем и Белым домом в Вашингтоне, а также между Кремлем и Даунинг-стрит в Лондоне).

В развитие этой декларации, уже после завершения визита де Голля в СССР, в ноябре 1966 г. — январе 1969 г. была подписана целая серия соглашений в области культуры, науки и экономики, по вопросам транспортного (воздушного и морского) сотрудничества, медицины, кинематографии, изучения французского и русского языков и т. д.

Особенно крупные изменения наблюдались в научно-технической области. Здесь впервые за послевоенные годы были предприняты совместные разработки по атомной энергии, а также прямое участие французских фирм в развитии экономики СССР (например, автомобильных концернов „Рено” и „Пежо” в строительстве КамАЗа).

Для практического обеспечения этого грандиозного научно-технического и экономического сотрудничества (СССР готов был разместить во Франции заказы для поставок заводов и фабрик „под ключ” по домостроению, выпуску холодильников, бумаги, текстиля, бытовой химии и др. на сумму в 2,7 млрд. фр.) были созданы две смешанные правительственные комиссии — „Большая” и „Малая”, которые с 1967 г. и до настоящего времени поочередно встречаются в Москве и Париже. Вся техническая работа по реализации сотрудничества была возложена на франко-советскую торговую палату с резиденциями в Париже и Москве.

Развитие сотрудничества на основе новых принципов „восточной политики” для руководителей V Республики означало нечто большее, чем простой возврат к традициям франко-русского союза конца XIX в. Образно это выразил в 1972 г. Жорж Помпиду: „Старая, добрая Франция! Отличная кухня! Фоли-Бержер! Веселый Париж! Художественное шитье и питейный экспорт: коньяк, шампанское, бордо или бургундское. С этим покончено. Франция начала и всесторонне продолжила промышленную революцию”.

Развитие советско-французского сотрудничества в 70-е годы. Основной базой советско-французского сотрудничества после визита де Голля в СССР в 1966 г. стали торгово-экономические и научно-технические связи на долговременной основе, дополнявшиеся культурным обменом и регулярными консультациями по политическим вопросам на высшем уровне (визиты глав государств обеих стран в 1970–1979 гг., встречи министров иностранных дел).

Прежде всего произошло качественное изменение содержания советско-французских экономических отношений. Если в первой половине 60-х годов это были преимущественно традиционно-торговые связи (Франция продавала в основном промышленное оборудование, СССР – сырье, прежде всего нефть), то с начала 70-х годов положение изменилось. Важными вехами стали соглашение 27 октября 1971 г. о долгосрочном (на 10 лет) экономическом, техническом и промышленном сотрудничестве двух стран, дополненное 10 июля 1973 г. Программой советско-французского сотрудничества в области экономики и промышленности (также на 10 лет). Эти документы (а всего за 20 лет, с 1966 по 1986 г., было заключено 11 крупных соглашений) определили программу реализации многомиллионных проектов.

Французские фирмы начали реконструкцию АЗЛК в Москве (государственная компания „Рено”, стоимость 250 млн. фр., увеличение выпуска „Москвичей” вдвое – с 100 до 200 тыс. автомобилей в год). Было расширено участие Франции в строительстве КамАЗа („Рено” построило там завод дизельных двигателей), Усть-Илимского целлюлозно-бумажного комплекса, Минского завода холодильников, заводов по производству аммиака в Горловке и Одессе (фирма „Крезолуар”), в разработке проекта эксплуатации Удаканского медно-рудного месторождения в Якутии, в сооружении крупнейших в мире глиноземных заводов в Николаеве (фирма „Пешинэ-Южин Кюльманн”), Оренбургского газоочистительного комплекса (фирма „Текнип” и „Крезолуар”) и др.

Со своей стороны, советские организации приняли активное участие в строительстве под Марселем, в Фос-сюр-Мер, целого металлургического комплекса, часть продукции которого основывалась на поставках морем криворожской руды. СССР поставил во Францию (г. Исуар, под Клермон-Ферраном) крупнейший в мире гидравлический пресс. В программе сотрудничества были также зафиксированы поставки во Францию оборудования для метрополитена (например, в Марселе), металлоорежущих станков, горных комбайнов, паровых турбин,

тепловозов, специальных грузовых судов, сельскохозяйственной техники (тракторы „Беларусь” и „Владимирец”), автомобилями („Нива” и „Лада”) и др.

Для ускорения продвижения советских товаров на французский рынок были созданы смешанные фирмы: „Актив-Авто” (продажа и техническое обслуживание тракторов, дорожно-строительных машин и др.), „Станко-Франс” (станочное и кузнечно-прессовое оборудование), „Слава” (часы, точные приборы, аппаратура), „Рюсбуа” (пиломатериалы, лесобумажные товары), „Сога” (химтовары и фармацевтика)¹¹. Уже к середине 70-х годов товарооборот между двумя странами увеличился более чем вдвое — с 413 млн. до 941 млн. руб., а к концу 70-х годов он возрос в три раза.

Заложенные при де Голле и активно развитые при Ж. Помпиду франко-советские экономические связи продолжали успешно развиваться во время президентства Валери Жискар д'Эстена (1974—1981).

Начало нового этапа развития V Республики совпало с кризисом капиталистической экономики (свертывание производства, рост безработицы и инфляции, усиление конкурентной борьбы), вызванным энергетическим (нефтяным) кризисом 1973—1974 гг. И вот здесь-то и сказались в полной мере преимущества новых принципов „восточной политики”, которые позволили режиму V Республики частично ослабить негативные последствия кризиса для экономики страны.

Капиталистические страны Западной Европы очутились в очень трудном положении, оказавшись временно отрезанными от дешевых ранее нефтяных источников развивающихся стран, резко поднявших цену на сырую нефть. Первой из „нефтяного голода” стала выходить Франция — ведь у нее был долговременный партнер — СССР, крупнейшая нефте- и газодобывающая страна. С середины 70-х годов акцент в советско-французских экономических связях был перенесен на энергоресурсы. Стороны начали переговоры по проекту века „газ — трубы”.

В декабре 1974 г. в ходе рабочего визита Л. И. Брежнева во Францию между СССР и Францией было подписано соглашение о значительном увеличении с 1980 г. поставок советского природного газа (до 4 млрд. куб. м в год) в обмен на трубы

¹¹ Вслед за Францией аналогичные общества стали создаваться и в других странах Европейского экономического сообщества (например, к началу 80-х годов в Бельгии, Голландии и Люксембурге действовало 11 таких обществ), а в конце 80-х годов их опыт был использован при создании смешанных обществ на территории СССР.

и другое оборудование для гигантского газопровода Сибирь — Западная Европа (стоимость более 10 млрд. фр.). Конечная цель этого соглашения — сократить зависимость экономики Франции от поставок энергоресурсов из развивающихся стран за счет поставок из СССР, доведя их к концу 90-х годов до 90% всех импортируемых энергоносителей V Республики.

К концу 70-х годов СССР стал одним из важнейших торгово-экономических партнеров Франции в мировой торговле: доля товаров из СССР во Францию составляла: сжиженного газа (пропана) — 53%, угля-антрацита — 48%, хлопка и асбеста — 40%, подсолнечного масла 87% французского импорта.

Постоянно росли советские заказы на изготовление промышленного оборудования: во второй половине 70-х годов ежегодно СССР размещал таких заказов на 2,5 млрд. фр. В начале 80-х годов эта сумма увеличилась вдвое, а фирма „Рон-Пуленк” (позднее национализированная левым правительством V Республики) в 1981 г. заключила с советскими внешнеторговыми организациями „контракт века” по долгосрочному промышленному сотрудничеству (10 лет) на гигантскую сумму в 30 млрд. фр. Из 1500 французских фирм, торгующих с СССР, есть немало таких, которые до 60% своей продукции поставляют исключительно в СССР. Неудивительно, что советские промышленные заказы стали важным фактором занятости во Франции (до 250 тыс. рабочих и служащих), это в условиях постоянно растущей безработицы смягчало остроту социальных проблем в стране.

Правительство В. Жискара д'Эстена продолжало расширять советско-французское сотрудничество, что нашло свое выражение в новой „Долгосрочной программе углубления экономического, промышленного и технического сотрудничества” на период 1980—1990 гг., подписанной в ходе визита президента V Республики в СССР.

Вместе с тем не все резервы советско-французского сотрудничества были использованы максимально. Если во второй половине 60-х — начале 70-х годов Франция и СССР выступили первопроходцами разрядки, прежде всего в экономической сфере, то во второй половине 70-х годов на этот путь вступили и другие развитые капиталистические страны. Вскоре они обогнали V Республику по объему торгово-промышленного сотрудничества с СССР, отодвинув ее в начале 80-х годов на пятое место после ФРГ, Японии, Финляндии и Италии.

В значительной степени это объяснялось как слабой мобильностью французских фирм, боявшихся риска и предпочитавших действовать наверняка, так и сравнительно слабой

конкурентной способностью французских товаров на мировом рынке (в „табели о рангах” они занимают весьма скромное 16-е место, намного уступая японским, американским и западногерманским товарам). Поэтому, несмотря на все усилия правительств V Республики и его кредиты, лишь сравнительно небольшое количество фирм (прежде всего крупных, со смешанным капиталом) откликнулись на призыв осваивать „русский рынок”. Отсюда и доля СССР во внешней торговле Франции все эти годы оставалась на уровне 2,5–3%. Сильно подрывала возможности советско-французского сотрудничества инфляция (например, в 1971–1975 гг. французский экспорт из-за этого сократился на 8,5%), а также участие Франции в ЕЭС и КОКОМ¹².

Все это тормозило как продажу французских „стратегических” товаров (ЭВМ, станков и т. д.) в СССР, так и сбыт советских товаров на французском рынке из-за сильной конкуренции стран – участниц „Общего рынка”.

Наряду с торгово-экономическим успешно развивалось научное сотрудничество. Начавшееся особенно активно с 1969 г., оно охватывало такие сферы, как защита окружающей среды (экология), космос, Мировой океан и др. Для совместной разработки проблем создавались смешанные научно-исследовательские группы. Французские ученые сконструировали приборы для советских искусственных спутников и межпланетных станций „Марс”, „Венера” и др. Французский космонавт Ж.-Л. Кретьен участвовал в совместном советско-французском космическом полете. С начала 70-х годов советские и французские ученые совместно ведут наблюдения за искусственными спутниками Земли с двух станций – в Архангельской области и на о-ве Кергелен в Индийском океане.

Советско-французские отношения в 80-е годы. На развитие отношений СССР и Франции в 80-е годы большое влияние оказала новая внешнеполитическая концепция, сформулированная в предвыборных выступлениях в апреле – мае 1981 г. четвертого президента V Республики Франсуа Миттерана и в программном заявлении первого премьер-министра левого правительства социалиста Пьера Моруа в Национальном собра-

¹² К О К О М (координационный комитет по экспортному контролю) – экономическая организация при НАТО, созданная США в годы „холодной войны” (1949), контролирующая продажу в страны СЭВ технологического оборудования, которое может быть использовано, по их мнению, в военных целях (КОКОМ составляет списки товаров экспорта, имеющих „стратегическое” значение).

нии в июле 1981 г. Вкратце эту программу можно свести к двум принципам — „европеизм” (тесные связи с ЕЭС) и „атлантизм” (верность НАТО, включая фактический возврат в его военную организацию).

Известный правый политолог, покойный Раймон Арон, на страницах „Фигаро” в 1981 г. так прокомментировал эту внешнеполитическую программу: „Ни одно французское правительство с 1958 г. не высказывалось в столь атлантическом духе, как правительство Миттерана”. Такой поворот внешнеполитической ориентации не мог не сказаться на франко-советских отношениях. В первые три года пребывания социалистов у власти (1981—1983) традиционные политические консультации двух стран почти прекратились, сократился научный и культурный обмен. Однако экономическое сотрудничество продолжалось, несмотря на попытки США принудить Францию к экономической блокаде СССР из-за Афганистана и сорвать завершение строительства газопровода Сибирь — Западная Европа.

В январе 1982 г. контракт века „газ — трубы” был дополнен соглашением о дополнительных поставках из СССР во Францию в течение 25 лет 8 млрд. куб. м природного газа ежегодно (напомним, что в 1974 г. речь шла о 4 млрд.). В обмен французские фирмы обязаны были выполнить советские заказы по системам телекоммуникаций („Томпсон”, 1,8 млрд. фр.), компрессорным станциям („Крезо-Луар”, 2,3 млрд. фр.), газовым турбинам („Испано-Суиза”, 400 млн. фр.) и т. д.

Но в целом внешнеторговый оборот двух стран стал заметно сокращаться. Большой помехой в размещении советских заказов во Франции стали высокие учетные ставки кредитов, установленные под давлением США в 1982 г., что значительно повышало стоимость заказываемого СССР оборудования. Противники сохранения интенсивного франко-советского сотрудничества использовали и объективные трудности международной торговли — возникший в начале 80-х годов дефицит Франции в торговле с СССР. В 60—70-х годах торговый баланс в целом был всегда в пользу Франции (например, в 1974 г. экспорт в СССР — 2,8 млрд. фр., импорт из СССР — 2,7 млрд. фр.).

Однако в начале 80-х годов мировые цены на нефть и газ значительно возросли, а поскольку они составляли 89% всего французского импорта из СССР, соответственно увеличились и расходы Франции. Французская сторона вместо поисков разумного компромисса встала на путь „силового давления”: попыталась в середине 80-х годов наполовину сократить за-

купки советской нефти и газа, если СССР не увеличит закупки французских товаров. Но СССР это было сделать трудно, так как учетные ставки французских кредитов с 1982 г. по-прежнему оставались очень высокими. Советским внешнеторговым организациям оказалось более выгодным размещать промышленные заказы не во Франции, а в ФРГ и Италии, где эти ставки были много ниже. В результате в 1982—1986 гг. французские фирмы потеряли на этом более 10 млрд. фр., однако французская сторона пыталась возложить всю ответственность дефицита торгового баланса в отношениях двух стран только на СССР, а газета „Фигаро” в начале 1987 г. вообще потребовала... упразднения основного и многолетнего инструмента франко-советского сотрудничества — „Большой комиссии”.

Появившиеся в начале 80-х годов сложности в советско-французских отношениях были частично устранены в ходе двух встреч на высшем уровне — во время визита президента V Республики Ф. Миттерана в СССР в июне 1984 г. и ответного визита Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева во Францию в октябре 1985 г. В ходе последнего визита было подписано очередное соглашение об экономическом сотрудничестве на 1986—1990 гг.

Оценивая этот визит, М. С. Горбачев говорил: „Дать новый импульс советско-французским отношениям — в этом был смысл и встречи на высшем уровне в Париже осенью 1985 года. За последнее время кое-чего удалось добиться. Но, с нашей точки зрения, остаются еще большие неиспользованные возможности”¹³.

¹³ Горбачев М. С. Ответы на вопросы газеты „Юманите”, 4 февраля 1986 г. // Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 3. С. 168.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Итак, V Республика отпраздновала свое 30-летие, отмеченное шестыми выборами четвертого президента страны (де Голль и Миттеран избирались дважды). Детище генерала де Голля — буржуазная республика президентского типа — надолго пережила своего создателя, несмотря на многочисленные пессимистические прогнозы его критиков. Так, известный политолог Морис Дюверже после ухода де Голля в 1969 г. предсказывал крах режима и даже назвал одну из своих работ „На путях к VI Республике”.

Преемники де Голля на посту президента (Ж. Помпиду, В. Жискара д'Эстен, Ф. Миттеран) гораздо более осмотрительно пользовались своими обширными полномочиями (введение чрезвычайного положения, референдумы, право досрочного роспуска Национального собрания и т. д.), чем де Голль, начало и конец правления которого ознаменовались резким обострением классово-политической борьбы (в 1958 и 1968 гг.).

Встав на путь социального и политического маневрирования после „красного мая” 1968 г., крупная французская технократическая буржуазия не стала „изобретать велосипед”, а постепенно начала применять уже имевшийся опыт „социального контракта” своих коллег по классу из других стран „Общего рынка” (ФРГ, Великобритании, Бельгии).

Особенно показательными в этом отношении стали годы первого пребывания социалистов у власти (1981—1986). По сути, они лишь „подтянули” более „отсталую” (с точки зрения неокapитализма) систему французских социальных отношений к более „передовой” системе ФРГ, Великобритании и США. Но сам режим V Республики остался незыблемым, и ни одна политическая партия пока не ставит вопроса об отмене Конституции 1958 г.

В этом отношении был интересен политический опыт существования левого президента Ф. Миттерана с правым правительством Ж. Ширака в 1986—1988 гг. Казалось бы, победив левых на парламентских выборах в марте 1986 г., правые пер-

вым делом должны были поставить вопрос об изменении Конституции 1958 г., дабы легально сместить президента-социалиста со своего поста¹. Однако ничего подобного не произошло, хотя фактов о наличии серьезных разногласий между президентом и премьер-министром по целому ряду принципиальных внутриполитических и внешнеполитических вопросов было предостаточно.

Сформированное после победы правых в марте 1986 г. правительство Жака Ширака сразу приступило к форсированному демонтажу всех прогрессивных мероприятий левого правительства. Основная цель была сформулирована правыми достаточно четко: от национализации (широкого государственного вмешательства во все сферы внутриполитической жизни — от экономики до прессы) к денационализации (возврату в руки частного капитала под флагом рентабельности всех основных рычагов управления в социально-экономической и духовной сферах).

При этом правительство явно спешило, стремясь вернуться к статус-кво до мая 1981 г., пока не спала волна избирательного успеха марта 1986 г. Основной ареной, на которой проходил демонтаж, стал Бурбонский дворец — резиденция Национального собрания. Собравшись на свое первое заседание 2 апреля, депутаты непрерывно заседали более тысячи часов — до начала августа 1986 г., когда наконец их отпустили на каникулы. Такой длительной и бурной парламентской сессии (дело доходило до прямых оскорблений и драк в кулуарах собрания) послевоенная Франция еще не знала.

Правительство выставило целый „пакет” законопроектов (около 30), которые, по сути, отменяли почти все позитивные внутриполитические законы предыдущего правительства и прежнего состава Национального собрания.

Поскольку процедура парламентского обсуждения законопроектов очень длительная (сначала в нижней палате, затем в верхней — Сенате), Ж. Ширак применил практику издания ордонансов (указов), которые не требуют длительного обсуждения в парламенте, хотя и нуждаются в санкции президента.

¹ Прецеденты такого рода уже имелись в истории Франции — достаточно вспомнить борьбу левой палаты депутатов против правого президента маршала Мак-Магона в начале существования III Республики в 70-х годах XIX в., завершившуюся поражением президента, или борьбу де Голля в 1944—1946 гг с коалицией католиков, социалистов и коммунистов вокруг проекта Конституции IV Республики, в которой генерал также потерпел поражение

С этой целью премьер-министр в мае 1986 г. добился от Национального собрания разрешения в течение шести месяцев управлять страной посредством ордонансов².

Поскольку Миттеран в ответ на этот шаг начал все чаще накладывать вето на ордонансы Ширака³, последний стал применять новую процедурную уловку — статью 49 Конституции V Республики: тот или иной важный ордонанс связывался с голосованием вотума доверия правительству. Если Национальное собрание (а в нем, напомним, правые имели большинство) голосует за вотум доверия, закон (ордонанс) без обсуждения автоматически вступает в силу. За июнь — декабрь 1986 г. Ж. Ширак шесть раз ставил таким образом вопрос о доверии правительству и каждый раз добивался своего. Для блокировки такой практики левая оппозиция пыталась использовать Конституционный совет в качестве верховного законодательного арбитра (попытки отменить закон о прессе, закон о статуте иностранных рабочих, закон о терроризме и др.), но особого успеха не добилась.

В итоге к началу 1987 г. правительству Ж. Ширака удалось демонтировать следующие важные законы левого правительства:

В ф и н а н с о в о й сфере в мае — июне 1986 г. был существенно сокращен налог на крупные состояния („налог на корпорации”, существующий сегодня даже в США); объявлена „амнистия” всем тем банкам и компаниям, которые в 1981—1982 гг. организовали „бегство капиталов” за границу; отменен налог на операции с золотом; резко сокращены расходы на социальные и культурные нужды и дотации национализированным обществам (всего на 4 млрд. фр.). Освободившиеся средства правительство направило в „приоритетные области” экономики, что на деле оказалось помощью частным предпринимателям страны.

В э к о н о м и ч е с к о й сфере самой крупной акцией стала распродажа в частные руки 65 национализированных социалистами крупных финансово-промышленных компаний (банка „Париба”, фирмы „Сен-Гобен”, нефтяной компании „Эльф-Акитэн”, страховых компаний и др.) под предлогом

² Впервые такую практику ордонансов применил де Голль в 1958—1959 гг.

³ Так, в июне 1986 г. президент отказался подписать ордонанс о денационализации 65 промышленных групп, а в октябре 1986 г. — законопроект о нарезке новых избирательных округов, который дал бы явное преимущество правым силам на выборах. Однако Ж. Шираку все же удалось протащить оба законопроекта через парламент.

их „нерентабельности“. В целом это была политика английских консерваторов („тэтчеризм“), что сразу же отметила французская и зарубежная пресса. Влиятельная буржуазная газета „Монд“ опровергла основной аргумент распродажи — мнимую нерентабельность. Она убедительно показала, что все обстояло как раз наоборот — с переходом „Париба“, „Сен-Гобен“ и других частных фирм под контроль государства их прибыли (рентабельность) возросли. „В целом, — писала газета в июне 1986 г., — меры по национализации, осуществленные в 1982 г., были успешными“. Газета выражала обоснованную тревогу политикой денационализации: „Не случится ли обратное, если правые пойдут на поводу миражей свободной игры рыночных сил? Возникает опасность расчленения французской экономики, поскольку сегодня для рынка характерна тенденция к установлению господства со стороны США и Японии“.

Прогрессивную общественность не успокоили заверения правительства о том, что во всех случаях распродажи „нерентабельных“ национализированных компаний государство сохранит контрольный пакет акций (51% капитала) за собой („Париба“ была продана с торгов в феврале 1987 г. на следующих условиях: 40% акций — иностранным и частным французским владельцам, 60% акций осталось в руках государства). Та же „Монд“ отмечала, что эта поправка к закону о денационализации вовсе не гарантирует переход контрольного пакета акций в руки иностранцев в будущем.

В с о ц и а л ь н о й сфере правые практически добились отмены многих законов, гарантировавших трудящимся защиту от произвола предпринимателей. Уже в мае 1986 г. был отменен наиболее ненавистный им закон об административном (государственном) контроле за увольнениями, принятый в 1984 г. Отныне хозяин, как и прежде, по своему усмотрению мог увольнять любого рабочего и служащего. Все что удалось оппозиции, так это отсрочить применение этого закона на полгода — не с 1 января, а с 1 июля 1987 г.

Аналогичным образом был отменен ненавистный домовладельцам закон 1984 г. о запрещении принудительного выселения квартиросъемщиков, повышены отчисления трудящихся в пенсионный фонд, поставлен вопрос о возврате к прежнему (65 лет) пенсионному возрасту для мужчин, сниженному социалистами до 60 лет якобы в спекулятивных целях избирательной борьбы, так как старики живут во Франции до 75 лет. Левая печать справедливо отвергла доводы правых о том, что снижение пенсионного возраста обошлось стране в 20 млрд. фр., предложив правительству покрывать этот дефицит из

непомерных расходов на оборону (500 млрд. фр. в апреле 1987 г.).

В области средств массовой информации самой крупной акцией стал введенный в августе 1986 г. в силу закон-ордонанс о реформе государственной радиотелевизионной службы, впервые после 1945 г. официально разрешающий деятельность частных радио- и телестанций на территории Франции. Фактически эта реформа отменяла антитрестовский закон социалистов 1984 г., запрещавший монополизацию средств массовой информации в немногих частных руках (допустимый „потолок” частного капитала — 10%). Эта реформа правых („закон Ф. Леотара” по имени министра культуры и коммуникаций в правительстве Ж. Ширака) повышала „потолок” с 10 до 30%. В рамках этой „денационализации” была объявлена распродажа с торгов самой популярной первой программы французского телевидения — ТФ-1; из некогда серьезной информационно-познавательной она превратилась в чисто коммерческую программу, по которой с раннего утра и до глубокой ночи идут реклама, лотереи, конкурсы, американские боевики и т. п.

Несомненно, что правые в своих усилиях по демонтажу прогрессивных мер левого правительства пошли бы и дальше, если бы не опасались угрозы досрочного роспуска Национального собрания президентом-социалистом (на что он имеет конституционное право) и особенно нового накала классовой борьбы.

Во Франции ни для кого не было секретом, что президент не одобряет многие мероприятия своего премьер-министра. Не скрывал этого и сам Ф. Миттеран. В интервью одной из американских газет он говорил: „Я думаю, что нынешнее правительство по-своему пытается что-то осуществить, взявшись за решение вопросов будущего... Я, однако, не разделяю их взгляда на методы решения этих вопросов. Нельзя представлять простое возвращение к прошлому порядку вещей (до 1981 г. — В. С.) как единственной цели, стоящей перед страной”.

Однако дамоклов меч досрочных выборов по-прежнему висел над головами правого парламентского большинства. „Я могу распустить Национальное собрание, назначить президентские выборы или референдум. Я могу хоть завтра объявить о новых выборах, но я не одержим манией выборов”, — заявил Ф. Миттеран в том же интервью.

Разногласия президента и премьер-министра стали новым феноменом V Республики конца 80-х годов, причем не только в области внутренней, но и внешней политики. Наиболее на-

глядный пример — расхождения в подходе к международной конференции по урегулированию ближневосточной проблемы: Миттеран твердо заявил о поддержке предложений СССР о созыве конференции пяти постоянных членов Совета безопасности ООН с участием Израиля и Организации освобождения Палестины; Ширак также высказался за такую конференцию, но... без участия палестинцев, что фактически отражало позицию США и Израиля.

Разница в акцентах была видна и в отношении к перестройке и гласности в СССР, причем здесь члены правительства Ж.Ширака оказались правее своих коллег из правительства США и даже партнеров по ЕЭС (особенно К.Малюре, государственный секретарь по правам человека при премьер-министре).

Тогдашний министр иностранных дел Ж.-Б.Рзмон в телеинтервью в феврале 1987 г. пугал партнеров по НАТО перестройкой как очередным „камуфляжем советского экспансионизма”, призывал союзников к „двойной бдительности”, заклинал „не предаваться иллюзиям и не делать уступок за счет интересов Запада”⁴.

И все же главное слово оставалось за трудовой Францией. *Массовые забастовки рабочих и служащих, выступления учащейся молодежи*, охватившие в конце 1986 — начале 1987 г. всю страну, — вот та реальная преграда, которая вынудила правых приостановить с 1987 г. демонтаж социальных завоеваний трудящихся страны, закрепленных в прогрессивном законодательстве левого правительства 1981—1984 гг.

Такого накала классовой борьбы, как в декабре 1986 г. — январе 1987 г., Франция не знала со времен „красного мая” 1968 г. В результате правительству пришлось отступить. Повис в воздухе законопроект о возврате к 65-летнему пенсионному возрасту для мужчин. Премьер-министр отозвал из парламента реакционный законопроект о реформе высшего образования, после того как студенты в декабре 1986 г. устроили массовые демонстрации, переросшие в баррикадные бои с полицией и жандармерией, в ходе которых имелись жертвы с обеих сторон.

Логическим завершением этой социально-экономической борьбы стали очередные президентские (апрель — май 1988 г.) и новые досрочные (июнь 1988 г.) парламентские выборы, как бы повторившие ситуацию семилетней давности — 1981 год, однако с рядом существенных изменений.

⁴ Le Figaro. 1987. 18 février.

Президентские выборы 24 апреля и 8 мая 1988 г. сенсации не принесли: как и предсказывали опросы общественного мнения, убедительную победу над своим премьер-министром Ж. Шираком одержал Ф. Миттеран — 54% против 45,9%.

Далее все пошло по тому же сценарию, что и ровно семь лет назад. Вскоре после своего вторичного избрания Миттеран распустил Национальное собрание и назначил на июнь 1988 г. досрочные парламентские выборы. Судя по сообщениям французской прессы, некоторые из советников президента рекомендовали ему не спешить и не копировать механически ситуацию 1981 г. Предлагалось сначала создать в Национальном собрании обстановку кризиса (вотум недоверия „временному” правительству социалиста Мишеля Рокара, который наверняка бы вынесло правое большинство нижней палаты), а затем уже распускать парламент. Но Миттеран предпочел не тянуть (дебаты по вотуму могли затянуться до осени), а действовать решительно. Здесь сработал стереотип многолетней избирательной практики V Республики — победивший президент ведет за собой „избирательное болото” в провинции и тем самым обеспечивает парламентскую победу своей партии. Так было в 1965 г. при де Голле, так случилось в 1969 г. при Помпиду, по той же схеме действовал в 1981 г. и сам Миттеран. Подавляющее большинство обозревателей и на этот раз сулило ему и социалистической партии победу — абсолютное большинство мест в Национальном собрании.

Однако досрочные парламентские выборы 6 и 12 июня 1988 г. опрокинули эти, казалось бы, апробированные многолетней практикой прогнозы — социалисты неожиданно для них получили лишь относительное большинство в Национальном собрании: из 577 мест только 272 мандата вместе с левыми радикалами (абсолютное большинство — 289 мандатов). Наоборот, блок правых и центристских партий во главе с ОПР—СФД сохранил солидное представительство — 269 мандатов, но и они не имели прежнего абсолютного большинства (286 мест плюс голоса 38 ультра-правых депутатов в нижней палате образца марта 1986 г.).

Арбитром в этом противостоянии левых и правых в Национальном собрании за вотум доверия социалистическому правительству и последующие его реформы выступают 26 депутатов ФКП. Если они присоединят свои голоса к голосам социалистов и левых радикалов (т. е. воссоздадут практику совместной программы левых сил 70-х — первой половины 80-х годов), то правительство социалистов обеспечит себе тре-

буемое для проведения законопроектов абсолютное большинство в Национальном собрании.

Но для этого, как подчеркнул Генеральный секретарь ФКП Ж. Марше, необходимо, чтобы социалисты не повторяли ошибок политики „жесткой экономии” 1983–1986 г., а проводили „действительно новую политику”. В таком случае не исключена возможность нового вхождения коммунистов в левое правительство.

Президентские и парламентские выборы 1988 г. выявили целый ряд новых моментов в политической жизни Франции, отражающих глубинные изменения в экономике и социальной структуре французского общества конца 80-х годов.

Программы трех основных претендентов на выборах — Ф. Миттерана, Ж. Ширака и Р. Барра — были настолько близки, что большинство избирателей (особенно в провинции) голосовало не столько за программу, сколько за личность кандидата. Не было, в отличие от выборов 1981 г., и того психологического противостояния избирателей, когда они четко делились на левых и правых, причем многие левые избиратели тогда, семь лет назад, искренне верили, что программа социалистов „Изменить жизнь!”, поддержанная ФКП, действительно открывает путь к социализму.

На этот раз и Ф. Миттеран и депутаты-социалисты тщательно избегали крайних выражений, „левых” фраз, политической конфронтации. Избирательная кампания Миттерана больше всего напоминала избирательную кампанию де Голля в 1965 г., когда Миттеран был его главным соперником слева. Однако было заметно разительное отличие мая 1988 г. от мая 1981 г.: тогда весь Париж бурлил и „стоял на голове” — сторонники Миттерана бурно праздновали победу. Семь лет спустя празднование было не во всем Париже, а только на площади Республики, и заезжему туристу лишь одинокие гудки автомобилей-социалистов изредка напоминали, что их кумир победил во второй раз.

Политическая апатия избирателей ярче всего проявилась во время досрочных парламентских выборов — в первом туре к урнам не явилось 34% избирателей, во втором — 30%. Такого не было за всю историю V Республики. Этот тревожный симптом отражает неверие трети избирателей в программы основных политических партий страны, в их способность „изменить жизнь”.

Не оправдались прогнозы политологов об усилении неонацистской опасности во Франции в связи с „феноменом Ле Пена”. С июня 1984 г. (выборы в Европейский парламент)

„Национальный фронт” стремительно набирал голоса. В первом туре президентских выборов Ле Пен вышел даже на четвертое место (после Миттерана, Ширака, Барра), набрав в два раза больше голосов (14,5%), чем кандидат ФКП Л. Лежуани (6,8%).

По отдельным округам (например, департамент Буш-дю-Рон с центром в Марселе) Ле Пену удалось набрать до 30% голосов. Накануне досрочных парламентских выборов он похвастался по телевидению, что депутаты „Национального фронта” станут арбитрами между правыми и левыми в парламенте. И вдруг — такой пассаж: вместо 35 прежних мест неонацисты получили... одно, а самого Ле Пена избиратели с треском прокатили. Феномен Ле Пена в 1984—1988 гг. подтверждает историческую традицию Франции, когда эфемерные политические группировки (буланжисты в конце 80-х годов прошлого века, пужадисты середины 50-х годов XX века) могут всплыть наверх, используя временную конъюнктуру (идеи реванша, мелкобуржуазную революционность, расизм), но постоянной стабильной основы во французском обществе они не имеют. В этом, кстати, коренилась неудача французских фашистов захватить власть в начале 30-х годов.

Наоборот, стабильные политические формирования, подобно ФКП, несмотря на объективные и субъективные трудности, устояли. Вопреки самым пессимистическим прогнозам (перед вторым туром парламентских выборов один из телеобозревателей сулил коммунистам не более 7—10 мест в Национальном собрании, а в солидных газетах помещались статьи аналитиков о том, что скоро ФКП „сойдет во Франции на нет”), компартия с честью вышла из этой тяжелейшей избирательной борьбы. И хотя общее число ее мандатов все же уменьшилось (с 35 в 1986 г. до 26 в 1988 г.), общая расстановка политических сил в парламенте делает арбитром именно ФКП, а не „Национальный фронт”, как прогнозировали почти все французские и иностранные обозреватели.

Порог своего 30-летия V Республика перешагнула в той же обстановке острых социальных и политических противоречий, что и при своем рождении, и они, судя по всему, не исчезнут и при новом правлении социалистов. Маятник политической жизни Франции продолжает колебаться слева направо и наоборот.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК ФРАНЦУЗСКИХ ТЕРМИНОВ И СОКРАЩЕНИЙ

ACE – Allocation de chômage de l'Etat, „государственное пособие по безработице”. Выплачивается с 1958 г. всем „саларье” (salariés) при наличии трех месяцев стажа с 18 до 60 лет, физически здоровым и не уволенным с последней работы „за серьезный проступок или по собственному желанию без достаточных на то причин” (из ордонанса 1958 г. о введении пособия). Размер пособия колеблется от 35 до 90% последней зарплаты и зависит от квалификации, стажа, семейного положения (количества детей и их возраста), отметок о регистрации на бирже труда; многократный отказ от предлагаемой работы на бирже труда ведет к сокращению размера пособия вплоть до его аннулирования.

ACIF – Association des cadres de l'industrie française, „Ассоциация руководящих кадров французской промышленности”. Возникла в сентябре 1945 г. как „клуб” предпринимателей и управляющих (P.-DG) национализированных и смешанных предприятий. Играет роль своеобразного „моста” между государством и монополистическим капиталом.

AF – Allocations familiales, „семейные пособия”. Впервые были введены в 1939 г. и подтверждены в 1946 г. с целью экономически стимулировать рождаемость в стране. Выплачиваются всем гражданам Французской республики независимо от доходов (Ротшильдам и безработным одинаково). Играют важную роль в бюджете средней французской семьи, образуя до $\frac{1}{4}$ ее ежемесячных денежных поступлений. Семейные пособия подразделяются на три вида: allocation prénatale – „дородовое пособие”. Выплачивается женщинам с трех месяцев беременности до момента рождения ребенка (1968 г. – 90 фр., 1981 г. – 200 фр. ежемесячно); allocation de maternité – „единовременное пособие на родившегося ребенка” (1968 г. – 686 фр., 1981 г. – 1600 фр.). В полном объеме пособие выплачивается женщинам, родившим первого ребенка до 25 лет и не позднее двух лет после замужества; на всех последующих детей оно выплачивается с интервалом не более чем в три года; в этом случае пособие увеличивается в арифметической прогрессии – 3200 фр. за второго ребенка, 4800 фр. – за третьего и т. д.; allocation d'éducation des enfants – „пособие на воспитание детей”. Выплачивается до 16 лет, а если ребенок продолжает учебу в лицее или коллеже, то до 18–19 лет, но при условии, что в семье не менее двух детей (на одного ребенка пособие не выплачивается). Ежемесячный размер такого пособия на двух детей составлял: в 1968 г. – 163 фр., в 1977 г. – 179 фр., в 1981 г. – 314 фр. Если родители без уважительных причин не отдадут с 6 лет ребенка в школу, они лишаются пособия на данного ребенка. Неработающая мать, занятая исключительно воспитанием детей, получает специальную надбавку „матери-домохозяйки” (allocation de mère à foyer). Мать-домохозяйка, воспитавшая до 16 лет пять и более детей, имеет право на получение пенсии.

AL – Allocation logement, „жилищные пособия”. Выплачиваются малоимущим и многодетным семьям после обследования их жилищных условий и денежных доходов органами государственного социального обеспечения. Размер пособия колеблется в зависимости от места проживания (в Париже и крупных городах выше, чем в сельской местности). Эти пособия включают также различные дотации (например, при смене места жительства – prime de déménagement). Левое правительство в декабре 1981 г. увеличило размер жилищных пособий на 50%.

ASSEDIC – „система государственного страхования на случай безработицы”. Образуеться из добровольных отчислений „саларье” и БОФ (BOF) с момента поступления на работу (открытия „своего дела”); существует с 1919 г. Составляет около 35% зарплаты или дохода; в просторечии именуется „милостыней” (в 1977 г. – по 10 фр. в день на главу семьи и по 4 фр. на каждого иждивенца), ибо в основном такое пособие получают лица, живущие ниже официальной „черты бедности”: бродяги, „хиппи”, хронические больные и т. д.

BOF – beurre, oeufs, fromage, „масло, яйца, сыр” (БОФ). Уничижительное собирательное название мелких розничных торговцев и ремесленников, эквивалентное русскому „барыги”.

Cadre – „кадры”. Принятое во Франции обобщающее определение инженерно-технических работников (ИТР) и служащих, имеющих дипломы о высшем и среднем специальном образовании.

CFDT – Confédération française démocratique des travailleurs, Французская демократическая конфедерация трудящихся (ФДКТ). Возникла в 1919 г., в 1964 г. сменила название с „христианской” на „демократическую”, что вызвало раскол этого профцентра: часть его членов (около 10%) во главе с прежним правым руководством ушла из ФДКТ и создала раскольнический профсоюз под прежним названием – ФКХТ (CFST – Confédération française chrétienne des travailleurs), существующий и поныне.

CFM – Confédération française des métiers, Французская конфедерация профессий. Возникла в 1926 г., объединяет владельцев средних предприятий католического толка. В V Республике самостоятельной роли не играет.

CGAF – Confédération générale de l'agriculture française, Всеобщая конфедерация сельского хозяйства Франции (ВКСХФ). Создана в 1944 г., объединяет аграрные монополии и крупные кулацкие фермерские хозяйства, а также сельхозспециалистов (агрономов, зоотехников и т. д.). В аграрной политике стремится играть ту же роль, что и НСФП – CNPF – в промышленности.

CGC – Confédération générale des cadres, Всеобщая конфедерация кадров (ВКК) – автономный профсоюз. Создана в 1944 г., объединяет часть ИТР, высших и средних служащих государственного, смешанного и частного секторов экономики. Часто выступает в роли штрейкбрехеров демократического профдвижения страны.

CGE – Compagnie générale d'électricité, Всеобщая электрическая компания (электротехника, электроника, телевизионное оборудование). Ведущая французская компания с капиталом (1982) в 46 млрд. фр., 180 тыс рабочих и служащих, из которых 30 тыс. работают в филиалах компании за границей. Сотрудничает с СССР.

CGPME – Confédération générale des petites et moyennes entreprises, Всеобщая конфедерация мелких и средних предприятий (ВКМСП). В 1944 г., когда она была основана, объединяла около 1 млн. мелких и средних патронов. С 1946 г. является коллективным членом НСФП –

CNPF, до 1969 г. оказывала большое влияние на его политику. В настоящее время самостоятельной роли не играет.

CJP – Centre des jeunes patrons, Центр молодых предпринимателей. Возник в 1938 г. как „корпорация наследников” и первоначально объединял лиц не старше 45 лет. В 1968 г. в духе общей перестройки французского патроната центр был реорганизован и наряду с молодыми патронами-наследниками в него вошла часть П.-ДЖ (P.-DG), в связи с чем старая „корпорация” поменяла название на „Центр молодых руководителей предприятий”.

CNC – Conseil national du commerce, Национальный совет торговли (НТС). Создан в 1946 г., объединяет около 900 тыс. торговых предприятий с 1 млн. 200 тыс. рабочих и служащих. На правах коллективного члена входит в НСФП – CNPF, имеет широкое представительство в его руководящих органах как младший партнер крупного капитала страны.

CNCA – Confédération nationale des caisses agricoles, Национальная конфедерация сельскохозяйственных касс взаимопомощи. Возникла в 1944 г., объединяет преимущественно мелкие „семейные” крестьянские хозяйства. Тесно сотрудничает с демократическими профцентрами рабочих и служащих.

CNPF – Conseil national du patronat français, Национальный совет французского патроната (НСФП). Главный „штаб” монополий Франции. Возник в 1946 г., контролирует всю частную экономику страны, оказывая решающее влияние на смешанный и национализированный секторы. Тесно связан с правыми партиями V Республики.

CRAE – Centre des recherches administratives et économiques, Центр административных и экономических исследований. Создан в 1952 г. как пропагандистский филиал ACIF, тесно связанный с предпринимательскими изданиями – газетой „Les Echos”, журналами „L'Entreprise”, „L'Usine”.

CRS – compagnies républicaines de sécurité, „роты республиканской безопасности”. Специальные полицейские формирования, созданные во Франции в 1951 г. под предлогом „охраны общественного порядка” для разгона демонстраций, забастовок, митингов и т. д. Имеют особую форму и снаряжение (шлемы, прозрачные щиты, дубинки, слезоточивый газ, машины-водометы, собак, в необходимых случаях вооружены автоматами); вызываются в тех случаях, когда обычная полиция не может справиться с массами на улицах.

Compagnie Saint-Gobin – Pont-a-Mousson, Компания Сен-Гобен – Пон-а-Муссон. Крупная частная компания (стекло, стройматериалы, бумага и др.) с капиталом (1982) в 43 млрд. фр. и 163 тыс. рабочих и служащих, из которых 86 тыс. заняты в филиалах компании за границей. Сотрудничает с СССР.

CGT – Confédération générale du travail, Всеобщая конфедерация труда (ВКТ). Крупнейший профцентр Франции, создан в 1895 г., объединяет (1987) более 2 млн. рабочих и служащих, тесно сотрудничает с ФКП.

CGT-FO – „Confédération générale du travail” – „Force Ouvrière”, Всеобщая конфедерация труда – Рабочая сила (ВКТ – ФО). Раскольнический профцентр (около 400 тыс. членов в 1980 г.); возник в 1948 г. в результате раскола ВКТ; проводит политику антикоммунизма и штрейкбрехерства в демократическом профдвижении Франции.

DEUG – diplôme d'études universitaires générales, Диплом общего университетского образования. Выдается при успешной сдаче экзаменов и

зачетов за первый „цикл” обучения (2 года). Дает право работать мелким служащим или учителем начальной школы (école primaire). В 1977 г. DEUG (или диплом университета 3-й степени) получал лишь один из двух студентов, записавшихся в университет; остальные довольствовались справкой о прослушанных курсах, правда, с правом через год-два снова сдавать на DEUG.

DESS — diplôme d'études supérieures spécialisées, Диплом высшего специального образования — диплом 1-й степени. Выдается после успешного окончания первого (DEUG) и второго (licence) „циклов” университетского образования (всего 5 лет). Дает право работы как специалисту с полным высшим образованием, а также поступления в аспирантуру (doctorat de 3-ème cycle — еще 2—3 года учебы), докторантуру (doctorat d'Etat — еще пять лет), право на стажировку по технической специализации (diplôme docteur-ingénieur — еще 2—3 года учебы при НИИ или КБ), стажировку для преподавательской работы в вузе (doctorat d'université — еще 2—3 года).

DUT — diplôme universitaire de technologie, Университетский диплом о технологическом образовании. Выдается выпускникам IUT после двух лет обучения, адекватен диплому техникума в СССР, но в отличие от нашей страны не дает права на дальнейшее обучение в вузе, особенно в „больших школах” — les Grandes écoles.

Electorat — „электорат”. Собирательный термин, обозначающий избирателей, голосующих за того или иного кандидата, партию или блок партий.

ENA — Ecole Nationale d'Administration, Национальная школа администрации. Создана в 1945 г. по инициативе министров-коммунистов для подготовки кадров директоров национализированных предприятий. Срок обучения — три года; Принимаются исключительно выпускники „Больших школ” — Grandes écoles, главная „кузница” P-DG. Выпускники ENA называют себя „энархами”, носят специальный значок и объединены духом корпоратизма — „технократов XXI века” (в неофициальной обстановке энархи обращаются друг к другу на „ты”).

FEN — Fédération de l'éducation national, ФЕН, Федерация работников национального образования (автономный профсоюз). Создана в 1948 г., насчитывает около 500 тыс. школьных учителей и преподавателей вузов, состоит из трех автономных объединений: SNI — учителя начальных школ, SNES — преподаватели колледжей и лицеев, SNESUP — преподаватели вузов. В 1981—1986 гг. Федерация поддерживала левое правительство.

FNSA — Fédération nationale des syndicats agricoles, Национальная федерация синдикатов землевладельцев (НФСЗ). Создана в 1945 г., объединяет крупных фермеров-кулаков, является „головной” организацией ВКСХФ — CGAF, своеобразным „государством в государстве”.

France d'Outre Mer — „Заморская Франция”. Этим термином сегодня обозначаются остатки колониальных владений Франции в административном подчинении метрополии, разделяющиеся на DOM (départements d'Outre Mer — о-ва Гваделупа, Мартиника, Реюньон, Св. Петра и Микелон, а также Французская Гвиана) и TOM (territoires d'Outre Mer — о-в Новая Каледония, о-ва Французской Полинезии, о-в Уоллис и о-в Футуна). TOM и DOM имеют особый статус управления (значительные полномочия префекта или генерального комиссара) при ограничении функций местных органов самоуправления (муниципальных советов и территориальных ассамблей).

Grandes écoles — „большие школы”. Принятое во Франции понятие

для нескольких крупных привилегированных „марочных” вузов, возникших еще во времена Великой французской революции и наполеоновской империи: Ecole polytechnique (политехническая школа), Défense nationale (военно-инженерная), Ponts et Chaussées (мостов и дорог), Postes et Télécommunications (связи и телекоммуникаций), Travaux publics (общественных работ), Mathématiques et Électricité (математики и электротехники), Commerce (торговли), Agriculture (сельского хозяйства) и др.

HLM – Habitation (habitat) à loyer modéré, АШЭЛЭМ, „жилища за умеренную плату”. Муниципальные квартиры, строящиеся за счет бюджета коммуны. Квартплата в АШЭЛЭМ значительно ниже, чем у частных домовладельцев. Распределяются такие квартиры муниципалитетом в порядке очереди среди малоимущих и многодетных жителей коммуны.

Indemnité journalière – indemnités journalières des assurances-maladie et maternité, „оплата бюллетеней по болезни и уходу за больным ребенком”. Оплата начинается с четвертого дня болезни (от 50 до 75% зарплаты) и включает: возмещение из страхового фонда расходов за визиты к врачу, госпитализацию, покупку лекарств (до 80%). Размер выплаты больничной компенсации зависит также от состава семьи (при несовершеннолетних детях мать получает компенсацию до 90% ее зарплаты).

IUT – institut universitaire de technologie, университетский технологический институт. Средние специальные учебные заведения (техникумы) в рамках университетов со сроком обучения два года. Созданы в 1966 г. в развитие реформы К. Фуше. Готовят средних технических специалистов („капралов” индустрии). Среди учащихся довольно высок процент детей из семей рабочих и мелких служащих (до 30% в 1967 г.), однако диплом DUT получают лишь два из трех поступивших на учебу (1974).

Licence – „лисанс”, университетский диплом 2-й степени (три года обучения. два года на первом „цикле”, один год на втором). Допускаются к „лисанс” лишь те студенты, которые получили диплом 3-й степени – DEUG. „Лисанс” открывает выпускнику университета два пути: первый – преподаватель в лицее или коллеже при условии сдачи специального дополнительного экзамена на CAPES – certificat d’aptitude de l’école secondaire; второй – поступление на 3-й, полный „цикл” обучения (еще два года) для получения диплома 1-й степени – DESS.

MNFA – Mouvement national des familles agricoles, Национальное движение в защиту семейных хозяйств. Возникло в 1959 г. как объединение защиты экономических и социальных интересов мелких крестьянских хозяйств. Находится в оппозиции к крупным аграриям (CGAF) и фермерам-кулакам (FNSA).

MRG – Mouvement des radicaux de gauche, Движение левых радикалов. Откололось в 1972 г. от Parti des radicaux et radicaux-socialistes. В том же году присоединилось к совместной правительственной программе левых сил. В левой коалиции 1981–1986 гг. самостоятельной роли не играло, следуя политике ФСП – PS.

NATO – North Atlantic Treaty Organisation, Организация Североатлантического договора. Военно-политический блок ряда западноевропейских государств и Канады во главе с США. Создан в 1949 г. (французская аббревиатура OTAN – Organisation du traité atlantique du Nord).

Nègre blanc – „белый негр”. На парламентском жаргоне – каучуковая резолюция (начало – „за здравие”, конец – „за упокой”), призванная примирить на бумаге различные предложения противоборствующих фракций.

Notable – „нотабль”, буквально – „достойный выбора”. Собира- тельный термин, обозначающий лиц, избранных в местные органы власти (мэры, муниципальные и генеральные советники). Иногда трактуется шире – все выборные лица (депутаты Национального собрания, Сена- та, выборных консультативных органов государства).

Paribas – сокращ. от *Compagnie financière de Paris et des Pays-Bas*, Парижско-нидерландская финансовая компания – старейшая француз- ская финансово-промышленная монополия с капиталом (1982) в 238 млрд. фр. и ежегодной прибылью в 1,3 млрд. фр. Контролировала 2,6 тыс. предприятий и банков с 790 тыс. рабочих и служащих практи- чески во всех отраслях экономики страны.

PCF – *Parti communiste français*, Французская коммунистическая партия (ФКП). Боевой авангард трудящихся Франции. Создана в 1920 г. на съезде Социалистической партии в г. Туре. В 1920–1943 гг. носила официальное название „Французская секция Коммунистического Интер- национала” – *Section Française de l'Internationale Communiste* – SFIC.

P.-DG – *Président-Directeur général*, президент-генеральный директор (П.-ДЖ). Собира- тельный термин для обозначения управляющих на круп- ных национализированных, смешанных и частных предприятиях и бан- ках, адекватный англо-американскому „менеджер” – *manager*.

Pechiney-Ugine Kuhlmann – Пешине-Южин Кюльманн, крупная ком- пания (алюминий, легированная сталь, химикаты, медикаменты) с ка- питалом (1982) в 38 млрд. фр. (свыше 50% акций в руках иностранно- го капитала), 89 тыс. рабочих и служащих, из которых 21 тыс. занята в филиалах компании за границей. Сотрудничает с СССР.

Pensions-Retraites – „пенсии”. Разделяются на два типа: *de vieillesse* – по старости. На получение пенсии имеют право женщины и мужчины (с 1981 г.) с 60 лет при наличии 37 лет непрерывного производственно- го стажа работы. До 1981 г. размер пенсии по старости был мизерным – 40% зарплаты (300–350 фр. в месяц в 1970 г., что было ниже даже сту- денческой стипендии; на этот мизер существовало более 2 млн. стари- ков). В 1981 г. профсоюзы добились значительного увеличения пенсии по старости – до 1700 фр. в месяц; *d'invalidité* – по инвалидности. Со- ставляют 60% от последней зарплаты при ежегодном повышении на 10% (надбавка на инфляцию); выплачиваются до 60 лет, после чего заменяются на пенсии по старости.

Pieds-noirs – „черноногие” (разговорн.). Полунасмешливое прозвище европейского (французы, испанцы, итальянцы, евреи и др.) населения в Алжире (до 1962 г.) и во Франции.

Promulgation – „промульгация”, юридический термин, обозначающий право президента V Республики держать на подписи принятый парла- ментом закон „для изучения” в течение двух недель, после чего он может или подписать законопроект, или потребовать вторичного его обсужде- ния. Однако, если парламент вторично принимает закон, президент обя- зан подписать его незамедлительно.

PS – *Parti Socialiste*, Французская социалистическая партия (ФСП). Официальное летосчисление ведет с 1905 г., когда объединились Со- циалистическая партия Франции (гедисты) и Французская социалистиче- ская партия (жоресисты). Фактическая дата основания партии – 1920 год, когда меньшинство делегатов ушло с конгресса в г. Туре и основало ре- формистскую партию под прежним названием. В годы IV и V (до 1969 г.) Республик носила название СФИО – SFIO [от французской аббревиатуры *Section Française de l'Internationale Ouvrière* – „Французская секция ра- бочего (социал-демократического) Интернационала”].

PSU – Parti socialiste unifié, Объединенная социалистическая партия (ОСП). Возникла в 1960 г. на базе отколовшейся в 1958 г. от ФСП – СФИО Автономной социалистической партии. В 1967 г. руководство в партии захватили левацки настроенные парижские интеллигенты во главе с Мишелем Рокаром. Пытались создать „новое левое” движение на основе лозунгов „красного мая” 1968 г. Потерпели поражение. М. Рокар вернулся в „альма матер” – ФСП – и в 1981 г. стал министром-социалистом. С июня 1988 г. М. Рокар – премьер-министр в правительстве, сформированном им после победы на президентских выборах Миттерана.

Rhône-Poulenc – Рон-Пуленк, крупный химический концерн с капиталом (1982) в 31 млрд. фр. (более 50% – в руках иностранных акционеров), 95 тыс. рабочих и служащих, из них 35 тыс. – в зарубежных филиалах компании. Тесно сотрудничает с СССР.

RPR – Rassemblement pour la République, Объединение в поддержку республики (ОПР). Правая голлистская партия; основана 1 октября 1958 г. под названием „Союз в защиту Новой республики” (ЮНР – UNR – Union pour la Nouvelle république). Неоднократно меняла название: в 1963–1966 гг. называлась ЮНР – ЮДТ (UNR – UDT – Union démocratique du travail), в 1967 г. – ЮДВ (Union démocratique pour la V-me République), с 1968 г. – ЮДР (Union démocratique pour la République). Нынешнее название ОПР – RPR носит с декабря 1976 г.

Salarié – зарплате (букв. – „получающий зарплату”), обобщающий термин для лиц наемного труда, не имеющих других доходов, кроме зарплаты. Под „зарплате” обычно подразумеваются рабочие и служащие, т. е. подавляющее большинство трудящихся страны.

SMIC – salarié minimum interprofessionnel de croissance (СМИК) – минимальный межпрофессиональный уровень зарплаты со скользящей шкалой роста; направлен на автоматическое повышение заработной платы по мере роста цен. Введен декретом правительства с января 1970 г. Включает минимальный уровень зарплаты (из расчета за один час работы) с коэффициентом надбавки на инфляцию (в среднем 10% ежегодно). СМИК различен у разных категорий трудящихся. Самый высокий – у квалифицированных рабочих и служащих со стажем не менее пяти лет (в 70-х годах – 1450 фр. в месяц, с 1981 г. – 21 900 фр. в месяц). СМИК – SMIC заменил существовавший с 1950 г. СМИГ – SMIG (salarié minimum interprofessionnel garanti – 600 фр. в месяц до 1968 г.) и СМАГ (SMAG salarié minimum agricole garanti – 350 фр. в месяц до 1968 г.).

Société nationale – „национальное общество”. Этим термином во Франции издавна обозначаются полностью национализированные и управляемые государством крупные компании. В обиходном понятии они ассоциируются с восемью крупнейшими государственными компаниями: Electricité de France (электростанции и электротехника), Gaz de France (добыча, переработка и распределение газа), Charbonnage de France (добыча и распределение угля), SNCF – Société nationale des chemins de fer (железные дороги и их обслуживание), Régie nationale des usines Renault (автомобильные заводы „Рено” во Франции и их филиалы за границей), RATP – Régie autonome du transport parisien (городской транспорт Парижа – метро, автобусы, электрички), Aéroport de Paris (аэропорты Парижа и автобусная связь с ними), SEITA – Service d'exploitation industrielle des tabacs et des allumettes (табачно-спичечная монополия).

Société nationale mixte – „смешанное национальное общество”. Компания со смешанным государственно-частным капиталом, где доля государства колеблется от 5 до 80%. Примером „смешанного национального

общества" может служить одна из девяти мировых нефтяных монополий – *Compagnie française de pétrole*, где государство является держателем 35% акций, или одна из всемирно известных авиакомпаний *Air France*, 80% акций которой контролировало государство.

Suez – сокращ. от *Compagnie financière de Suez* (Суэцкая финансовая компания). Старейшая финансово-промышленная монополия Франции с капиталом (1982) в 260 млрд. фр. и ежегодной прибылью в 875 млн. фр. Контролировала 1,7 тыс. предприятий и банков, на которых было занято около 550 тыс. рабочих и служащих.

Thomson-Brandt – Томсон-Брандт (электронная аппаратура, производство обычного оружия). В 1982 г. обладала капиталом в 36,5 млрд. фр. (свыше 45% у иностранных акционеров), на предприятиях фирмы работали 128 тыс. рабочих и служащих, из них 20 тыс. – за границей. Фирма сотрудничает с СССР.

Tickets modérateurs – „чеки на медицинское обслуживание“. По закону от 7 января 1966 г. французская система здравоохранения построена по принципу „смешанной экономики“: медицина находится в руках частнопрактикующих врачей (кабинеты, клиники, родильные дома и т. д.), но 70% из них работают по контрактам с государством, соглашаясь брать наличные деньги с больных по общенациональному тарифу за различные виды болезней. Государственное страхование „сальарье“ покрывает 85–95% расходов на лечение, остальные 5–15% больной тратит из собственного кармана. Для учета этих расходов „из кармана“ больного и существует „чековая книжка“ – *tickets modérateurs*, в которой врач указывает полученную наличными сумму за лечение. Левое правительство отменило эти „чековые книжки“ (т. е. начало оплачивать 100% расходов на лечение), но правое правительство с 1987 г. ввело их вновь.

TVA – *taxe à valeurs ajoutées* (ТВА), „такса на добавленную стоимость“. Налог на продажу товаров первой необходимости (продукты питания, одежду, обувь и др.), который варьируется в зависимости от географии экономического региона (в крупных городах ТВА выше, чем в сельской местности).

UDF – *Union pour la Démocratie Française*, Союз за французскую демократию (СФД). Партия сторонников В. Жискара д'Эстена; возникла 1 февраля 1978 г. как избирательный блок на парламентских выборах трех центристских группировок. *Национальной федерации независимых республиканцев* (*Fédération nationale des républicains indépendants*, откололась в 1962 г. от созданного еще в 1948 г. *Centre national des indépendants et des paysans de l'action sociale*), *Демократического и социального центра* [*Centre démocratique et social*, возник в 1966 г. на развалинах крупнейшей в IV Республике партии МРП (*MRP* – *Mouvement républicain populaire*)] и правого большинства *Партии радикалов и радикал-социалистов* (*Parti des radicaux et des radicaux-socialistes*, основана в 1869 г.). После победы на парламентских выборах в марте 1986 г. СФД входит в правительство, а в парламенте блокируется с депутатами ОПР – **RPR**.

UNEF – *Union Nationale des étudiants de France*, национальный союз студентов Франции. Создан в 1946 г. как общенациональный профсоюз студентов страны. Формируется на базе многочисленных политических и культурных студенческих объединений, делегирующих в бюро ЮНЕФ своих представителей. Основная функция – распределение материальных благ (стипендий, общежитий и т. д.), поступающих через Экономический и Социальный совет в виде дотаций из бюджета на образование.

БИБЛИОГРАФИЯ

Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева во Францию 2–5 октября 1985 года. М., 1985.

Горбачев М. С. Ответы на вопросы газеты „Юманите“ 4 февраля 1986 года/Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 3. С. 154–170.

Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987.

Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987.

Горбачев М. С. Революционной перестройке – идеологию обновления. М., 1988.

Горбачев М. С. О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки. Доклад на XIX Всесоюзной конференции КПСС 28 июня 1988 года. М., 1988.

* * *

Айвазова С. Г. Левый радикализм в идейно-политической жизни Франции, 1958–1981. М., 1986.

Арсеньев Э. А. Франция под знаком перемен. М., 1984.

Барановский В. Г. Европейское сообщество в системе международных отношений. М., 1986.

Бирнбаум М. и др. Французский правящий класс/Пер. с франц. М., 1981.

Борисов Ю. В. СССР и Франция: 60 лет дипломатических отношений. М., 1984.

Бунин И. М. Буржуазия в современном французском обществе. М., 1978.

Государственная служба основных капиталистических стран. М., 1977.

Демишель А., Демишель Ф., Пикемаль М. Институты и власть во Франции/Пер. с франц. М., 1977.

Диллигенский Г. Г. В поисках смысла и цели: проблемы массового сознания современного капиталистического общества. М., 1986.

Доморацкая Э. И. Социальное законодательство Франции. М., 1975.

Емохонова Л. Г. Рабочий класс Франции в условиях НТР: технологические сдвиги и занятость. М., 1985.

Ефимова А. Л. Французские коммунисты в муниципалитетах. М., 1975.

Западная Европа в современном мире. М., 1979. Т. 1–2.

Зуева К. П. Советско-французские отношения и разрядка международной напряженности. 1958–1986. М., 1987.

Ковлер А. И. Франция: партии и избиратели. М., 1984.

Коломийцев В. Ф. Рабочий класс и профсоюзы Франции в борьбе против монополий. М., 1981.

Колосков И. А. Внешняя политика Пятой республики. М., 1976.

Костриков С. П. Объединенная социалистическая партия в политической жизни Франции. М., 1985.

Крутоголов М. А. Президент Французской республики: правовое положение. М., 1980.

Кузнецов В. И. Механизм государственно-монополистического регулирования французской экономики. М., 1979.

Любимова В. В. Франция: государственное регулирование занятости, безработицы и зарплаты. М., 1976.

Люблинский В. В. Социально-экономические проблемы классовой борьбы во Франции. 1968–1981 гг. М., 1986.

Михайлов Е. М. Иностранная рабочая сила во Франции. М., 1977.

Молчанов Н. Н. Генерал де Голль. М., 1988.

Новиков Г. И. Голлизм после де Голля. М., 1984.

Павлова М. А. Региональная политика Франции. М., 1974.

Пассеван И. Р. В первых рядах. Очерки о коммунистах Франции/Пер. с фр. М., 1985.

Перминова А. И. Боевой авангард трудящихся Франции. М., 1980.

Поляниченко М. Ю. Участие Франции в ЕЭС и положение трудящихся страны. М., 1984.

Посконин В. С. Французская публицистика и историография „красного мая” 1968 г. М., 1982.

Ратиани Г. М. Франция: судьба двух республик. М., 1980.

Рубе В. А. Мелкое и среднее предпринимательство в условиях господства монополий (на примере Франции). М., 1978.

Рубинский Ю. И. V Республика (политическая борьба во Франции в 1958–1963 гг.). М., 1964.

Рупец В. Г. Христианское профсоюзное движение в годы V Республики. 1958–1978. М., 1980.

Савицкий П. И. Правительственный аппарат Пятой республики во Франции. Свердловск, 1979.

Салмин А. М. Промышленные рабочие Франции. М., 1984.

Сальчев С. С. В поисках „третьего пути”: эволюция идеологии социал-демократии в современную эпоху. М., 1988.

Седых В. Н. Франция в движении (очерки разных лет). М., 1986.

Сироткин В. Г. Франция в середине 70-х гг. М., 1976.

Славинов В. П. Внешняя политика Франции. 1974–1981. М., 1981.

Смирнов В. П. Франция: страна, люди, традиции. М., 1988.

Советско-французские отношения. 1965–1976 гг. Документы и материалы. М., 1976.

Трудовая Франция против власти монополий (майско-июньские события 1968 г. и дальнейшее развитие классовой борьбы). М., 1973.

Трунский Ю. Г. Французская деревня в XIX–XX вв. Тенденции развития. М., 1986.

Фадеева Т. М. Стратегия буржуазного реформизма в современной Франции. М., 1975.

Франция/Под ред. Г. Г. Дилигенского и В. И. Кузнецова. М., 1982.

Цыганков П. А. Рабочий класс Франции: критика антимарксистских концепций. М., 1983.

Черкасов П. П. Распад колониальной империи Франции (кризис французской колониальной политики в 1939–1985 гг.). М., 1985.

Черников Г. П., Черникова Д. А. Сторонники и противники франко-советского сотрудничества. М., 1971.

Чернега В. Н. Республиканская партия в политической жизни Франции (1962–1981). М., 1982.

Шилов В. С. Политические партии и внешняя политика Франции (1958–1969). М., 1977.

Ястребов И. Б. Католицизм в современной Франции. М., 1973.

Armengaud A. La population française au XX siècle. P., 1970.

Les Assurances sociales/Sous la direction de M. et R. Lasne. P., 1959.

Baudelot Ch., Estabiet R., Malemort J. La petite bourgeoisie en France. P., 1974.

Billy J. Les techniciens et le pouvoir. P., 1960.

Carré J.-J., Dubois P., Malinvaud E. La croissance française: un essai d'analyse économique causale de l'après – guerre. P., 1972.

Chevènement J.-P. Les socialistes, les communistes et les autres. P., 1977.

Courthéoux J.-P. Le salaire minimum. P., 1978.

Debré M., Debré J.-L. Le gaullisme. P., 1978.

Hanley D. L., Kerr A. P., Waites N. H. Contemporary France: Politics and Society since 1945. London, Boston. 1979.

Kuisel R. F. Capitalism and the State in the modern France: renovation and economic management in XX-th century. Cambridge (USA). 1981.

Lancel F. Valéry Giscard d'Estaing. P., 1974.

Lefranc G. Les organisations patronales en France du passé au présent. P. 1976.

Lojkine J. La classe ouvrière en mutations. P., 1986.

Marchais G. L'Espoir au présent. 1980.

Mermet G. La francoscopie. P., 1985.

Mitterrand F. Ici et maintenant. P., 1980.

Radvanyi J. L'URSS un revolution. P., 1987.

La Révolution, camarades! Les communistes s'adressent à tous les communistes [le Manifeste des rénovateurs]. P., 1987.

Rouanet A. et P. Les trois derniers chagrins du général de Gaulle. P., 1980.

Le 26-e Congrès du PCF, 2–6 décembre 1987 // Cahiers du communisme, décembre 1987 – janvier 1988 [Paris].

Campana A. L'argent secret/Le financement des partis politiques. P., 1976.

Charzat M., Chevènement J.-P., Toutain G. Le CERES, un combat pour le socialisme. P., 1975.

Dirfaume P. Les sommets de l'Etat. P., 1977.

Gallico L. Storia del Partito comunista francese. Milano, 1973.

Giroud F. La comédie du pouvoir. P., 1977.

Giscard d'Estaing V. La démocratie française. P., 1976.

Glucksmann A. Les maîtres penseurs. P., 1977.

Harris A., Sédouy de, A. Qui n'est pas de Droite? P., 1978.

Jobert M. L'autre regard. P., 1976.

Lacouture J. De Gaulle. P., 1987.

Lévy B.-H. Le testament de Dieu. P., 1979.

Marchais G. Le défi démocratique. P., 1973.

Mitterrand F. Le coup d'état permanent. P., 1965.

- Nay C.* La double meprise. P., 1980.
- Le Parti communiste français, la culture et les intellectuels//les textes choisis, présentés par L. Figuères. P., 1962.
- Peyrefitte A.* Le mal français. P., 1976.
- Pompidou G.* Pour rétablir la vérité. P., 1982.
- Rials S.* Les idées du président G. Pompidou. P., 1977.
- Rével J.-F.* La tentation totalitaire. P., 1976.
- Servan-Schreiber J.-J.* Le défi américain. P., 1967.
- Schvarzenberg R.-G.* La Droite absolue. P., 1981.
- Tournoux J.-R.* Le mois de mai du général [de Gaulle]. P., 1969.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Р а з д е л 1. Основы социально-экономического устройства	6
1. Кризис финансово-ростовщического характера французского империализма и поиски выхода из него	7
2. Государство в экономической жизни страны. Роль и влияние „Общего рынка”	14
3. Социальные сдвиги в классовой структуре	25
Р а з д е л 2. Общественно-политическая жизнь	42
1. Политические партии	42
2. Предпринимательские организации	66
3. Профсоюзы	80
4. Крестьянские ассоциации	87
Р а з д е л 3. Основы государственного устройства	93
1. Современный режим страны. Избирательная система	93
2. Законодательная власть	97
3. Исполнительная власть	103
4. Местные органы власти	118
Р а з д е л 4. Франция на современном этапе	138
1. Левые силы у власти: успехи и трудности	138
2. Советско-французские отношения	168
Вместо заключения	178
Краткий словарь-справочник французских терминов и сокращений	187
Библиография	195

Учебное издание

Владлен Георгиевич Сироткин

**ИСТОРИЯ
ФРАНЦИИ:
ПЯТАЯ
РЕСПУБЛИКА**

Заведующая редакцией *Т. Г. Липкина*
Редактор *Н. А. Федорова*
Младший редактор *С. А. Бугаенко*
Художник *А. В. Алексеев*
Художественный редактор *Т. А. Коленкова*
Технический редактор *Е. В. Фельдман*
Корректор *М. М. Сапожникова*

ИБ № 7380

Изд. № ИСТ-40. Сдано в набор 19.07.88. Подп. в печать 27.10.88.
А-11536. Формат 84 X 108¹/₃₂. Бум. тип. № 2. Гарнитура Пресс-Роман
Печать офсетная. Объем 10,5 усл. п. л. 10,71 усл. кр.-отт.
12,02 уч.-изд. л. Тираж 12000 экз. Зак. № 560. Цена 40 коп.

Издательство „Высшая школа”, 101430,
Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14.

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
101898, Москва, Центр, Хохловский пер., 7.